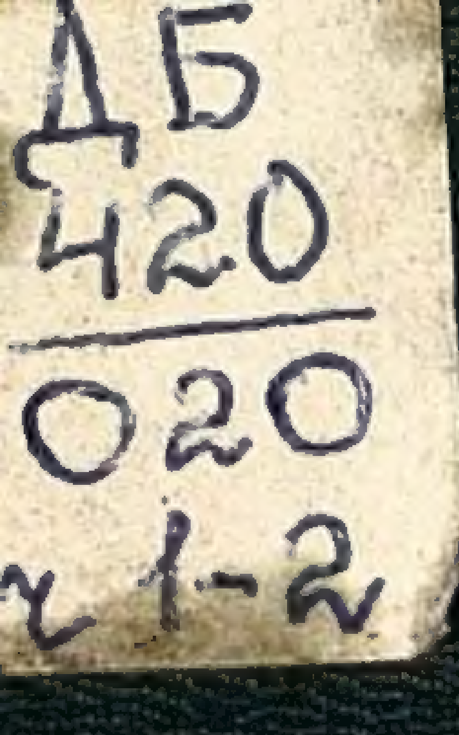
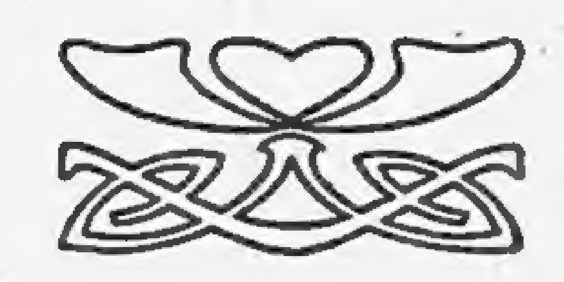

ДБ
420
020
ч 1-2

НОВЫЙ СТРОЙ
В. П. ОБНИНСКІЙ

Викторъ Обнинскій.

НОВЫЙ СТРОЙ.

Часть первая. -2

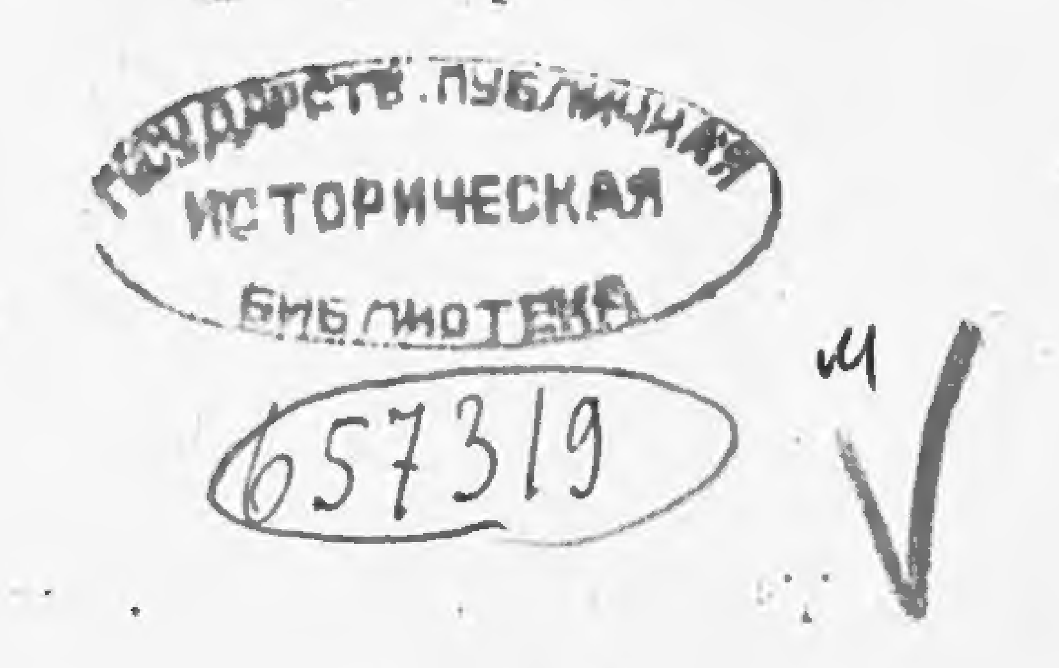
Манифесты 17 октября 1905 г. — 8 іюля 1906 г.

Всѣ рисунки исполнены Графическимъ Институтомъ Т-ва «Образованіе» по способу, только ему принадлежащему и впервые въ Россіи имъ введенному,

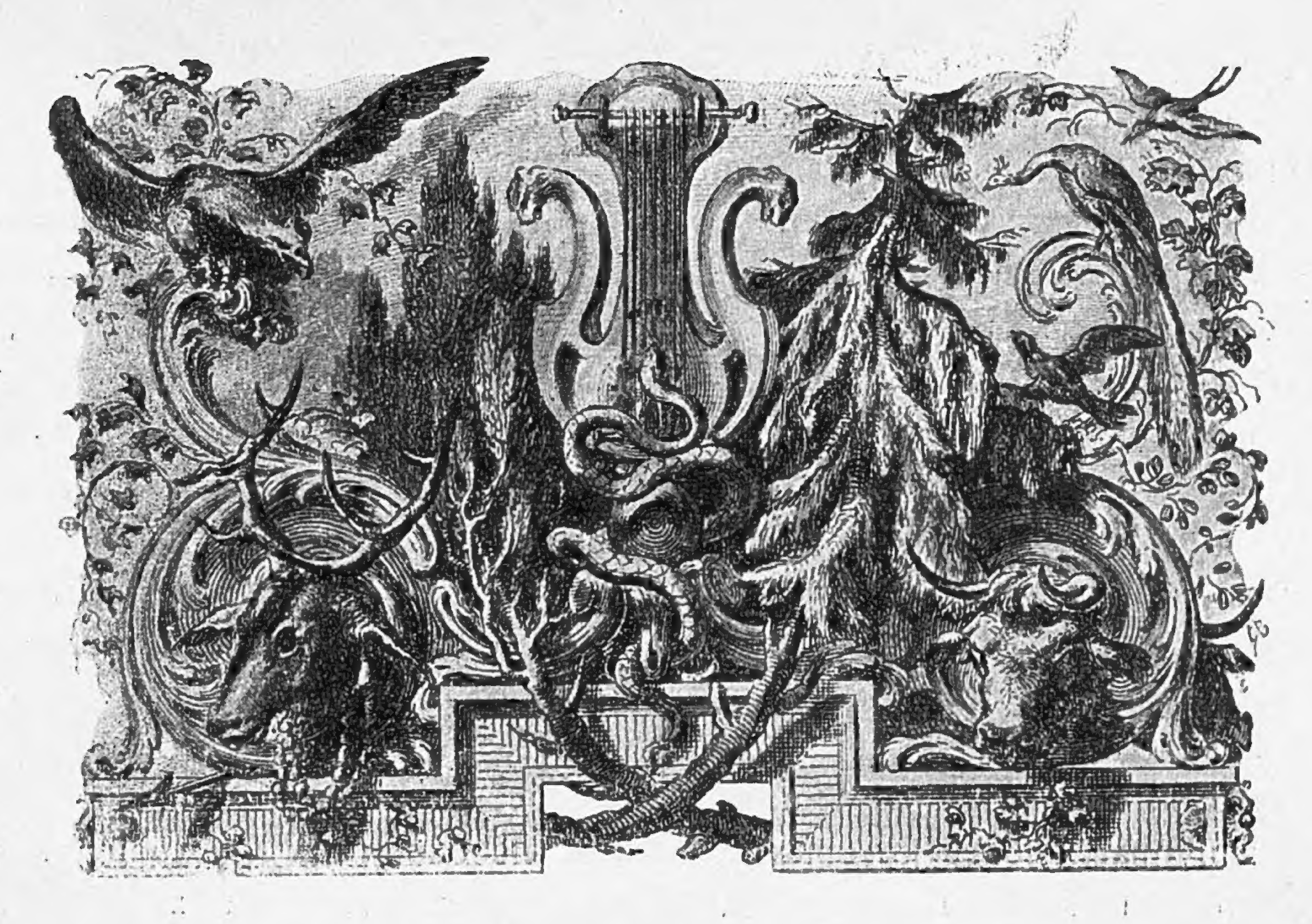
Фото-Тинто-Гравюрой.

Москва — 1911.

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.

Телефонъ 18-35.

Случайно спасшійся во время покушенія на предсѣдателя совѣта министровъ, на Аптекарскомъ островѣ, депутатъ Мухановъ разсказывалъ, что не слышалъ звука взрыва, произведшаго такое страшное опустошеніе въ домѣ и убившаго столькихъ людей. Въ полной тишинѣ Мухановъ былъ сброшенъ со стула, не потерялъ сознанія и, вставъ на ноги, больше всего поразился наступившей темнотой: это штукатурка обратилась въ мельчайшую пыль, въ которой дышать становилось невозможно. И лишь послѣ этого онъ замѣтилъ въ двухъ шагахъ отъ себя неподвижную фигуру церемоніймейстера Воронина, спокойно остававшагося на своемъ мѣстѣ; недоставало только головы...

Это непосредственное наблюденіе физическаго закона, по которому находящійся въ зонѣ сотрясенія воздуха не слышитъ никакого звука, въ то время, какъ громъ раздается на много верстъ кругомъ, можно расширить безъ боязни впасть въ преувеличеніе. Эпохи, подобныя той, что пережила Россія, всегда характеризуются понятіемъ взрыва, и не безъ основанія; крушеніе устоевъ, вчера еще казавшихся прочными, неожиданныя и часто роковыя перемѣщенія отдѣльныхъ лицъ и группъ населенія, стѣсненная репрессіями общественная атмосфера, бурный ходъ событій, радикализмъ правительства, считающаго себя обязаннымъ ликвидировать государственное бѣдствіе; злоупотребленія, обычныя при такихъ чрезвычайныхъ условіяхъ жизни,—все выноситъ государственный организмъ далеко за предѣлы повседневности, нарушая сложившіяся функціи и надолго разстраивая его кровообращеніе.

Эти взрывы, будучи лишь историческими мгновеніями, захватываютъ иногда жизни цѣлыхъ людскихъ поколѣній, и что мудренаго,

что, не слыша звука, иные склонны думать и утверждать, что сотрясенія-то и нѣтъ, что царитъ покой.

Въ такія минуты сомнѣнія полезно бываетъ окинуть бѣглымъ взоромъ окружающую обстановку. Если человѣческая жизнь обезцѣнена, если атмосфера насыщена такимъ неуваженіемъ къ законамъ, что гражданская жизнь становится невозможной и отсутствуетъ увѣренность въ каждомъ наступающемъ днѣ; если на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы встрѣчаются намъ обездоленные, а дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ частей не координированы и носятъ характеръ шаткости, то всѣ признаки грандіознаго катаклизма налицо, и нельзя говорить о государственномъ покоѣ, какъ нельзя и предвидѣть всѣхъ послѣдствій катастрофы. Анализъ ея, нелицепріятный судъ надъ виновниками — все это задачи исторіи. Намъ, участникамъ и жертвамъ, отводится скромная роль простыхъ свидѣтелей, искренность и правдивость которыхъ является необходимымъ условіемъ не только правильности приговора, но и жизненности новыхъ формъ государственнаго устройства.

Такимъ собраніемъ частичныхъ свидѣтельскихъ показаній надлежитъ оставаться и предлагаемой читателю книгѣ. Уклоняясь отъ всякихъ обобщеній и предсказаній, авторъ оставляетъ все-таки за собой право вносить въ обзоръ событій ту долю субъективизма, что подсказана будетъ воспоминаніями о личномъ участіи въ политической жизни послѣднихъ лѣтъ.

Не все здѣсь равно безспорно въ фактическомъ отношеніи. Наряду съ оффиціальными документами приходилось оперировать сообщеніями, хотя и неопровергнутыми, но остающимися на отвѣтственности ихъ оглашавшихъ; изъ послѣднихъ, впрочемъ, выбиралось только наиболѣе точно установленное. Что касается до систематизаціи свѣдѣній и общаго расположенія матеріала, слишкомъ обширнаго для того, чтобы быть вполнѣ использованнымъ въ этомъ обзорѣ, то они отступаютъ иногда отъ строгой хронологичности; авторъ хотѣлъ дать лишь элементарный очеркъ современнаго состоянія Россіи, показавъ попутно и наличность мощнаго, доселѣ не закончившагося процесса разложенія во всѣхъ слояхъ государственнаго тѣла.

I.

Послѣ манифеста 17 октября.

Возникшій вскорѣ послѣ заключенія мира съ Японіей вопросъ о конституціи былъ поставленъ сколько-нибудь опредѣленно лишь въ началѣ октября. Обычныя въ высшихъ правительственныхъ сферахъ тренія усиливались вспыхнувшей въ то же время всеобщей забастовкой, отдѣлившей столицу отъ страны, и еще 16-го октября будущій строй Россіи рисовался наверху правленія столь же неясно, какъ и внизу.

Спѣшность, съ которой былъ составленъ, обсужденъ, подписанъ и изданъ манифестъ, обращавшій Россію въ конституціонное государство, отразилась и на всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ этого обращенія; она какъ бы дала тотъ быстрый, порывистый темпъ теченію событій, къ которому только долго спустя привыкло наше сознаніе.

Способность ярко реагировать на яркія явленія естественно должна была постепенно притупляться, но значеніе явленій не стало отъ того меньшимъ. Нельзя, поэтому, основывать никакихъ заключеній на томъ или иномъ отношеніи населенія къ фактамъ аналогичнаго характера, раздѣленнымъ между собой промежутками тревожнаго времени; такъ, напримѣръ, роспуски первой и второй Государственныхъ Думъ, разоблаченіе кн. Урусова и дѣло Азефа, аграрное сообщеніе перваго парламента и законъ 9 ноября—всѣ эти событія вызывали волны разной высоты, далеко, впрочемъ, не достигавшей до подъема, наступившаго послѣ изданія манифеста 17 октября. Въ непривычной и жуткой тишинѣ остановившейся съ начала мѣсяца жизни призывъ Монарха къ успокоенію, объявленіе свободы и дарованіе законодательныхъ правъ Государственной Думѣ прозвучали съ рѣзкостью, дотолѣ неслыханною. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы на слова этого высокаго акта всѣ отозвались бы съ одинаковой готовностью внести свою долю труда въ ликвидацію водворившейся еще съ 9 января смуты; но съ другой стороны, едва ли у многихъ возникали тогда опасенія той контръ-революціонной вспышки, свидѣтелями которой довелось быть такъ скоро многимъ русскимъ городамъ. Россія вступала въ полосу «неограниченныхъ возможностей», и нельзя указать и нынѣ конца этого тяжелаго пути.

Почта и телеграфъ еще бездѣйствовали въ утро 17 октября. Мѣстныя власти оставались во все время забастовки внѣ прямыхъ сношеній съ центральнымъ правительственнымъ органомъ и немудрено, что многіе представители ихъ требовали подтвержденія манифеста особыми распоряженіями прежде, нежели рѣшались объявлять населенію Высочайшую волю. Сомнѣнія эти къ серединѣ дня 18 октября были разсѣяны, и текстъ манифеста сдѣлался извѣстнымъ городскому, по крайней мѣрѣ, населенію. Однако, полная несогласованность дѣйствій отдѣльныхъ органовъ правительства, отсутствіе предварительнаго соглашенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго съ оберъ-прокуроромъ синода и другія неизбѣжныя послѣдствія всякой спѣшки въ дѣлахъ государственной важности, не замедлили отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на ближайшихъ къ манифесту дняхъ и были одной изъ причинъ возникшихъ демонстрацій, которыя легли столь темнымъ пятномъ на свѣтлый фонъ тогдашняго общественнаго настроенія. Къ тому же, конституція застала большую часть населенія неподготовленной къ ея воспріятію,—[illegible] долго ожидаемый дорогой гость часто застаетъ врасплохъ [illegible]вѣрившуюся въ его приходѣ семью. Справа и слѣва болѣе развитой массы находились какъ разъ тѣ группы, среди которыхъ пропаганда крайнихъ рѣшеній могла встрѣтить благодарную почву. И если вліяніе слѣва не отри-

цлется политическими партіями, поставившими на своихъ знаменахъ вполнѣ опредѣленныя надписи, то вопросъ о воздѣйствіи справа и доселѣ не потерялъ своей остроты и таинственности. Дѣло въ томъ, что въ дни 18—30 октября не существовало партій правѣе конституціонно-демократической, и будущіе кадры, такъ называемыхъ «монархическихъ» организацій, находились еще въ распыленномъ состояніи; техника же патріотическихъ манифестацій была повсюду настолько однообразна, стройна по плану и выполненію, что мысль о наличности организованнаго руководства напрашивалась сама собой. Организованы же въ то время были только правительство и его оппозиція. Совершенно, поэтому, опредѣленно было выдвинуто въ извѣстной части печати, а затѣмъ въ запросѣ Государственной Думы, обвиненіе въ контръ-революціонной пропагандѣ и даже самой организаціи выступленій—чиновъ правительства и администраціи. Столь же категорически правительство отрицало какое-либо воздѣйствіе свое на невѣжественныя массы и ручалось за то, что ни одно административное мѣсто или лицо не получало отъ него ни санкціи, ни указаній. Такимъ образомъ какъ бы выяснялось существованіе третьей, самой сильной группы, открытію которой были посвящены немалыя усилія первой Думы, печати и даже такихъ высокихъ чиновъ правительства, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, директоръ департамента полиціи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и др.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ обзору документальныхъ данныхъ, положенныхъ въ основу сообщеній печати думскихъ запросовъ, мы должны посѣтить тѣ города, гдѣ дни свободы были наиболѣе омрачены проявленіями того движенія, которое въ концѣ концовъ выразилось въ погромахъ.

Какъ уже сказано, день 17 октября не сулилъ ничего печальнаго. Правда, ни одна изъ тогдашнихъ политическихъ партій не была удовлетворена манифестомъ, неясность положеній коего вызывала столько же сомнѣній, сколько и самая способность стоявшихъ во главѣ правленія лицъ осуществить задачи, указанныя Монархомъ. Въ резолюціяхъ съѣзда конститут.-демократической партіи, забастовочнаго желѣзнодорожнаго комитета, центральнаго бюро союза союзовъ, забастовочнаго комитета при бюро союза чиновниковъ, академическаго союза, правленія Пироговскаго общества врачей и др.,—всюду звучитъ эта нота недовѣрія. Съ другой стороны, городскія и земскія управы, нѣкоторые университеты и другія учрежденія спѣшатъ выразить свою радость и готовность содѣйствовать правительству. Наконецъ, настроеніе массъ, приподнятое и оживленное, чуждое опасливости политическихъ бюро, опредѣленно указывало на популярность тезисовъ манифеста и вѣру въ ихъ исполненіе. Общее единодушіе

проявлялось только въ требованіи амнистіи политическимъ преступникамъ и освобожденія заключенныхъ. Начиная съ посѣщенія графа Витте В. Семевскимъ и проф. Н. Карѣевымъ, съ резолюцій митинговъ и собраній, кончая депутаціями горожанъ къ губернаторамъ и прокурорамъ, повсюду выдвигается просьба объ амнистіи. Въ Москвѣ, Виндавѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ, Ревелѣ, Баку, Новочеркасскѣ, Одессѣ, Ковнѣ, Козловѣ и многихъ другихъ городахъ администрація на свой страхъ освобождаетъ часть заключенныхъ. Кое-гдѣ толпа сама распоряжается у тюремъ (Полтава, Новозыбковъ), встрѣчая подчасъ сопротивленіе караула, исполняющаго свой долгъ, при чемъ проливается и первая кровь этихъ дней; такъ, въ Севастополѣ было около тюрьмы убито шесть человѣкъ, но манифестанты все-таки сохранили спокойствіе. Къ 21-му октября, когда вышелъ указъ сенату объ амнистіи, вопросъ этотъ временно потерялъ остроту, и демонстраціи у тюремъ прекратились, тѣмъ болѣе, что вниманіе обывателей направилось въ иную сторону...

Уже 17 числа появились признаки той двойственности въ дѣйствіяхъ администраціи, которая такъ подчеркивалась потомъ сторонниками взгляда объ участіи чиновъ правительства въ контръ-революціи. Обстрѣлъ петербургскаго технологическаго института, атака конно-гвардейскимъ эскадрономъ, вопреки запрещенію полиціи, уличной толпы, стрѣльба на Загородномъ проспектѣ, явное противорѣчіе между приказами генерала Трепова и распоряженіями гр. Витте,— это уже указывало на раздвоеніе власти. Соотношеніе этихъ двухъ вліяній было при этомъ таково, что, напримѣръ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ отказался отъ демонстративныхъ похоронъ убитыхъ за 17—19 октября людей, боясь грандіознаго разстрѣла процессіи. Въ то же время появились первыя воззванія къ избіенію интеллигенціи и начались нападенія небольшихъ группъ простонародья на рабочихъ, студентовъ и др. лицъ. Союзъ союзовъ призывалъ къ самооборонѣ, указывая на возможность погрома. Спѣшно кинулись раскупать оружіе, во многихъ мѣстахъ начались дежурства дружинниковъ и къ 29-му октября Петербургъ былъ покоенъ,—силы перемѣстились въ невыгодномъ для лицъ, желавшихъ вызвать уличные безпорядки, направленіи. По той же причинѣ прошли безъ кровопролитія и необычайныя похороны Баумана въ Москвѣ; но вечеромъ, по возвращавшимся съ кладбища отдѣльнымъ группамъ студентовъ была открыта у самаго зданія университета стрѣльба, въ которой приняли участіе казаки, находившіеся въ манежѣ, при чемъ было ранено и убито около сорока человѣкъ. Съ утра 21-го начались въ Москвѣ систематическія нападенія на интеллигенцію и рабочихъ, и графу Витте пришлось снова сноситься съ ген. Треповымъ о прекращеніи этихъ явленій.

Независимо отъ того, были ли эти избіенія кѣмъ-либо внушены, слѣдуетъ разъ навсегда установить, что въ большихъ городахъ, каковы обѣ столицы, всякія попытки къ массовому вооруженному выступленію заранѣе обрекаются на неудачу. Милліонное населеніе являетъ собою плотину, о которую разбивается всякое стремленіе вызвать затяжные безпорядки, и только популярность идеи, положенной въ ихъ основу, можетъ привести къ частичному и временному успѣху, какъ то было во время московскаго вооруженнаго возстанія; идея погрома не могла найти здѣсь многихъ сторонниковъ и, какъ бы ни была выполнена, большого вреда не нанесла бы ни людямъ, ни движенію, увлекавшему ихъ.

Не то въ губернскихъ и уѣздныхъ центрахъ. Вліяніе мѣстной власти, процентное соотношеніе вооруженной силы, сознательнаго населенія и городского отребья, все сказывается сильнѣе на мѣстномъ обиходѣ. Здѣсь же, на периферіи, склонны преломляться и искажаться всякія распоряженія изъ центра. Даже въ столицахъ телеграммы, подобныя той, что была разослана по участкамъ московскимъ градоначальникомъ Медемомъ, вечеромъ 18-го октября, могли быть истолкованы превратно; она гласила: «Внушить всѣмъ околодочнымъ и городовымъ, чтобы они въ случаѣ патріотическихъ манифестацій не оказывали сопротивленія, а, наоборотъ, содѣйствовали охраненію порядка». Какъ понимаютъ такого рода обращенія низшіе полицейскіе чины, извѣстно каждому обывателю; поэтому жители замоскворѣчья не были удивлены, когда начали получать приглашеніе черезъ полицію участвовать въ манифестаціи, при чемъ дворники входили въ составъ будущей процессіи по служебному своему положенію; объявлялось при этомъ, что пойдутъ «тѣ, что за царя». Отождествленіе правительства съ Монархомъ, проводимое, какъ ниже увидимъ, до высшихъ предѣловъ управленія страной, въ данномъ случаѣ особенно должно было сказываться на отношеніи низовъ населенія къ организованной его части; то, чего не подумали бы сдѣлать въ защиту отдѣльныхъ органовъ или лицъ правительства, легко приходило на умъ при упоминаніи объ умаленіи правъ государя, угрозъ его жизни. Схема пропаганды, опять же, независимо отъ ея агентовъ, становилась проста и коротка: «Забастовщики, евреи, студенты — противъ царя, простой народъ за него. Истребленіе крамольниковъ — дѣло патріотическое». На такой канвѣ всякія руки могли вышивать узоры, и въ одну недѣлю возникъ, бурно протекъ и плачевно закончился рядъ погромовъ. Программа ихъ поражала однообразіемъ: толпа, впереди которой несли національные флаги и портреты Государя Императора въ хорошихъ золоченыхъ рамахъ, подходила къ губернаторскому дому; губернаторъ становился иногда во

главѣ шествія, направлявшагося затѣмъ къ соборной площади, гдѣ архіерей служилъ молебенъ; въ хвостѣ процессіи замѣчались группы нетрезвыхъ людей, среди которыхъ обычно и возникала мысль объ истребленіи крамольниковъ. На второй день безпорядки начинались съ утра, а на третій быстро прекращались по объявленіи запрещенія всякихъ вообще процессій. Среди манифестантовъ циркулировали списки будущихъ жертвъ погрома и находились вожаки, хорошо оріентировавшіеся среди городскихъ улицъ и квартиръ. Дѣйствія гражданской и военной властей не всегда согласовались; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская слагала свои полномочія въ пользу военной, теченіе и результаты манифестацій оставались неизмѣнными. Вздорный слухъ о томъ, что «евреевъ разрѣшено бить три дня», находилъ какъ бы подтвержденіе въ трехдневномъ срокѣ большинства погромовъ, а неосторожныя слова иныхъ начальствующихъ лицъ комментировались въ томъ же смыслѣ. Постепенно наростало общее мнѣніе о прикосновенности властей не только къ искусственному возбужденію инертной части населенія, но и направленію ея на разгромъ имущества и лишеніе жизни мирныхъ гражданъ. Острота момента, слѣдовавшаго за манифестомъ, способствовала, вѣроятно, укрѣпленію такого мнѣнія въ широкихъ массахъ, и хотя послѣдующія разоблаченія и отчеты сенаторовъ-ревизоровъ внесли въ него нѣкоторыя поправки, но искоренить не могли, равно какъ не искоренило его и оправданіе сенатомъ преданныхъ суду за бездѣйствіе власти градоначальниковъ и губернаторовъ. Такимъ образомъ, правильное или нѣтъ, сомнѣніе въ неприкосновенности правительства къ контръ-революціи существовало, разлагая порядокъ и безмѣрно затрудняя положеніе и политику самого правительства.

Октябрьскіе погромы захватили преимущественно тѣ города, гдѣ и освободительное движеніе проявлялось съ особой силой. Нельзя отрицать наличности нѣкотораго раздраженія, вызваннаго забастовками, отражавшимися на благосостояніи круговъ, къ политическому движенію относившихся если не отрицательно, то совершенно равнодушно. Что касается до демонстрацій съ красными флагами и митинговъ революціоннаго характера, то едва ли они оказывали какое-нибудь вліяніе на пробужденіе патріотическихъ чувствъ; иное дѣло — обвиненіе демонстрантовъ въ уничтоженіи извѣстныхъ эмблемъ, портретовъ царствующаго императора, вензелей, флаговъ, надписей и т. п.; чрезвычайно трудно оказывалось установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ истинныхъ виновниковъ этихъ поступковъ, бывшихъ прежде всего невыгодными для крайнихъ политическихъ группъ; но какъ бы то ни было, на такихъ актахъ искусно играла пропаганда избіеній, и чѣмъ интенсивнѣе, гдѣ шла общественная жизнь до

17-го октября, тѣмъ болѣе ожесточенный характеръ носили тамъ и погромы. Они переходили иногда даже въ хроническую форму, какъ то было въ Одессѣ.

Большой процентъ евреевъ въ городѣ и босяковъ въ порту создавали особенно удобныя условія для погрома въ *Одессѣ*, начавшагося 19 октября, послѣ обычныхъ слуховъ объ оскверненіи евреями религіозныхъ и національныхъ святынь. По городу проѣхалъ, стоя въ коляскѣ, градоначальникъ Нейдгардтъ, съ портретомъ Государя Императора; ген. Каульбарсъ отказалъ, на пріемѣ депутатовъ отъ города, въ приказѣ войскамъ дѣйствовать, и 20-го октября погромъ принялъ стихійный характеръ. Объявленіе Нейдгардта о письмѣ 30.000 мѣщанъ, якобы обѣщавшихъ разгромить университетъ, снятіе имъ же полицейскихъ постовъ и другія распоряженія не только не вносили порядка, но еще сильнѣй разжигали страсти. Къ вечеру 21-го, когда значительная часть еврейскихъ домовъ и магазиновъ была разгромлена, а убитые и раненые переполняли городскія больницы, вышелъ приказъ ген. Безрадецкаго о подавленіи насилія оружіемъ; на утро погромъ затихъ.

Въ *Кіевѣ* погромъ начался 18-го, одновременно съ молебномъ въ соборѣ; онъ сразу принялъ широкіе размѣры, почему уничтоженіе еврейскихъ домовъ и лавокъ было закончено уже на второй день. Полицеймейстеръ Цихоцкій впослѣдствіи былъ преданъ суду, переведенъ на ту же должность въ Тифлисъ, гдѣ и застрѣлился въ 1908 году. Между тѣмъ, дѣйствія отдѣльныхъ чиновъ кіевской полиціи, исполнявшихъ свой долгъ, показали на легкость прекращенія погрома въ любой моментъ, несмотря на невѣрныя свѣдѣнія, которымъ преступники придавали оффиціальный характеръ; такъ, слухъ о поджогѣ евреями голосѣевскаго монастыря и взрывѣ пороховыхъ складовъ былъ пущенъ по спеціальному телеграфу. Политехникумъ, университетъ, городская дума и отдѣльныя группы жителей Кіева обратились къ гр. Витте съ настолько серьезными представленіями о погромѣ, что и сюда была назначена сенаторская ревизія.

Въ *Кременчугѣ*, послѣ разгона митинга въ народной аудиторіи, причемъ двое было убито, а десять тяжело ранено. Установлена помощь отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ, а въ газетахъ открыто обвинялся мѣстный полицеймейстеръ, якобы получавшій отъ богатыхъ евреевъ по 3.000 рублей въ годъ за недопущеніе погрома; причиной послѣдняго и было будто бы неаккуратное доставленіе платы.

Ростовскій погромъ (на Дону) развился изъ противоеврейскихъ безпорядковъ, бывшихъ въ началѣ октября, и осложнился поджогами, вслѣдствіе которыхъ выгорѣли цѣлые кварталы. По свѣдѣніямъ германскаго консула, за три дня погрома было убито 176, ранено около

500 человѣкъ. Одинъ изъ нахичеванскихъ гласныхъ, внесшій въ думу предложеніе «выразить Государю Императору любовь и преданность, а его сіятельству С. Ю. Витте признательность городского населенія за мудрый и мужественный докладъ», утверждаетъ въ томъ же предложеніи: «Въ дѣйствіяхъ толпы замѣчалась полная планомѣрность. Она вышла съ иконами, національными флагами и портретами государя и, кощунствуя надъ этими святынями для сердца русскаго человѣка, остановилась у предназначенныхъ къ разгрому магазиновъ и при крикахъ «шапки долой!» и «ура!», помогала громиламъ и ворамъ разбивать и расхищать магазины».

Въ *Оршѣ* было убито болѣе сорока человѣкъ, исключительно евреевъ; показаніями православныхъ свидѣтелей установлено участіе нѣскольких полицейскихъ чиновъ.

Кишиневскій погромъ былъ остановленъ въ одинъ день, убито 60, ранено 200. По докладу гр. Витте, котораго въ этотъ же день приговаривали на кишиневскихъ площадяхъ къ смерти, какъ «ставленника жидовъ», объявлена властямъ Высочайшая благодарность за скорое прекращеніе избіенія.

Въ *Саратовѣ*, несмотря на увѣщанія П. А. Столыпина, бывшаго тогда губернаторомъ, безчинства толпы продолжались два дня, при чемъ изъ сотни пострадавшихъ 12 было убито.

Въ *Ѳеодосіи,* гдѣ поджигались общественныя зданія съ людьми, при чемъ пожарнымъ не позволяли тушить огня, пострадало тоже около ста человѣкъ. Участникъ погрома, грузчикъ Крыловъ, подробно описываетъ организацію погромной процессіи и устанавливаетъ участіе полицейскаго чиновника.

Въ *Казани* начали стрѣлять по манифестантамъ милиціонеры, почему ожесточеніе толпы естественно возросло. Войсками были обстрѣляны городская дума, публичная библіотека и общественный банкъ.

Ярославскіе манифестанты избивали студентовъ на глазахъ представителей мѣстной администраціи. Дома евреевъ подвергались разгрому; большую часть толпы составляли грузчики судовъ. Профессора Демидовскаго лицея по телеграфу просили привлечь губернатора къ отвѣтственности.

Съ тою же просьбой командировала *Калужская* губерн. зем. управа своего предсѣдателя, Обнинскаго, въ Петербургъ. Докладъ депутаціи совпалъ съ донесеніемъ мѣстнаго жандармскаго управленія, но отвѣтственности никто не подвергся; впрочемъ, и самый погромъ не носилъ здѣсь того ожесточенія, что въ другихъ городахъ, хотя были и раненые, и звѣрски убитые.

Въ *Тулѣ* было убито болѣе сорока, ранено около ста человѣкъ.

Въ *Твери* погромъ начался еще 17-го октября избіеніемъ земскихъ служащихъ и поджогомъ зданія губ. зем. управы съ людьми, но 18-го уже кончился. Полицеймейстеръ былъ переведенъ въ другую губернію; губернаторъ Слѣпцовъ, обвинявшійся обществомъ въ бездѣйствіи власти, былъ впослѣдствіи убитъ въ Твери же.

На пожарѣ управы одинъ изъ высшихъ представителей мѣстной администраціи схватилъ себя за волосы и воскликнулъ: «Боже, что мы надѣлали! Вѣдь это же люди!»

Въ *Архангельскѣ*, среди другихъ погибъ извѣстный профессоръ Гольдштейнъ. Въ меньшихъ размѣрахъ погромы произошли въ *Костромѣ, Новгородѣ, Пензѣ* и *Владимірѣ*. Въ м. *Калараши* было 60 убитыхъ, 80 тяжело раненыхъ, 350 погорѣльцевъ.

Странно закончился погромъ въ *Нѣжинѣ*: на пятый день разгрома представители хулигановъ подписали протоколъ объ ихъ согласіи прекратить избіенія, скрѣпленный печатью мѣстной думы.

На *Кавказѣ* манифестъ встрѣченъ былъ такъ же восторженно неорганизованной частью населенія и такъ же недовѣрчиво политическими партіями, особливо вліятельными соц.-революціонными группами «Дашнакцутюнъ» и русской. Въ *Тифлисѣ* выстрѣлы, произведенные въ процессію, въ которой участвовали кадеты и юнкера и объ организаціи которой сообщаетъ поучительныя данныя пом. намѣстника, ген. Ширинкинъ, повели къ стрѣльбѣ войскъ. Убито въ городѣ и предмѣстьяхъ 98, ранено 75 человѣкъ.

Г. Баку громился въ теченіе недѣли; пострадали почти исключительно армяне, вражда къ которымъ издавна культивировалась среди татаръ. Что касается до *Грузіи*, то тамъ вспыхнуло революціонное движеніе, давшее поводъ къ посылкѣ, съ одной стороны, карательныхъ отрядовъ, съ другой—ревизоровъ. Ревизію въ Баку производилъ сенаторъ Кузьминскій. О результатахъ этихъ изслѣдованій будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ [1]).

Въ Сибири произошелъ совершенно исключительный погромъ въ г. *Томскѣ*. 20-го октября толпа народа, добывшая изъ полицейскаго

---

[1]) Незначительные по размѣрамъ погромы произошли въ тѣ же дни въ Александрополѣ, Сухумѣ, Аккерманѣ, Александровскѣ, Ананьевѣ, Арзамасѣ, Балтѣ, Бахмутѣ, Бирзулѣ, Брянскѣ, Бѣлой Церкви, Великихъ Лукахъ, Великомъ Устюгѣ, Винницѣ, Воронежѣ, Вязьмѣ, Гадячѣ, Геническѣ, Голтѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Жмеринкѣ, Золотоношѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Измаилѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Курскѣ, Луганскѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ (Подольскомъ), Николаевѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Новогеоргіевскѣ, Новозыбковѣ, Новомосковскѣ, Новочеркасскѣ, Ольвіополѣ, Раздѣльной, Ромнахъ, Рыбинскѣ, Рязани, Симферополѣ, Стародубѣ, Суражѣ, Тираснолѣ, Умани, Херсонѣ, Челябинскѣ, Черниговѣ, Юзовкѣ и нѣсколькихъ другихъ мѣстечкахъ европейской Россіи.

участка портреты Государя, двинулась къ собору, но, встрѣтивъ по дорогѣ возвращавшихся съ митинга горожанъ, стала угрожать имъ кольями, вслѣдствіе чего со стороны послѣднихъ былъ произведенъ одинъ выстрѣлъ. Началось побоище, при чемъ избиваемые начали спасаться въ зданія театра и службы пути Сибирской ж. дороги, которыя и были немедленно обложены бушующей толпой. Вскорѣ оба огромныхъ дома горѣли вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ людьми; выбѣгавшихъ и спускавшихся по водосточнымъ трубамъ добивали на улицѣ. Архіерейское благословеніе съ паперти собора, находившагося на той же площади, не остановило громилъ, и въ этомъ отношеніи тѣ, что находились по другую сторону театра, были снисходительнѣе: они отбирали только у служащихъ деньги и отпускали живыми, указывая, какъ пройти мимо громилъ (слѣдовало брать въ руки громоздкую мебель, зеркала и притворяться грабителями). Въ соборѣ во время пожара и гибели тысячи людей шла обычная всенощная; губернаторъ, Азанчевскій-Азанчеевъ, смотрѣлъ на площадь изъ окна своего дворца. Убито было полтораста, сгорѣло *тысяча* человѣкъ, тяжко ранено около восьмидесяти. На другой день громились еврейскіе магазины, домъ городского головы; окончаніе погрома до истеченія трехдневнаго срока, вызвало, какъ всегда, неудовольствіе толпы. Губернаторъ былъ отозванъ, но также устраненъ былъ предсѣдатель суда, Витте, и судебный слѣдователь, производившій дознаніе о погромѣ. Участіе нѣсколькихъ полицейскихъ чиновъ установлено.

Особнякомъ стоитъ октябрьскій бунтъ въ Кронштадтѣ, принявшій огромные размѣры благодаря общей паникѣ; онъ не носилъ ни революціонной, ни патріотической окраски и былъ простымъ буйствомъ недисциплинированныхъ морскихъ и армейскихъ частей, ведшихъ себя не лучше манифестантовъ на материкѣ. Толпы мятежниковъ распоряжались въ городѣ, грабили, жгли и громили въ теченіе пяти дней, не щадя офицерскихъ собраній и дачъ, пока не прибыли изъ Петербурга гвардейскія части и артиллерія, загнавшія бунтовщиковъ по казармамъ.

Если нанести мѣста октябрьскихъ погромовъ на карту, получимъ пеструю картину, не дающую указаній на какую-либо закономѣрность этого явленія; были мѣста, гдѣ забастовка носила болѣе упорный характеръ, демонстраціи съ красными флагами появлялись чаще, а погромовъ въ нихъ не было; съ другой стороны, они возникали въ совершенно покойныхъ дотолѣ городахъ, какъ Калуга, Тула, Орелъ и др. Общей чертой было обвиненіе мѣстныхъ властей, преимущественно губернаторовъ, въ бездѣйствіи, попустительствѣ, даже организаціи погромовъ, обвиненіе, котораго правительство гр. Витте не могло

принять. Въ сообщеніи своемъ оно допускаетъ основательность жалобъ, но указываетъ и на другую причину безпорядковъ: «люди,— говоритъ оно,—утомленные стачками и отсутствіемъ порядка и безопасности, не наступившими и послѣ изданія манифеста 17 октября, проявляютъ свое неудовольствіе въ тѣхъ рѣзкихъ и тяжелыхъ формахъ, въ которыхъ обыкновенно совершаются подобныя народныя движенія». Затѣмъ правительство обѣщаетъ безпристрастное отношеніе къ обѣимъ сторонамъ и призываетъ населеніе къ созданію болѣе нормальныхъ условій жизни. Въ слѣдующемъ сообщеніи, въ концѣ ноября, кабинетъ высказывается болѣе опредѣленно, возлагая вину на крайнія партіи и указывая на раздраженіе, вызываемое въ покойныхъ массахъ повторными попытками всеобщихъ забастовокъ. Дѣйствительно, общая нервность того времени, а отчасти и матеріальныя лишенія, причиняемыя стачками, могли располагать извѣстные круги къ самоуправству, но слѣдуетъ отмѣтить, что погромы не прекратились и позднѣе; ни ликвидація дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ, крестьянскаго союза, желѣзнодорожнаго и почтово-телеграфнаго забастовочныхъ комитетовъ, ни введеніе во всѣхъ сколько-нибудь непокойныхъ мѣстахъ исключительныхъ положеній не внесли измѣненій въ погромное дѣло. Нельзя было, поэтому, не задумываться о коренной причинѣ погромовъ, столь безвыгодныхъ для всякаго добросовѣстнаго правительства. И по всему протяженію послѣднихъ лѣтъ замѣчаются попытки нарисовать схему погромнаго устройства по тѣмъ неоспоримымъ, но отрывочнымъ даннымъ, которыя отъ времени до времени становятся общеизвѣстными изъ опубликованія оффиціальныхъ документовъ. Ко дню открытія первой Думы такихъ данныхъ накопилось достаточно для того, чтобы сдѣлать правительству первый запросъ.

За полгода, отдѣлявшіе Думу отъ манифеста, успѣли образоваться, такъ назыв. «монархическія» партіи, не менѣе радикально, чѣмъ крайнія лѣвыя, настроенныя и заимствовавшія у послѣднихъ большую часть тактическихъ пріемовъ. Разница наблюдалась только въ отношеніи мѣстныхъ властей къ этимъ пріемамъ. Такъ, брошюра «Горитъ Россія», призывавшая къ погромамъ, свободно распространялась въ полтавской губ., въ Ростовѣ на Дону раздавались листки «Вѣче» и «Медвѣдь» того же содержанія, изъ Кіева и др. городовъ получается большой матеріалъ по этой части. Въ одесскихъ трактирахъ даже показывали посѣтителямъ спеціально изготовленныя бумажныя деньги съ изображеніемъ «торжествующихъ евреевъ», съ надписями «еврейская республика» и подписанныя якобы М. Горькимъ, Гапономъ и Хрусталевымъ. Въ южныхъ городахъ открыто идетъ погромная пропаганда. Горожане, запомнившіе октябрьскіе дни, ко-

гда черносотенныя массы оказались организованными безъ признаковъ предварительной подготовки, естественно начинали опасаться худшаго, когда къ этой организаціи начала присоединяться и идейная пропаганда. Правительство забрасывается просьбами, жалобами, предупрежденіями; называются дни погромовъ, передъ которыми часть населенія, преимущественно еврейская, усиленно выбирается изъ городовъ, а другая готовится къ вооруженному отпору, организуя дружины самообороны. Мѣстныя власти также не устаютъ дѣлать соотвѣтствующія распоряженія; повсюду расклеиваются объявленія о подавленіи всякихъ безпорядковъ вооруженной силой. Между прочимъ, одесскій ген.-губернаторъ, Карангозовъ, издаетъ воззваніе, въ которомъ, угрожая смертью за безпорядки, призываетъ общество охранять спокойствіе «въ свѣтлые дни великаго года обновленія Россіи» и приглашаетъ матерей и женъ удерживать сыновей и мужей. Наконецъ, кременчугскій врем. ген.-губернаторъ подходитъ къ вопросу вплотную и объявляетъ, что малѣйшая попытка произвести погромъ ляжетъ на отвѣтственности полиціи. Тѣмъ не менѣе агитація не прекращается, случаются даже конфискаціи погромныхъ листковъ, аресты агентовъ сыскной полиціи, агитирующихъ за погромы и ожидаемаго успокоенія все не наступаетъ. Небольшіе погромы вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ (въ сквирскомъ у. довольно сильный), пока не разражается, въ январѣ 1906 г. гомельскій погромъ, во время котораго выгораетъ половина города. Вице-губернаторъ Подсѣлевичъ указываетъ, въ депешѣ своей отъ 15 янв., что «пожары эти вызваны убійствомъ помощника пристава, злобою на революціонеровъ; въ горѣвшихъ домахъ и лавкахъ были взрывы; изъ домовъ бросались бомбы, стрѣляли; войска отвѣчали... Убытокъ около *трехъ милліоновъ*».

Впослѣдствіи судебный процессъ значительно измѣнилъ это изложеніе, а въ Бѣлостокѣ типъ русскихъ погромовъ былъ установленъ во всѣхъ деталяхъ. Вѣрной, и даже преуменьшенной осталась только цифра убытковъ, и гомельскіе евреи, давно, между прочимъ, ждавшіе погрома, недоумѣвали, какимъ образомъ они могли сами итти навстрѣчу разоренію и избіенію, да еще провоцируя ихъ террористическими актами?

Можно было думать, что погромы затихли. П. А. Столыпинъ категорически заявилъ объ ихъ недопустимости, губернаторы получили новыя предписанія предупреждать всякіе безпорядки. При такихъ условіяхъ, вспыхнувшій 1 іюня въ Бѣлостокѣ погромъ былъ отчасти неожиданностью. О мѣстныхъ отношеніяхъ, благожелательномъ и честномъ полицеймейстерѣ Деркачевѣ, загадочно убитомъ среди бѣла дня, о странныхъ переговорахъ депутатовъ отъ города съ губернато-

ромъ Кистеромъ мало кто зналъ. Погромъ начался въ день традиціонной религіозной процессіи (православной и католической), когда, по выраженію мѣстнаго депутата въ Гос. Думѣ, крестьянина Жуковскаго, «прилично было смотрѣть на украшенія и *еврейскихъ* домовъ»; другіе депутаты подтвердили, что племенной вражды не наблюдалось въ этомъ городѣ. Что погромъ былъ подготовленъ исподволь, можно было судить по оглашеннымъ потомъ показаніямъ многихъ православныхъ свидѣтелей. Губернаторъ, поспѣшившій опровергнуть оффиціозное сообщеніе о причинѣ погрома, принимая наканунѣ его бѣлостокскую депутацію, не ручался за то, что его не будетъ, а особенно не ручался за войска, по его словамъ, сильно раздраженныя противъ революціонеровъ; наконецъ, въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ были опубликованы подробности перваго дня погрома за нѣсколько часовъ до его начала,—подробности, точно выполненныя.

Къ 1 іюня въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ стояли шесть полковъ, артиллерія и конные стражники, сила, достаточная для очищенія улицъ небольшого города даже отъ непріятеля, но погромъ длился полныхъ трое сутокъ, по истеченіи коихъ прекратился въ какіе-нибудь полчаса. Убійства отличались на этотъ разъ особеннымъ звѣрствомъ, грабежъ шелъ совершенно открыто. Въ городѣ за долго еще до погрома начали циркулировать прокламаціи, составленныя весьма искусно и хорошо отпечатанныя; въ одной изъ нихъ, нарочито къ солдатамъ обращенной, авторъ, самъ якобы «старый солдатъ», говоритъ въ концѣ:

«Нѣтъ, братцы, не сдавайте Руси врагу лютому! Плюньте на всѣ посулы царства жидовскаго!.. Идите, братцы, по стопамъ Христа! Мощною грудью крикните, однимъ духомъ: «Прочь, жидовское царство! Долой Сіонизмъ! Долой красныя знамена! Долой красная, жидовская свобода! Долой красное жидовское равенство и братство! Мы не желаемъ жидовскаго царства на святой Руси! Да здравствуетъ одинъ на Руси Батюшка-Царь, нашъ Царь православный, Царь христіанскій, самодержавный! Ура! Ура! Ура!

Наша жизнь—за Вѣру, Царя и Отчизну!
Встань, очнись, подымись, русскій народъ!
Прочь! Долой всю вражью, жидовскую новизну!
Русскій солдатъ! На врага! Впередъ! Впередъ! Впередъ!

Идетъ! Идетъ! Идетъ!»

Въ докладѣ думской комиссіи не отрицается существованіе въ Бѣлостокѣ революціонныхъ и даже анархистскихъ организацій и раздраженіе противъ нихъ мѣстной полиціи, но та же комиссія заявляетъ, что 30 мая въ одной изъ полковыхъ канцелярій приказано было фельд-

фебелямъ сообщить солдатамъ, что 1-го іюня будетъ православная и католическая процессіи, что евреи бросятъ бомбу и будетъ погромъ. Губернаторъ и начальникъ гарнизона, ген. Фонъ-Бадеръ, также были убѣждены въ томъ, что въ метаніи бомбъ будетъ повинно еврейское населеніе. Все это объясняло длительность и жестокость погрома.

На мѣстномъ вокзалѣ, затѣмъ въ части Бѣлостока, называемой «Боярами», и въ другихъ мѣстахъ установлены свидѣтелями случаи разстрѣловъ стариковъ, женщинъ и дѣтей; равнымъ образомъ, въ грабежѣ приняли участіе и нѣкоторые нижніе чины гарнизона и полиціи. Вся обстановка погрома была такова, что даже въ нейтральныхъ общественныхъ кругахъ не было увѣренности въ случайности катастрофы, въ невозможности предупредить ее при наличности многотысячнаго отряда войскъ. Думская комиссія склонялась къ тому, что ни губернаторъ, посѣтившій погромъ и не сдѣлавшій даже и тогда никакихъ распоряженій о прекращеніи погрома, ни министръ внутреннихъ дѣлъ, телеграмма котораго о принятіи «дѣйствительныхъ» мѣръ не была выполнена, никто вообще изъ явныхъ гражданскихъ властей не могъ предотвратить погрома, подготовленнаго тайно. Приставъ Шереметовъ, на дѣятельность котораго указывали, былъ переведенъ въ Петербургъ и въ томъ же году тяжко раненъ террористомъ. Судебный же процессъ не выяснилъ истинныхъ виновниковъ погрома, пострадали лишь маленькіе и темные люди. Тягостное впечатлѣніе не изгладилъ и циркуляръ П. А. Столыпина отъ 3 іюня и не вносилъ увѣренности въ наступленіе конца хотя бы такихъ ужасныхъ случаевъ. Въ этомъ циркулярѣ министръ говорилъ: «Всякіе погромы, какъ аграрные, такъ и еврейскіе, должны предупреждаться, а въ случаѣ возникновенія— пресѣкаться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Попустительство и бездѣйствія власти будутъ имѣть послѣдствіемъ самую тяжкую отвѣтственность». Тѣмъ не менѣе, 16 іюня въ томъ же Бѣлостокѣ былъ уличенъ офицеромъ городовой, провоцировавшій новый погромъ стрѣльбой изъ собственнаго револьвера и крикомъ: «Евреи стрѣляютъ!»

Итакъ, даже гражданскіе чины продолжали относиться къ распоряженіямъ высшаго начальства безъ должнаго вниманія; военные не были вовсе подвѣдомственны министру внутр. дѣлъ, а изъ военнаго министерства подобныхъ распоряженій не исходило, ибо тамъ не сомнѣвались въ субординаціи и дисциплинѣ арміи.

Къ началу 1906 года въ обществѣ окончательно укоренилось убѣжденіе въ причастности къ погромамъ гражданскихъ властей, въ существованіи какихъ-то тайныхъ вліяній и начало замѣчаться стремленіе обосновать такого рода взгляды документально. Начало этому движенію положилъ рапортъ чиновника департамента полиціи Мака-

рова (впослѣдствіи пом. московскаго градоначальника) министру вн. дѣлъ о дѣйствіяхъ лицъ, этому департаменту подвѣдомственныхъ 15 февраля 1906 г. Макаровъ доноситъ, въ дополненіе къ ранѣе сообщеннымъ свѣдѣніямъ (6 февраля. 10-го же февраля сенаторомъ Кузьминскимъ былъ представленъ Государю Императору всеподданнѣйшій отчетъ объ одесскихъ безпорядкахъ), о печатаніи въ департаментѣ полиціи погромныхъ прокламацій; на этотъ разъ Макарову пришло въ голову, что не подготовленъ ли дѣйствительно александровскій (екатеринославской губ.) погромъ, о которомъ предупреждалъ графа Витте литераторъ Оболенскій, мѣстными должностными лицами съ вѣдома чиновъ департамента. Далѣе Макаровъ сообщаетъ:

«Разсмотрѣвъ дѣла особаго отдѣла департамента полиціи по екатеринославской губ., я обнаружилъ въ нихъ два донесенія департаменту помощ. нач. екатеринославскаго губ. жандармскаго управленія по александровскому и павлоградскому уу., ротмистра Будоговскаго, отъ 27 ноября и 5 декабря 1905 г. за №№ 1054 и 1061, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ подготовляется, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по иниціативѣ ротмистра Будоговскаго, и что чинами деп-та полиціи, которые о семъ были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность рот. Будоговскаго даже поощрялась».

Въ прокламаціяхъ этого офицера, приложенныхъ къ донесеніямъ, встрѣчаются такія фразы: «Мало ли намъ, что уже въ Петербургѣ захватили власть революціонеры и не даютъ царю объявить законъ о дарованныхъ свободахъ!», «Вотъ уже на этихъ дняхъ эти изверги рода человѣческаго, соц.-демократы и революціонеры, ранили царя батюшку нашего, который отъ горя уже успѣлъ посѣдѣть.», «Вотъ уже нѣмецкій государь послалъ военныя суда свои къ Петербургу». И наконецъ: «Такъ вставай, подымайся, великій русскій народъ, образуй дружины, запасайся оружіемъ, косами, вилами, и иди на защиту своего царя, родины и вѣры православной!.. Итакъ, истинно русскіе люди, кто за царя, родину и вѣру православную, тотъ по первой тревогѣ собирайтесь съ оружіемъ, косами и вилами на площади у народнаго дома и вступайте подъ русскія трехцвѣтныя знамена александровской русской боевой дружины, которая ринется, съ портретами царя и святой иконой, на враговъ нашихъ, краснофлажниковъ!»

Затѣмъ Макаровъ продолжалъ: «Будоговскій сообщаетъ, что... «онъ употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ же воззваній и въ селахъ своего района»... Подобныя донесенія поступали въ деп-тъ полиціи отъ рот. Будоговскаго и ранѣе, какъ то видно изъ помѣты на его донесеніи за № 1054, сдѣланной чиновникомъ

особ. порученій Пятницкимъ при представленіи этого донесенія завѣдующему политической частью департамента полиціи д. с. с. Рачковскому, а донесенія за № 1061 завѣдующему особымъ отдѣломъ деп. пол., с. с. Тимофееву (послѣ чиновникъ особ. пор. при дворцовомъ комендантѣ, ген. Треповѣ); были сдѣланы на донесеніяхъ помѣты: на первомъ—«Прилагаемыя воззванія александровскаго союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравливаніе на евреевъ», а на второмъ: «Еще рядъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ»; донесенія эти не вызвали по поводу означенныхъ воззваній никакихъ распоряженій, ни со стороны д. с. с. Рачковскаго, ни со стороны с. с. Тимофеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ ротм. Будоговскій былъ представленъ къ награжденію... Такія дѣйствія поименованныхъ должностныхъ лицъ, ведущія къ возникновенію среди населенія имперіи междуусобной розни и создающія условія, благопріятныя для усиленнаго развитія и успѣха революціоннаго движенія, составляютъ преступленія, предусмотрѣнныя 341 ст. улож. о нак.».

Рапортъ этотъ былъ опубликованъ по иниціативѣ бывшаго директора деп-та полиціи А. А. Лопухина, который сообщилъ объ этомъ министру внутр. дѣлъ 13 мая. Послѣ этого П. А. Столыпину пришлось выступить въ Гос. Думѣ съ объясненіемъ по запросу о дѣятельности деп-та полиціи. Въ объясненіи этомъ министръ указалъ на то, что офицерамъ Коммиссарову (печатавшему прокламаціи) и Будоговскому было поставлено на видъ ихъ поведеніе, но что Рачковскій не занималъ по отношенію къ ихъ дѣятельности приписываемой ему рапортомъ Макарова позиціи. Въ виду очевидной неосвѣдомленности министра, которой и требовать нельзя было отъ человѣка, только что вступившаго въ должность, Лопухинъ, а также и кн. Урусовъ, написали ему послѣ этого соотвѣтствующія письма. Между прочимъ, Лопухинъ сообщалъ:

«Изъ газетныхъ отчетовъ о засѣданіи 8 іюня Гос. Думы я не могъ не убѣдиться, что въ матеріалѣ, доставленномъ Вамъ для составленія объясненія... обстоятельства дѣла были совершенно извращены... Въ январѣ текущаго года нѣкоторыя лица, сообщая мнѣ указанія на подготовленія погромовъ, обращались ко мнѣ съ просьбой оказать содѣйствіе къ предотвращенію этихъ бѣдствій. Выясненіе этихъ указаній подтвердило ихъ, привело меня къ убѣжденію въ участіи власти въ подготовленіи погромовъ и навело меня на слѣдъ типографіи деп-та полиціи... Послѣ изданія манифеста 17 октября, когда, благодаря послѣдовавшимъ за этимъ законодательнымъ актомъ во многихъ городахъ безпорядкамъ, въ умѣренныхъ кругахъ общества появились признаки реакціи, Рачковскій, съ цѣлью усиленія реакціи, предпринялъ изданіе соотвѣтствующихъ воззваній. Они печатались

въ то время жандармскими офицерами.., затѣмъ.., на средства деп-та полиціи была пріобрѣтена усовершенствованная ручная печатная машина, отрабатывавшая до тысячи экземпляровъ въ часъ. Она была поставлена въ секретномъ отдѣленіи деп-та полиціи. Завѣдываніе ея работой было поручено ротмистру Коммиссарову, при ней состояли два наборщика. На этой машинкѣ въ декабрѣ 1905 г. и январѣ 1906 г. было отпечатано не одно, а значительное количество воззваній, различныхъ по изложенію, однородныхъ по содержанію. Воззваніе къ солдатамъ было послано для распространенія въ Вильну въ количествѣ около 5.000 экземпляровъ. 15 января виленскій полицеймейстеръ (Климовичъ, впослѣдствіи помощ. москов. градоначальника. В. О.) прислалъ въ деп-тъ полиціи телеграмму, съ просьбой, въ виду успѣха воззванія къ солдатамъ, прислать новую партію ихъ. Тѣ же воззванія къ солдатамъ были посланы въ Курскъ командированному туда врачу Михайлову, состоявшему по приглашенію д. с. с. Рачковскаго на службѣ въ деп-тѣ полиціи по вольному найму (убитъ въ Крыму. В. О.). Михайловъ... также потребовалъ изъ деп-та полиціи телеграммой присылки новой партіи тѣхъ же воззваній».

Указывая, затѣмъ, на участіе въ распространеніи воззваній д-ра Дубровина съ «союзомъ русскаго народа», Грингмута, редактора «Москов. Вѣдомостей», которому транспортъ воззваній былъ переданъ въ декабрѣ лично Рачковскимъ, Лопухинъ продолжаетъ:

«Гр. Витте вызвалъ къ себѣ ротмистра Коммиссарова, который всѣ эти свѣдѣнія подтвердилъ. Рот. Коммиссаровъ и мнѣ подтвердилъ ихъ всѣ безъ исключенія, при чемъ объяснилъ, что дѣйствовалъ по приказанію... Рачковскаго, а затѣмъ образцы воззваній до набора ихъ представлялъ для прочтенія директору деп-та полиціи Вуичу, и только послѣ отмѣтки послѣдняго о прочтеніи проекта воззванія отдавалъ его въ наборъ...

«Отъ вашего П-ства было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ, распространялись въ г. Александровскѣ и послѣ прекращенія въ этомъ городѣ безпорядковъ... Считаю долгомъ представить сохранившійся у меня экземпляръ (воззванія), распространявшагося въ г. Александровскѣ 25 и 26 января текущаго года, призывавшаго населеніе... къ избіенію евреевъ 27 января въ годовщину возникновенія войны съ Японіей...

«Отъ Вашего П-ства было скрыто, что... Рачковскій завѣдывалъ политической частью деп-та полиціи до 20-хъ чиселъ апрѣля (1906 г. В. О.); будучи по Высочайшему распоряженію освобожденъ отъ этой обязанности, онъ по писанному приказанію начальства завѣдывалъ всѣми охранными отдѣленіями; ему было предоставлено право давать направленіе всѣмъ дѣламъ департамента полиціи, которыя онъ при-

знаетъ нужнымъ взять въ свое вѣдѣніе, и на него тѣмъ же приказаніемъ было возложено порученіе использовать въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи.

«Вашему П-ству было доложено невѣрно, что ротм. Будоговскій для внушенія былъ вызванъ въ Петербургъ по обнаруженіи его преступленія и что деп-томъ полиціи немедленно по полученіи свѣдѣній о подготовленіи еврейскихъ погромовъ самостоятельно посылались телеграммы о принятіи предупредительныхъ мѣръ. Ротм. Будоговскій былъ вызванъ въ Петербургъ не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхѣ его пропаганды, а лишь въ концѣ февраля или въ мартѣ исключительно вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній предсѣдателя совѣта министровъ, гр. Витте, о необходимости прекращенія дѣятельности правительственныхъ организоторовъ погромовъ. Также и телеграммы о предупрежденіи погромовъ посылались только по требованію гр. Витте, что мнѣ хорошо извѣстно вслѣдствіе того, что свѣдѣнія объ организаціи погромовъ графомъ Витте получались почти исключительно отъ меня».

Указывая, наконецъ, на общія причины этого печальнаго явленія, бывшій директоръ деп-та полиціи заявляетъ, что тайна погромныхъ организацій стала ему доступна только послѣ того, какъ онъ пересталъ занимать оффиціальное положеніе при министерствѣ внутр. дѣлъ. Онъ увѣряетъ даже, что въ такихъ же условіяхъ находится каждый не придерживающійся погромной политики членъ центральнаго правительства, ибо не полиція и жандармерія находятся въ рукахъ министерства внутр. дѣлъ и департамента полиціи, а они въ рукахъ у правителей этихъ учрежденій. «Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ, продолжительностью его примѣненія въ государствѣ».

Упоминая о томъ, что исключительное положеніе ничего, кромѣ вреда, государству не принесло, Лопухинъ кончаетъ свою записку указаніемъ на всеобщую (въ то время. В. О.) въ деп-тѣ полиціи увѣренность въ существованіи двухъ правительствъ, ведущихъ самостоятельныя политики: гр. Витте и ген. Трепова, который, по распостраненному мнѣнію, докладываетъ Его Императорскому Величеству Государю Императору свѣдѣнія о положеніи вещей въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ которое имъ дается предсѣдателемъ совѣта министровъ и, такимъ образомъ, вліяетъ на направленіе политики. Къ такому убѣжденію имѣются основанія въ томъ, что, будучи назначенъ дворцовымъ комендантомъ, ген. Треповъ настоялъ на назначеніи въ его распоряженіе особыхъ суммъ на агентурные расходы и тѣмъ пріобрѣлъ средства, которыми можетъ быть снабженъ только министръ внутр. дѣлъ,—и въ томъ, что, оставивъ въ октябрѣ 1905 г. долж-

ность товарища мин. внутр. дѣлъ, ген. Треповъ тѣмъ не менѣе продолжалъ, помимо министра внутр. дѣлъ и безъ его вѣдома, получать изъ деп-та полиціи для ознакомленія всѣ сколько-нибудь выдающіяся, не имѣющія никакого отношенія къ дѣламъ дворцоваго коменданта, дѣла и бумаги, и даже не только тѣ, которыя получались департаментомъ, но и тѣ, которыя отъ него исходили. Для какой бы цѣли ген. Треповъ ни имѣлъ особый фондъ, и документы деп-та полиціи, какъ бы онъ ни пользовался своимъ положеніемъ,—всеобщее, вѣрное или ошибочное убѣжденіе среди подчиненныхъ Вашего П-ства о вліяніи ген. Трепова на политику государства существуетъ непоколебимо. Оно такъ же твердо, какъ и увѣренность ихъ въ сочувствіи ген. Трепова погромной политикѣ».

Къ этому заявленію Лопухина можно прибавить и упорные слухи объ образованіи такъ наз. «звѣздной палаты», подъ предсѣдательствомъ ген. Трепова. Несмотря на опроверженія этихъ слуховъ, они держались упорно.

Въ оффиціозной запискѣ, составленной по даннымъ того же деп-та полиціи, и подробно разбирающей вопросъ о взаимоотношеніи революціонныхъ и контръ-революціонныхъ силъ, содержится богатый фактическій матеріалъ, отчасти относящійся къ вопросу о двойственности внутренней политики и организаціи погромовъ.

Исчисляя общее количество убитыхъ и раненыхъ въ октябрьскіе дни въ десятки тысячъ, и указывая на всеобщую увѣренность народа и печати въ томъ, что погромы являлись результатомъ провокаціи правительства для того, чтобы не дать осуществиться обѣщаніямъ манифеста, авторъ записки, составленной по порученію гр. Витте прибавляетъ: «къ сожалѣнію, населеніе имѣло весьма серьезныя основанія такъ думать».

Описывая, далѣе, разгромъ тверской земской управы, авторъ говоритъ, что «населеніе не могла не поражать мягкость губернатора, который, видя, что толпа громитъ казенное учрежденіе, только уговаривалъ ее не безчинствовать»; «между тѣмъ, населеніе хорошо знаетъ, что въ другихъ случаяхъ войска стрѣляли въ толпу безъ предупрежденія, и у него, естественно, создается убѣжденіе, что къ этому поджогу и избіенію были причастны и мѣстныя власти».

На третій день кіевскаго погрома «опять были крупныя попытки къ погрому (на Галицкомъ базарѣ собралась болѣе чѣмъ 10-тысячная толпа простого народа), но войска дѣйствовали иначе, и погромъ не состоялся. Такимъ образомъ, населеніе видѣло, что, когда высшее начальство захотѣло, оно оказалось въ состояніи очень быстро прекратить погромъ и, естественно, сдѣлало отсюда выводъ, что оно не прекращало погрома прежде потому, что желало его».

«Нѣкоторыя дѣйствія властей въ Одессѣ также вызываютъ, по мнѣнію автора записки, на размышленія. По поводу, напр., упоминавшагося письма якобы отъ имени 30,000 одесскихъ мѣщанъ («Еще осмѣлюся отъ имени тридцать тысячъ мищанъ», и въ концѣ—«ваши вѣрныя мищани, кристияни и рабочіи»). Записка прибавляетъ: «градоначальникъ, опубликовавъ письмо... ни однимъ словомъ не упомянулъ при этомъ, что онъ считаетъ эту мѣру (обѣщаніе сжечь университетъ) незаконной и недопустимой. Болѣе того, онъ кончаетъ свое воззваніе къ населенію словами: «безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты. Кто во всемъ виноватъ, рѣшайте сами, люди благонамѣренные».

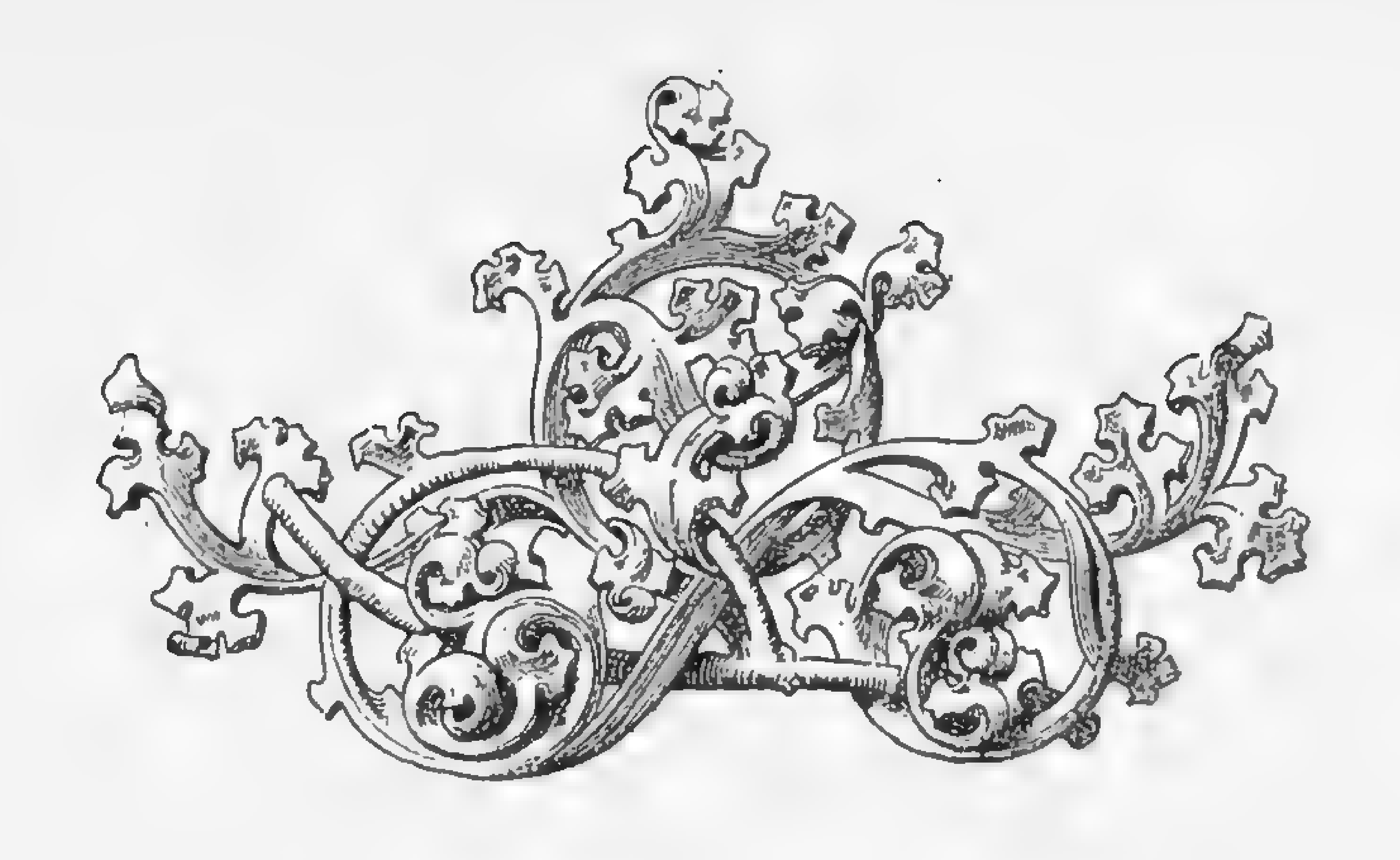
Записка кончается такъ: «всѣ эти факты произошли на протяженіи трехъ—четырехъ дней въ разныхъ концахъ Россіи и вызвали такую бурю негодованія въ средѣ населенія, которая совершенно смела первое радостное впечатлѣніе отъ чтенія манифеста 17 октября».

Кн. Урусовъ, бывшій тов. министра вн. дѣлъ, въ извѣстной рѣчи своей въ Гос. Думѣ, въ засѣданіи 8 іюня, говоритъ также: «...погромъ прекращается; тогда производятся аресты, и посѣщающее тюрьмы начальство не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что передъ нимъ не столько преступники, сколько кѣмъ-то обманутые люди; однимъ словомъ, чувствуется всегда организація, и широко задуманная».

Говоря, затѣмъ, о властяхъ, выхлопатывавшихъ награды дѣятелямъ типа Будоговскаго, Коммиссарова, Пышкина и др., и о томъ, что даже министерство, взятое изъ состава Гос. Думы, не сможетъ справиться съ этими неизвѣстными, но сильными людьми, пока они будутъ у власти, кн. Урусовъ прибавляетъ: «не эта ли Государственная Дума, которую такъ легко и охотно называютъ революціонной, съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣдняго дня, бережно старается поднять царскую корону, поставить ее выше нашихъ ежедневныхъ политическихъ дрязгъ, выше нашихъ ошибокъ и оградить ее отъ отвѣтственности за эти ошибки... И все же мы чувствуемъ, какъ на насъ ополчаются всюду тѣ же невѣдомыя темныя силы, какъ онѣ ограждаютъ отъ насъ довѣріе Верховной власти».

Итакъ, рядъ фактовъ, подтвержденныхъ одними чинами правительства, указывалъ на то, что въ погромахъ принимали участіе другіе чины того же правительства. Этотъ двойственный характеръ дѣятельности проходитъ основной линіей черезъ всѣ событія, всѣ акты послѣднихъ лѣтъ и все болѣе и болѣе раздѣляетъ населеніе Россіи на двѣ неравныя по численности и силѣ группы.

При неровномъ, мерцающемъ свѣтѣ, зажженномъ манифестомъ 17-го октября, и придется намъ теперь разсматривать всѣ проявленія общественной и политической жизни послѣднихъ трехъ лѣтъ.

II.

Московское вооруженное возстаніе.

Долго перекатывалось по Россіи эхо октябрьскихъ погромовъ. Какъ всегда бываетъ въ некультурныхъ странахъ со слабо развитой печатью, мѣсто освѣдомленности занимали слухи, выроставшіе въ мѣру обывательскаго воображенія и страха. Поэтому нерѣдко случались такія сцены: базарный день въ уѣздномъ городѣ; наканунѣ его распространяется зловѣщая вѣсть о томъ, что изъ ближайшихъ деревень придутъ толпы погромщиковъ, которые не оставятъ камня на камнѣ; на мѣстной станціи давка,—буржуазія побогаче выбирается куда попало, остальные запираютъ покрѣпче дома; на утро мертвая тишина, на площади ни души; озираясь, пробирается къ ней становой приставъ, не вѣря глазамъ своимъ. Оказывается, что въ деревняхъ былъ тоже свой вѣрнѣйшій слухъ: горожане выйдутъ громить деревни, а потому никто на базаръ не выѣхалъ, сторожатъ избы.

Эта атмосфера обоюднаго страха и тяжкой неизвѣстности наполняла и московскія улицы въ началѣ декабря того же бурнаго года. Вооруженное возстаніе, вѣрнѣе—идея его, не было неожиданностью; наоборотъ, оно вытекало изъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, какъ неизбѣжное завершеніе того переучета силъ революціи, которымъ были отмѣчены попытки вызвать вторую и третью всеобщія забастовки. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ упустилъ изъ виду общественное настроеніе. Опытъ въ безвоздушномъ пространствѣ не могъ дать результатовъ, добытыхъ подъ огромнымъ атмосфернымъ давленіемъ, даже при наличности остальныхъ условій; если же вспомнить о недостаткѣ матеріальныхъ средствъ комитетовъ, то попытки вызвать повторныя общія стачки дѣлаются шагами, ведущими къ дискредитированію стачечнаго принципа въ широкихъ рабочихъ массахъ, или къ вооору-

женному возстанію. Неудача возстанія, надолго усиливая реакцію, все же оставляетъ за борцами славу, и немудрено, что рабочіе двинулись по этому пути,—онъ импонируетъ ослабѣвшему классу. Арестъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ могъ только заставить поспѣшить, и слухи о возстаніи укрѣпляются въ ноябрѣ настолько, что оффиціальное, такъ сказать, обсужденіе вопроса на различныхъ революціонныхъ совѣщаніяхъ и митингахъ дѣлается постояннымъ явленіемъ. Настроеніе московскихъ крайнихъ кружковъ замѣтно повышается, надежды на войска мѣстнаго гарнизона тоже.

Декабрь застаетъ рабочихъ достаточно организованными; типографскіе служащіе, механики и текстильные рабочіе идутъ впереди, къ нимъ прислушивается и подчиняется ихъ рѣшеніямъ большинство остальныхъ, и внѣшній успѣхъ предполагаемой на 7 декабря стачки въ Москвѣ обезпеченъ,—все станетъ сразу и дружно. Вопросъ, надолго ли? Нерѣшительность администраціи, незначительныя волненія въ полкахъ, все учитывалось не въ мѣру истиннаго своего значенія, а какъ хотѣлось видѣть главарямъ движенія, въ общемъ, шедшимъ по равнодѣйствующей тогдашняго настроенія въ рабочемъ классѣ, самоувѣреннаго и радикальнаго. При такихъ условіяхъ воззваніе 5 декабря о стачкѣ, съ предложеніемъ перевода ея въ вооруженное возстаніе, было принято этимъ классомъ, какъ давно желанная вещь; воззваніе было подписано моск. совѣтомъ раб. депутатовъ, центральной и окружной соц.-дем. организаціями и моск. комитетомъ соц.-революціонеровъ. Въ немъ инициаторы въ энергичныхъ выраженіяхъ обращались къ рабочимъ, солдатамъ и гражданамъ, указывали на ростъ репрессій, призывали къ изгнанію всякаго начальства, къ борьбѣ за полную свободу и обѣщали демократическую республику. На другой день аналогичное воззваніе было протелеграфировано представителями 29 ж. дорогъ по ихъ линіямъ, и съ этого же дня заключительная формула постановленія о стачкѣ и возстаніи начала печататься на первой страницѣ «Извѣстій раб. депутатовъ». Москва переходила на военное положеніе, и слѣдуетъ сказать, безо всякаго страха за будущее, съ сочувствующимъ любопытствомъ къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ и поступкамъ организаторовъ борьбы.

Теперь всякому извѣстно, что никакого вооруженнаго возстанія въ Москвѣ и не было, но кличка, разъ данная, удерживается навсегда, особенно когда она импонируетъ обѣимъ сторонамъ.

7 декабря, въ полдень, началась забастовка. Съ утра всѣ запаслись провизіей и весело высыпали на улицы. День прошелъ въ организаціонной работѣ; повсюду шли митинги, на которыхъ зобастававшіе рабочіе составляли большинство и задавали тонъ; всего стало на 7 число до ста тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ служащіе город-

скаго самоуправленія и земской управы. Были и незначительныя стычки съ патрулями и полиціей, дружины не были еще въ сборѣ. Биржа обнаружила наклонность къ паникѣ, театры не открывались. Ночью взломали одинъ изъ оружейныхъ магазиновъ. На другое утро начались кое-гдѣ принудительныя остановки промышленныхъ заведеній, хозяева которыхъ противодѣйствовали стачкѣ; тамъ, гдѣ среди рабочихъ не было большинства за стачку, приходили толпы съ другихъ заводовъ и «снимали» силой, при чемъ случались и столкновенія. Примѣчательно было и тутъ отношеніе администраціи: митинги шли совершенно свободно, полицейскіе посты не реагировали на уличныя сцены, и мысль о слабости правительства напрашивалась сама собой. Нечего и говорить о пагубности такой мысли: она наталкивала на крайнія рѣшенія; и если бы силы дружинниковъ не были такъ ничтожны, а броженіе въ гарнизонѣ не носило преимущественно экономическаго характера, то кровавые дни могла бы пережить не одна Прѣсня, а и вся Москва. Удивительно также, что поведеніе Николаевской ж. д. не убѣждало московскіе революц. комитеты въ ошибочности ихъ заключенія о силѣ правительства. Столицы оставались соединенными для подвоза войскъ и телеграфныхъ сношеній съ центральнымъ органомъ, и частичныя попытки изолировать Москву не приводили ни къ чему, даже и въ то время, когда изъ Петербурга еще не двигались на выручку части гвардіи.

Событіемъ второго дня стачки, тоже наводившимъ на неблагопріятныя размышленія, былъ разгонъ огромнаго митинга въ «Акваріумѣ», гдѣ не мало народа пострадало отъ побоевъ. Очевидно, что нѣкоторое раздраженіе, привитое ли искусственно, или естественное, но наблюдалось уже въ полиціи и кавалерійскихъ частяхъ московскаго гарнизона. Теперь, впрочемъ, когда опасенія черносотенной демонстраціи 6 декабря миновали, когда ген.-губернаторъ какъ бы продолжалъ бездѣйствовать, благоразумные голоса заглушались общимъ гуломъ вѣровавшихъ въ свои силы комитетовъ, бывшихъ только простыми отражателями настроенія, охватившаго постепенно рабочихъ. 9-го начались поэтому болѣе активныя выступленія, были обезоружены нѣсколько городовыхъ и офицеровъ, вслѣдствіе чего первые начали переодѣваться въ гражданское платье, а вторые — избѣгать улицы. Городъ какъ бы поддавался забастовщикамъ. Закрылись послѣднія лавки и булочныя, предметы первой необходимости начали быстро дорожать и на этой почвѣ вновь соорганизовались и выступили, наконецъ, на улицу банды черносотенцевъ, иногда вооруженныя берданками и построенныя на подобіе частей регулярныхъ войскъ.

Если можно вообще сомнѣваться въ успѣшности возстанія въ современныхъ большихъ городахъ, особенно при условіи вѣрности

правительству войскъ, то баррикады имѣютъ извѣстный смыслъ, преграждая доступъ въ опредѣленные кварталы кавалерійскимъ частямъ; но онѣ не могутъ держаться противъ орудійныхъ и даже пѣхотныхъ залповъ, составляя простой пережитокъ старинной формы уличнаго укрѣпленія, болѣе дѣйствующаго на воображеніе, чѣмъ полезнаго для революціонныхъ цѣлей. Московскія баррикады имѣли, зато, иное значеніе, онѣ ярко обрисовывали степень сочувствія дружинникамъ со стороны горожанъ, и это тоже было несчастнымъ симптомомъ для нихъ. Повсюду мирные жители помогали валить столбы, ворота и рѣшетки, опутывать ихъ проволокой и укрѣплять мусоромъ и снѣгомъ. Очевидно, силы были слишкомъ неравномѣрны и поведеніе дружинниковъ казалось дѣтскимъ молодечествомъ, внушающимъ симпатіи независимо отъ характера его импульса. Между прочимъ, поведеніе это вовсе не было тѣмъ военнымъ геройствомъ, которое влечетъ солдатъ впередъ на вѣрную гибель, но къ вящшей славѣ цезаря; характерной чертой всѣхъ дней возстанія было заблаговременное очищеніе позицій дружинниками; оно не было и чистымъ партизанствомъ, т. к. на мѣстѣ дружинниковъ часто оказывались невооруженные люди, молодежь, рабочіе, которые и расплачивались за нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ-за забора уже настоящимъ разстрѣломъ, а нерѣдко и артиллерійскимъ огнемъ. Именно въ этотъ день и произошла одна изъ самыхъ трагическихъ сценъ возстанія, разстрѣлъ дома Фидлера, гдѣ дали собраться массѣ людей.

Изъ телефонныхъ переговоровъ начальника отряда, осаждавшаго зданіе реальнаго училища, изъ донесенія другого офицера, изъ атаки безоружной, почти арестованной, толпы драгунами, можно было заключить, что здѣсь хотѣли дать первый серьезный урокъ населенію Москвы за легкое отношеніе къ новому революціонному шагу пролетаріата. При первыхъ же орудійныхъ выстрѣлахъ въ домѣ Фидлера началась паника, и какъ только дружинники ретировались черезъ заборы «за предѣлы досягаемости», собравшіеся сдались, потерявъ 5 человѣкъ убитыми и 8 тяжело ранеными. Часть осажденныхъ успѣла скрыться, а 120 было арестовано. Тяжелое впечатлѣніе произвела атака драгунами этой толпы; ожесточеніе могло быть вызвано искусственно, т. к. по этой части не стрѣляли ни въ предшествующіе дни, ни тѣмъ болѣе здѣсь. Солдатъ удалось остановить не безъ труда, и то когда нѣсколько новыхъ жертвъ прибавилось къ тѣмъ, что оставались въ стѣнахъ разгромленнаго дома. Подъ этимъ мрачнымъ впечатлѣніемъ Москва снова погрузилась въ мракъ и зловѣщую тишину.

Новый день не обѣщалъ добраго. Съ ранняго утра начались стычки, нѣсколько солдатъ пало отъ выстрѣловъ дружинниковъ, появлявшихся всегда неожиданно. На Страстную площадь выкатываются пушки, и

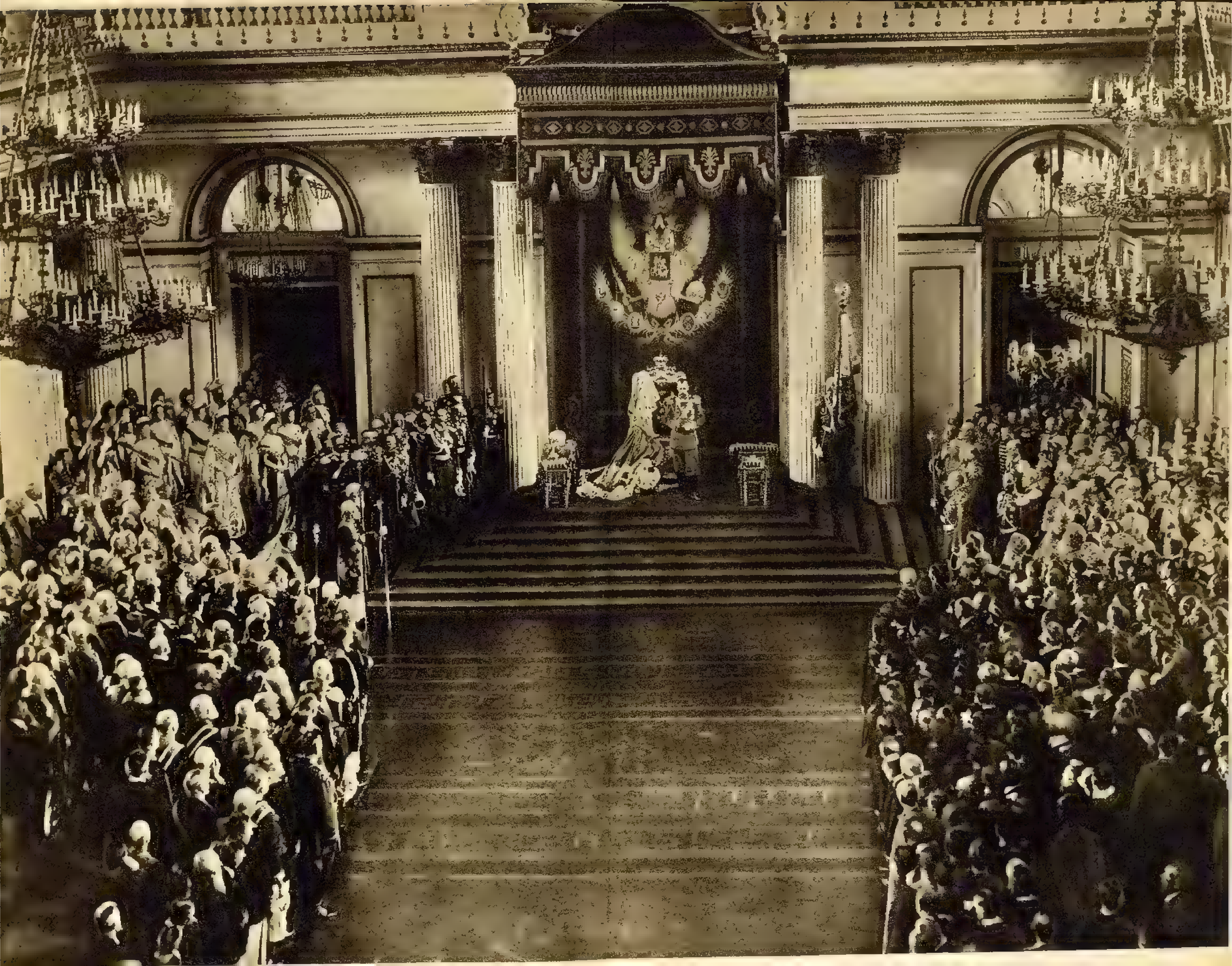
гранаты летятъ вдоль пустынныхъ бульваровъ, поражая невинныхъ; онѣ залетаютъ, впрочемъ, и въ кварталы, отдѣленные рядомъ поперечныхъ улицъ, что означаетъ перекидную стрѣльбу, не вызываемую никакими надобностями, кромѣ плана устрашенія мирной части московскаго населенія. Въ то же время лихорадочно строются баррикады. На нихъ водружаютъ красныя знамена, чучела, изображающія чиновъ мѣстной администраціи, кричащія надписи. Пока свѣтло, всѣ, кто похрабрѣе, на улицахъ; бродятъ самые фантастическіе слухи о революціонномъ настроеніи войскъ, шумятъ митинги, особенно въ районѣ будущаго разгрома, на Прѣснѣ, возлѣ которой сосредотачиваются главные очаги революціи,—фабрики Шмидта, Прохорова и др. Здѣсь баррикады тянутся по всѣмъ подходамъ къ фабричнымъ корпусамъ, и въ то время, какъ на Страстной площади начинаютъ кидать въ войска изъ оконъ бомбы, Прѣсня спѣшно вооружается и готовится къ рѣшительному бою. Озлобленность солдатъ все растетъ, послѣднія попытки вовлечь въ борьбу съ правительствомъ отдѣльныя части оканчиваются неудачей, и судьба возстанія рѣшается. Но нужно еще нѣсколько дней для того, чтобы устрашить Москву. По ночамъ продолжаютъ еще грабить оружейные магазины, но вербовка новыхъ дружинниковъ становится все труднѣй. Къ 11 декабря подъемъ настроенія достигаетъ апогея, стычки дѣлаются ярче, изъ строя войскъ выходятъ новые убитые и невидимый, юркій непріятель начинаетъ и впрямь казаться силой, съ которой нужно считаться. Баррикады строятся уже изъ трамвайныхъ и ж.-дорожныхъ вагоновъ, стрѣляютъ не только днемъ, но и ночью, благо высоко стоитъ зарево отъ подожженной сытинской типографіи, огромнаго зданія въ Замоскворѣчьѣ. Въ эти дни, когда многимъ казалось, что чуть ли не рѣшается судьба режима, злоба открывала и такія уста, что обрекались извѣстной сдержанности самымъ положеніемъ человѣка; такъ, полицеймейстеръ, бар. Будбергъ, принимая завѣдующаго сытинской типографіей, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что ее не сожгли еще два года назадъ. По этому примѣру можно судить и о положеніи арестованныхъ въ участкахъ, гдѣ въ это время были заполнены всѣ помѣщенія.

Слѣдующіе три дня продолжается неопредѣленное положеніе. Закрываются всѣ казенныя учрежденія. Полиція отсутствуетъ, и порядокъ въ иныхъ кварталахъ (Грузины, Прѣсня и др.) поддерживается самимъ населеніемъ или дружинами.

По частнымъ домамъ ютятся отряды Краснаго Креста, — добровольцы врачи и молодежь, кидающіеся съ истинно-рыцарской смѣлостью на всякій выстрѣлъ, чтобы помогать раненымъ, не разбирая принадлежности ихъ къ той или иной сторонѣ. Сначала санитаровъ щадятъ, но скоро выходитъ приказъ о стрѣльбѣ по нимъ (вслѣдствіе

подозрѣнія, что Краснымъ Крестомъ прикрываются дружинники), и изъ среды этихъ самоотвреженныхъ людей вырываются тоже жертвы, завершающіяся убійствомъ доктора Воробьева полицейскимъ приставомъ Ермоловымъ, убійствомъ безоружнаго человѣка, въ его собственномъ домѣ, выстрѣломъ въ спину. Тогда же появляется на городскихъ стѣнахъ объявленіе адм. Дубасова о запрещеніи выхода вечеромъ, о заколачиваніи форточекъ, о разстрѣлѣ всякой группы болѣе трехъ человѣкъ; хозяева домовъ, гдѣ найдено будетъ оружіе, лишаются этихъ домовъ, и т. д. Кончилось тѣмъ, что приходилось во исполненіе приказа стрѣлять и по читателямъ этого объявленія, имѣвшимъ неосторожность останавливаться возлѣ него въ числѣ болѣе трехъ...

13 числа, впервые за время возстанія, собралась городская дума, не смогшая, однако, разобраться въ событіяхъ; наряду съ признаками полной слабости и оторванности отъ населенія, дума показала себя неспособной и къ анализу намѣреній властей, не предотвративъ предстоявшаго разстрѣла Прѣсни, вокругъ которой какъ разъ въ этотъ день замыкалось кольцо обложенія пѣхотой и артиллеріей. Тѣмъ временемъ дружинники вели перестрѣлку въ Міусскомъ трамвайномъ паркѣ, характерную для уличнаго боя: 13 дружинниковъ засѣли въ сараяхъ, гдѣ вагоны давали возможность мѣнять незамѣтно позиціи и бились съ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія въ теченіе пяти часовъ, при чемъ отступили безъ потерь, выведя изъ строя войскъ немало народа. Это и было, въ сущности, послѣднимъ успѣхомъ возстанія. Съ 15-го настроеніе начинаетъ падать, ряды дружинъ рѣдѣть, дѣйствовать вразбродъ, мѣнять планы въ зависимости отъ слуховъ. Къ вечеру загораются отъ гранатъ прѣсненскіе дома, пляшущее зарево повисаетъ надъ Москвой, свѣтя далеко за ея предѣлы и нагоняя жуть даже и на окрестное населеніе. И въ то время, какъ въ центрѣ столицы начинаютъ открываться лавки и шмыгать извозчичьи санки, Прѣсня переходитъ въ осадное положеніе, со всѣми его эксцессами и случайностями. Рѣшеніе районныхъ организацій прекратить забастовку съ 15 декабря—опаздываетъ сюда, и послѣдніе три дня возстанія обращаютъ эту окраину, гдѣ нищета сквозитъ изо всѣхъ щелей, въ юдоль плача и тупого отчаянія. А еще 11—12 числа всѣ здѣсь были веселы и бодры: дружинники пользовались довѣріемъ и распоряженія ихъ выполнялись охотно; ежедневно митинги у Прохорова и Шмидта держали тонъ жизни повышеннымъ и завлекали въ движеніе все новые круги. Правда, вооруженныхъ людей было и здѣсь до смѣшного мало, если соразмѣрить число ихъ съ мечтами революціонеровъ. Едва ли насчитаемъ на Прѣснѣ больше двухъ сотенъ людей, имѣвшихъ оружіе—браунинги и маузеры — да не всѣ могли ис-

пользовать какъ слѣдуетъ эти истребительныя орудія. Какъ бы то ни было, сила дружинниковъ не проявлялась нигдѣ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ на Прѣснѣ. Предоставленная себѣ, мѣстная полиція давно перестала сопротивляться, и такіе акты, какъ разстрѣлъ начальника охраннаго отдѣленія Войлошникова, пристава Сахарова и др., сходили съ рукъ такъ же легко, какъ какое-нибудь разоруженіе городового въ центральныхъ кварталахъ. Мало того, прѣсненцы могли даже завладѣть артиллерійскимъ орудіемъ, прислуга котораго была частію перебита, частію обращена въ бѣгство; но неумѣніе обращаться съ нимъ заставило бросить пушку. Сильное утомленіе сказалось уже 14 декабря, а 15-го и здѣсь подымается вопросъ о ликвидаціи стачки и борьбы, независимо отъ московскаго центра. 16-го часть дружины расходится, слабѣетъ ихъ стрѣльба и соотвѣтственно усиливается орудійная; обложеніе такъ прочно, что выходъ въ другіе кварталы почти невозможенъ. Съ этого момента несоотвѣтствіе поведенія обѣихъ сторонъ начинаетъ расти и по мѣрѣ уменьшенія сопротивленія дружинъ усиливается напоръ войскъ. 16 и 17-го стрѣльба идетъ безпрерывно, и далеко отъ батарей стекла оконъ звенятъ днемъ и ночью такъ же сильно, какъ на Прѣснѣ. Кольцо пожаровъ также замыкается, и къ 18-му, когда на Прѣснѣ не остается уже ни одного дружинника, она горитъ, какъ хорошій костеръ на опушкѣ лѣса, а гранаты и пули продолжаютъ сыпаться на мирное населеніе...

О причинахъ этого разгрома можно только догадываться, ибо документы, изобличающіе распоряженія штаба адм. Дубасова не будутъ еще скоро оглашены. Но если допустить мысль, что хотѣли запугать народъ, то нельзя сказать, чтобы задача была достигнута. Подобно тому, какъ послѣ 9 января 1905 года въ рабочей средѣ не возникло страха за судьбу движенія, и разстрѣлъ Прѣсни вызвалъ только новую волну раздраженія. Стародавнія представленія, основанныя на уваженіи къ силѣ, крушились съ легкостью карточныхъ домовъ, когда сила эта переходила за предѣлы необходимаго, ибо тутъ уже начинался произволъ, никогда и нигдѣ еще не воспитывавшій гражданственности.

Вскорѣ Москва начала затихать и можно было приняться за окружающіе ее районы и желѣзныя дороги. Нужно замѣтить, что жел.-дорожныя организаціи всегда отличались дисциплиной и единодушіемъ въ дѣйствіяхъ, основанными на условіяхъ ихъ службы; это сказалось и на отношеніи жел.-дор. союза къ московскому возстанію. Стачка на московскомъ узлѣ началась сразу и прекратилась, по распоряженію бюро, также сразу. Правда, она протекала на этотъ разъ далеко не такъ мирно, какъ въ октябрѣ; на путяхъ лежали груды вагоновъ (казанская, ярославская дд.), баррикады заграждали вокзалы отъ

войскъ, поѣзда съ запасными, шедшіе съ Востока, останавливались и обыскивались, при чемъ у офицеровъ отбиралось оружіе; вокзальныя дружины перестрѣливались съ артиллеріей и пѣхотой, занимавшими большую площадь передъ зданіями николаевской ж. дороги. Въ то же время дружинники охраняли товарные пакгаузы отъ расхищенія и за все востаніе не отмѣчено въ предѣлахъ московскаго узла ни одного значительнаго случая разграбленія вагоновъ и складовъ, хотя охотниковъ до нихъ всегда довольно въ большомъ городѣ.

По казанской дорогѣ разъѣзжали поѣзда съ дружинами, поддерживавшими сношенія съ коломенскимъ заводскимъ и прилежащимъ райономъ и этой-то дорогѣ довелось испытать на себѣ ужасъ карательныхъ дѣйствій отряда семеновскаго полка. Въ другихъ мѣстахъ дѣло обошлось безъ повальныхъ разстрѣловъ, и районы, такъ же принимавшіе участіе въ возстаніи, въ родѣ Мытищъ, Щелкова, Александрова и др., остались цѣлыми. Между тѣмъ, въ Щелковѣ, напр., настроеніе было настолько боевымъ, что собирались даже изъ мѣдныхъ паропроводныхъ трубъ пушки лить, а въ александровскомъ гарнизонѣ далеко не безъ труда удалось удержать въ предѣлахъ повиновенія волновавшихся саперъ. Здѣсь возникла и такъ наз. «барановская республика»; на самомъ дѣлѣ хозяинъ одной изъ фабрикъ, Барановъ, просто относившійся къ рабочимъ и сочувствовавшій движенію, былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими делегатами мѣстнаго совѣта раб. депутатовъ, которымъ была обѣщана неприкосновенность; по его имени окрестили и самое дѣло.

На казанской дорогѣ было ярче; на люберецкомъ и коломенскомъ заводахъ рабочіе были сильно организованы, находясь въ постоянномъ конфликтѣ съ заводской администраціей и коломенской буржуазіей; только при этихъ условіяхъ и могла произойти печальная сцена при разсѣяніи коломенскихъ демонстрантовъ казаками и полиціей, когда оказались сильно избитыми безоружные люди. Въ общемъ, однако, дѣятельность окружающихъ Москву районовъ не переходила нигдѣ въ самостоятельныя попытки къ вооруженному возстанію, являясь только поддержкой для тамошнихъ организацій; послѣднія далеко не использовали эту помощь, и при томъ не по нежеланію, а по неумѣнью; неумѣнье же основывалось на самыхъ дефектахъ организаціи возстанія, и если приравнять центральный комитетъ революціонеровъ къ главному штабу арміи, то слѣдуетъ сказать, что способность этого штаба не была выше той, что проявили въ войнѣ съ Японіей патентованные стратеги.

Схема боевой организаціи была проста: районные комитеты отъ различныхъ партій и союзовъ, съ федеральнымъ бюро въ центрѣ. Еслибъ всѣ районные комитеты являлись въ своихъ участкахъ такими

же хозяевами положенія, какъ были на Прѣснѣ, а въ рукахъ центральнаго было больше средствъ держать отряды въ подчиненіи и распоряженіи, то картина возстанія могла бы оказаться иной даже и при очевидномъ нежеланіи массъ принять въ немъ активное участіе. Но этого не наблюдалось; наоборотъ, полная оторванность центральнаго комитета отъ районовъ, штаба отъ арміи, обнаружилась уже въ первый день забастовки, и чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ менѣе вліянія оказывалъ на него этотъ комитетъ; распоряженія запаздывали, а рѣшенія только закрѣпляли совершившееся помимо воли распорядителей, иногда вопреки ей. Даже въ кардинальномъ вопросѣ,—учетѣ настроенія рабочихъ, войскъ и горожанъ,—замѣчались если не очевидная ошибочность, то двойственность. Хотѣлось вѣрить присоединенію войскъ,—и самые вздорные слухи принимались на вѣру и пускались дальше въ обращеніе; хотѣлось во что бы то ни стало длить борьбу, и вѣрныя свѣдѣнія о перемѣнѣ настроенія скрывались; неопредѣленный лозунгъ—«держать массы въ напряженіи», диктовалъ неопредѣленныя же рѣшенія, при чемъ всякая планомѣрность, логичность отсутствовали. Съ самаго начала возстаніе приняло хаотическій характеръ; при сочувственномъ нейтралитетѣ населенія нѣсколько сотенъ людей начали на улицахъ безсистемную стрѣльбу въ надеждѣ привлечь на свою сторону достаточное число солдатъ, чтобы смѣстить одно начальство и посадить на его мѣсто другое. Смутная мечта о томъ, что въ случаѣ побѣды въ Москвѣ вспыхнетъ вся Россія, воодушевляла и ослѣпляла людей, которыхъ единственная удача заключалась въ томъ, что они, сравнительно, немного народа вовлекли въ эту, со всѣхъ сторонъ невыгодную, сдѣлку. Но мечты не кладутся въ основу войнъ, а когда кладутся, какъ въ войнѣ съ Японіей, то войны проигрываются. Безсистемность сказывается повсюду у распорядителей возстанія; дислокація дружинъ была совершенно случайной, а передвиженіе ихъ изъ квартала въ кварталъ оставалось днями неизвѣстнымъ въ федеральномъ бюро. Вышло такъ, наконецъ, что и самое постановленіе—прекратить стачку и вывести дружины за городъ—опоздало: дружинники были уже за Москвой, весело разъѣзжаясь на рождественскіе праздники съ другими рабочими, и стачка прекращалась сама собой, сначала въ центрѣ города, потомъ на окраинахъ.

Нѣсколько лучше работали въ районахъ, по крайней мѣрѣ, по продовольственному вопросу; кое-гдѣ велась правильная развѣдочная служба. Но при видѣ убитыхъ мирныхъ гражданъ испарялись многія иллюзіи и сознаніе непоправимой ошибки умѣряло воинскій пылъ. Широкіе планы, въ родѣ того, чтобы потребовать отъ думы и земства устройства питательныхъ пунктовъ на весь городъ, отливать пушки

и т. под., дальше митинговъ и конференцій не шли, и слѣпой случай царилъ здѣсь не менѣе прочно, чѣмъ въ центрѣ. Въ казарменныхъ кварталахъ прекрасно знали о перемѣнѣ въ настроеніи солдатъ, видѣли провалъ возстанія, самый моментъ для котораго былъ выбранъ неудачно. Съ традиціями приходится считаться. Рождество, каникулярное время русскихъ фабричныхъ, такъ же невозможно было провести не по обычаю — дома, въ семьяхъ, на гуляньяхъ, — какъ стаѣ птицъ отказаться на одинъ годъ отъ перелета въ теплыя страны. Все это раздробляло и безъ того небольшія силы дружинъ, вносило дезорганизацію въ командованіе и не позволяло достигнуть даже того успѣха, что временно сопутствуетъ во всякой уличной бойнѣ стрѣляющимъ изъ оконъ и задворковъ.

И въ тѣ дни, когда войска не выступали еще, а полиція уже отступила, и когда улицы Москвы находились фактически во власти дружинъ, они дѣйствительно импонировали населенію своей таинственностью, и неожиданными появленіями въ разныхъ мѣстахъ. Во всякомъ человѣкѣ съ опущенными въ карманы руками чудился дружинникъ, а звукъ свистка-сирены наводилъ почтительный страхъ на робкія обывательскія души.

Въ тѣ же, приблизительно, дни организованъ былъ и комитетъ «самообороны», въ который вошли представители разныхъ слоевъ населенія, непричастнаго къ возстанію; его роль сводилась, повидимому, къ сбору средствъ и на движеніи не отразилась. Больше вліянія, и притомъ дурного, оказало присоединеніе къ дружинамъ, или вѣрнѣе—къ дружинному образу дѣйствій, простыхъ хулигановъ. Послѣ ликвидаціи возстанія эти подонки города заняли мѣста революціонеровъ и въ смыслѣ вреда для освободительнаго движенія далеко обогнали своихъ предшественниковъ. Уличный терроръ сталъ окончательно безсмысленнымъ избіеніемъ городовыхъ и солдатъ, и въ обывательскихъ головахъ понемногу смѣшивались понятія о свободѣ и анархіи, пока послѣднее не стало и доминировать, укрѣпляя реакцію.

Техническая часть возстанія была слаба. Люди не были хорошо обучены обращенію съ оружіемъ и стрѣльбѣ изъ него, патроновъ было немного, а револьверы преобладали численно надъ ружьями. Не нашлось ни одного человѣка, способнаго управлять пулеметомъ или орудіемъ, и мечты объ отливкѣ пушекъ лучше всего характеризуютъ дѣтскую неосвѣдомленность людей, явившихъ, въ другихъ случаяхъ, много изобрѣтательности и личнаго мужества. Для нападеній на полицейскіе посты, ночного дежурства, стрѣльбы изъ-за закрытія, годились, конечно, и такіе люди, и такое оружіе; но состязаніе ихъ съ воинскими частями было немыслимо. Правительство обязано подавлять всякое вооруженное выступленіе, и нельзя было ожидать,

что оно не тронетъ для этого своихъ пулеметовъ и пушекъ. Нѣкоторая ненадежность войскъ, вообще тогда замѣчавшаяся, не могла служить препятствіемъ къ подавленію возстанія, да и изъ Петербурга и другихъ городовъ свободно подвозились совершенно вѣрные солдаты (семеновскій, ладожскій, фанагорійскій и др. полки). Участіе солдатъ въ митингахъ, предъявленіе ими извѣстныхъ требованій и т. под. нарушенія дисциплины могли быть послѣдствіями и пробужденія политическаго сознанія и простого ослабленія воинскаго духа, вызваннаго неудачной войной. Неуспѣхъ революціонной пропаганды въ московскихъ казармахъ указываетъ на вѣроятность послѣдняго заключенія. Было даже гораздо хуже: тѣ же пѣхотинцы, что вчера братались съ дружинниками, распѣвали марсельезу и грозились разстрѣливать начальство, сегодня, послѣ хорошей порціи водки и выдачи мыла, начинали палить по вчерашнимъ друзьямъ не съ меньшимъ увлеченіемъ, нежели драгуны, всегда бывшіе въ большемъ подчиненіи у начальства.

Ожесточеніе драгунъ было нѣсколько непонятно; какъ бы велики ни были потери изъ ихъ среды, нельзя было безъ искусственнаго возбужденія дойти до тѣхъ дѣйствій, какія рисуютъ намъ многочисленныя показанія пострадавшихъ и свидѣтелей; достаточно сказать, что были случаи самоубійствъ офицеровъ, не перенесшихъ коллизіи между долгомъ и простымъ человѣколюбіемъ (пор. Зальца). Что касается до слуховъ о пуляхъ «думъ-думъ», якобы употреблявшихся нѣкоторыми частями, то они едва ли имѣли основаніе; раны, наносимыя обыкновенными пулями, попадающими съ рикошета, почти не отличаются отъ ранъ, дѣлаемыхъ пулями съ нарѣзкой или разрывными; дѣло въ томъ, что никелевая оболочка современной пули обладаетъ иной скоростью, нежели заключенный въ нее свинецъ, и при рикошетѣ отдѣляется отъ него, деформируясь въ лепешку съ рваными, острыми краями и производя страшныя разрушенія человѣческихъ тканей и костей. Санитары, подбиравшіе жертвы возстанія, могли въ этомъ убѣдиться. Уже указывалось здѣсь на безукоризненное отношеніе этихъ добровольцевъ къ своимъ задачамъ. Основаніе отрядовъ можно отнести къ тому еще времени, когда слухи о грандіозной патріотической манифестаціи въ день 6 декабря послѣ молебна на Красной площади, грозили Москвѣ погромомъ; тогда-то и образовалось при земской управѣ бюро, снарядившее 15 добровольческихъ отрядовъ; по формальнымъ причинамъ на этомъ и остановилась его дѣятельность, и еслибъ не приняли участія въ дѣлѣ помощи раненымъ другія, совершенно частныя организаціи, то санитаровъ на всю Москву не хватило бы. Учесть число санитаровъ трудно: чуть не въ каждомъ домѣ приготовлены были перевязочные матеріалы

и фельдшера-самоучки; много было и опытныхъ врачей, принесшихъ въ жертву и жизни свои, какъ сейчасъ увидимъ. Работы было всѣмъ довольно. Поскольку можно разобраться въ различныхъ свѣдѣніяхъ о пострадавшихъ, число ихъ опредѣляется въ тысячу слишкомъ человѣкъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. (Данныя бюро Медицинскаго союза, составленныя по сообщеніямъ 47 лечебницъ кажутся намъ наиболѣе заслуживающими довѣрія). Распредѣляются жертвы возстанія такъ:

По полу:	Мужчинъ	922 ч.
	Женщинъ	137 »
По сословію и классу:		
	Крестьяне, мѣщане, рабочіе, ремесленники и т. п.	705 »
	Студенты и другіе учащіеся	21 »
	Чиновники	23 »
	Купцы	17 »
	Врачи	5 »
	Адвокаты	2 »
	Инженеръ, литераторъ, діаконъ, артистъ, а всего	4 »
	Неизвѣстнаго званія	11 »
Дѣтей:	а) мальчиковъ:	
	Въ возрастѣ отъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ	8 »
	» » » 3-хъ до 15 лѣтъ	78 »
	б) дѣвочекъ: до 15 лѣтъ	11 »
Женщинъ:		
	Крестьянки, прислуги, работницы и т. под.	122 »
	Женщины-врачи	3 »
	Учительница	1 »

Почти всѣ эти люди принадлежали къ мирной части населенія и были убиты при случайныхъ выходахъ на улицы за своими дѣлами, или ранены въ окна (былъ случай, что въ женщинѣ, стоявшей у окна, оказалось шесть пуль,—залпъ).

Что касается до дружинниковъ, то число пострадавшихъ среди нихъ поразительно мало: убитыхъ зарегистровано двѣнадцать мужчинъ и женщинъ, да одинъ агитаторъ. Раненыхъ скрывали по понятнымъ причинамъ. Наконецъ, и со стороны войскъ жертвы невелики, какъ результатъ стрѣльбы тысячи человѣкъ въ теченіе недѣли, при выгоднѣйшей позиціи: всего убито 35 человѣкъ, а именно:

Солдатъ	18 ч.
Городовыхъ	10 »
Офицеровъ	5 »
Жандармовъ	2 »

Сопоставленіе этихъ цифръ: 1011—мирныхъ, 35 и 13—со стороны борющихся, лучше всякихъ разсужденій указываетъ дѣйствительно страдающую отъ волненій часть населенія, на долю которой выпадаетъ и наибольшее матеріальное потрясеніе. Тѣ же точно пропорціи встрѣчаются и при подсчетѣ жертвъ террора, и въ данныхъ, относящихся къ извѣстнымъ историческимъ прецендентамъ. На этихъ результатахъ базируется всякая реакція, и по степени сочувствія ей населенія можно судить и о дѣйствительной силѣ и длительности реакціи сила эта, замѣтимъ, находится лишь въ весьма слабой связи внѣшними проявленіями репрессирующаго начала, и это надлежитъ всегда имѣть въ виду при оцѣнкѣ политическаго момента. Такъ и здѣсь, въ самый разгаръ прѣсненскаго обстрѣла, когда войска не встрѣчали уже сопротивленія, сила ихъ, сказавшаяся особенно стрѣльбой по толпѣ народа, выходившей изъ церкви (съ колокольни которой будто бы былъ произведенъ выстрѣлъ по солдатамъ), не вызывала ни страха, ни почтенія, а только ненависть; на жителей Прѣсни гораздо больше впечатлѣнія производило то, неожиданное для нихъ явленіе, что съ того дня, какъ началась стачка, и дружинники взяли на себя охрану квартала, число кражъ въ немъ уменьшилось почти до нуля. Впослѣдствіи, когда эти добровольные стражи ушли, а хулиганы воспользовались наступившимъ ослабленіемъ полицейскаго вниманія, извѣстной части печати не легко было пропагандировать торжество революціонера и экспропріатора,—бѣдняки не могли уже этому вѣрить. Вообще, насколько страдала техника и стратегія возстанія, настолько замѣтна была административная способность его главарей; въ этомъ отношеніи они выгодно отличались отъ призванныхъ представителей города—гласныхъ думы, совершенно растерявшихся въ непривычной обстановкѣ. Дума просто бездѣйствовала, а поскольку нарушала молчаніе, то все неудачно. Гласный Н. Щепкинъ коротко опредѣлилъ позицію московскаго самоуправленія, сказавъ на одномъ изъ немногихъ засѣданій думы, что предлагаемое городскимъ головой обращеніе къ населенію и правительству не можетъ имѣть значенія, т. к. городское управленіе не пользуется довѣріемъ ни правительства, ни населенія». И если послѣдоьавшие вскорѣ тосты Н. Гучкова на обѣдѣ у адмирала Дубасова весьма мало сгладили дорогу думы къ сердцу власти, то къ народному они перекопали ее еще глубже. Не лучше гармонировала съ общимъ мнѣніемъ о положеніи вещей въ странѣ и резолюція думы, предложенная А. Гучковымъ и принятая большинствомъ 42 голосовъ противъ 16, стоявшихъ за проектъ гл. Левицкаго, призывавшій къ скорѣйшему созыву народныхъ представителей для выработки основного закона. Двойственность всегда безвыгодна; поэтому, слова головы, обращенныя къ ад.

Дубасову «Въ нашемъ содѣйствіи вы не должны сомнѣваться» не могли разсѣять впечатлѣнія отъ недавняго приглашенія въ засѣданіе думы представителей революціонныхъ партій. Единственнымъ практическимъ шагомъ думы за все время возстанія былъ отводъ школьныхъ помѣщеній для прѣсненскихъ погорѣльцевъ, да ассигнованіе 5 тысячъ руб. въ пользу пострадавшихъ отъ стрѣльбы. За то тактика властей отличалась увѣренностью, въ особенности послѣ прибытія семеновскаго полка. Иными не могли быть карательныя дѣйствія. Неограниченныя полномочія, по необходимости вручаемыя отдѣльнымъ чинамъ отрядовъ, зачастую представленія не имѣющимъ о гражданскихъ правоотношеніяхъ, всегда располагаютъ къ самостоятельнымъ и крайнимъ рѣшеніямъ, и вовсе не нужно изощрять свою злую волю для того, чтобы нарушать какіе бы то ни было человѣческіе законы; временная отмѣна всѣхъ законовъ лежитъ въ самой природѣ такихъ порученій и вѣроятно всякій полкъ, вѣрный долгу, поступилъ бы приблизительно такъ, какъ семеновскій, тѣмъ болѣе, что политическая пропаганда и вино нигдѣ не производитъ такого дѣйствія, какъ въ казармахъ. Вотъ почему и негодованіе на семеновцевъ основано на общемъ настроеніи того времени больше, чѣмъ на логическомъ заключеніи; негодованіе это выразилось въ многообразномъ бойкотѣ чиновъ полка (отказѣ въ мѣстахъ, защитѣ на судѣ, даже леченіе больныхъ) и характеризовало весь полкъ по поступкамъ отдѣльныхъ офицеровъ; но въ этихъ поступкахъ не находимъ какого-либо особеннаго изувѣрства; исторія даетъ много прецедентовъ собственноручныхъ убійствъ, совершенныхъ офицерами, и нижними чинами арміи, полагавшими, что спасаютъ отечество, и щедро награжденныхъ. Наклонность къ такого рода актамъ должна быть отнесена за счетъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ частей, способныхъ такъ же быстро перемѣнять предметъ защиты, какъ и энергично дѣйствовать противъ единоплеменниковъ. Наконецъ, знаки отличія, высокое вниманіе и матеріальныя блага издревле вліяли на слабыхъ людей, и анналы преторіанства рисуютъ гораздо болѣе темныя страницы, чѣмъ та, на которую занесена будетъ карательная экспедиція полк. Римана на казанскую жел. дорогу.

Въ приказѣ по семеновскому полку (15 декабря, № 349), опредѣлявшемъ задачи экспедиціи (18 офицеровъ, 6 ротъ, 2 орудія и 2 пулемета), прямо указывалось на то, чтобы «арестованныхъ не имѣть» и «дѣйствовать безпощадно». Полковникъ Риманъ, собственноручно убившій многихъ людей на станціяхъ, дѣйствовалъ только въ предѣлахъ этого приказа, подписаннаго полк. Миномъ, впослѣдствіи убитымъ террористкой Коноплянниковой. Другіе чины отряда должны были слѣдовать примѣру начальника. Что станціи не оказывали ни

малѣйшаго сопротивленія; что единственными данными, изобличавшими революціонность ихъ персонала, были проскрипціонные списки, составленные отдѣльными чинами уѣздной полиціи и жандармами, которые могли вполнѣ добросовѣстно заблуждаться; что на счету желѣзнодорожныхъ стачечниковъ не было ни убійствъ, ни массоваго уничтоженія чьего-либо имущества; что всегда въ такихъ случаяхъ сведеніе личныхъ счетовъ доминируетъ надъ государственной пользой,—все это было несчастьемъ для убитыхъ, но не могло лечь на отвѣтственность семеновцевъ, бывшихъ здѣсь чужими людьми и исполнявшихъ роль простого пулемета въ рукахъ начальства, оставшагося въ Москвѣ.

На станціи «Сортировочная», гдѣ вагоны охранялись слабѣе и наблюдались случаи ограбленія ихъ окрестнымъ населеніемъ, было разстрѣляно 34 человѣка. Около ст. Перово отряду встрѣтились крестьяне, также грабившіе разбитые вагоны; здѣсь было разстрѣляно около 55 человѣкъ. Раненыхъ частью подобрали на случайно стоявшій санитарный поѣздъ, шедшій съ Востока, частью пристрѣлили солдаты отряда. На самой станціи разстрѣляли 16 человѣкъ, въ томъ числѣ обоихъ помощниковъ нач. станціи, встрѣчавшихъ поѣздъ, съ которымъ они знали, что прибудутъ войска. Болѣе, чѣмъ очевидно, что всѣ замѣшанныя въ преступленіяхъ революціоннаго характера лица успѣли скрыться еще наканунѣ пріѣзда эксцедиціи и жертвами кары и здѣсь стали по преимуществу невинные люди; изъ принимавшихъ же участіе въ вооруженномъ возстаніи разстрѣляно, въ сущности, только двое, машинистъ Ухтомскій и техникъ Алферовъ; трое другихъ помогали пропуску поѣздовъ съ дружинниками; 16 состояли въ «самообронѣ», организованной вслѣдствіе развитія хулиганства; всѣ же остальные, погибшіе на казанской дорогѣ, 129 человѣкъ неимѣли къ возстанію прямого отношенія.

Экспедиція Римана посѣтила, кромѣ приведенныхъ станцій, еще Люберцы, Голутвино и Коломну, гдѣ разстрѣляла присяжнаго повѣреннаго Тарарыкова и завѣдывавшаго театромъ на заводѣ Струве Дорфа, покойно сидѣвшаго дома; эти лица выступали на митингахъ. Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ показаніе священника с. Голутвина; у него убили сына, но онъ не столько о немъ горевалъ, сколько о начальникѣ станціи, Надежинѣ, осыпанномъ наградами за почти сорокалѣтнюю службу и далекомъ отъ политики старикѣ. «Я готовъ понести отвѣтъ передъ Богомъ, такъ какъ въ невиновности ихъ (Надежина и его помощника) я увѣренъ такъ же, какъ въ самомъ себѣ».

Изъ Коломны отрядъ вернулся въ Москву, гдѣ происходили не менѣе трагическія сцены въ полицейскихъ участкахъ и на Москвѣрѣкѣ,—мѣстѣ разстрѣловъ. При полномъ отсутствіи судебнаго разслѣ-

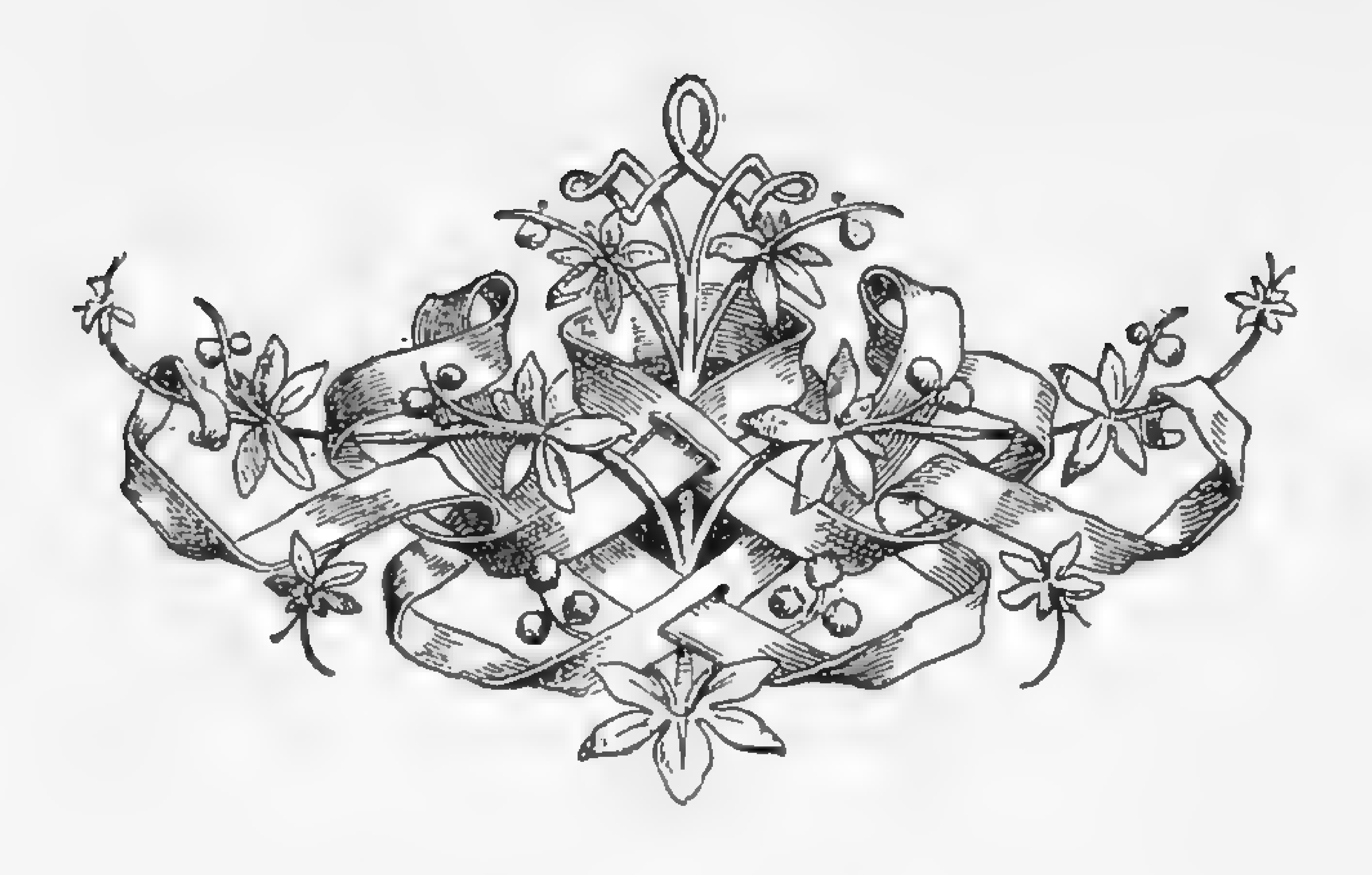
дованія, въ обстановкѣ, указывавшей на крайне повышенную нервность властей, приговаривались къ смерти люди, можетъ быть и непричастные къ возстанію, случайные прохожіе, студенты, рабочіе. И здѣсь, какъ только карательное начало заступало мѣсто отвѣтственности каждаго въ мѣру содѣяннаго имъ, исчезала эта мѣра. И чѣмъ добросовѣстнѣе было отношеніе къ поставленной высшей властью задачѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ больше казней совершено ими, ибо смерть могла еще тогда устрашать; побои же и тѣлесныя наказанія, публично совершавшіеся, были съ этой точки зрѣнія, признаками ненужной мягкости. Въ протоколахъ, которыми скрѣплялись дѣйствія военныхъ при ликвидаціи возстанія, встрѣчались записи, подтверждающія мнѣніе одного изъ случайно спасшихся, что большинство разстрѣлянныхъ принадлежало къ сѣрой, несознательной массѣ, легко переносившей позоръ тѣлеснаго наказанія на постороннихъ глазахъ. Аресты шли своимъ порядкомъ; среди арестованныхъ обращали вниманіе на Шмидта, владѣльца извѣстной мебельной фабрики на Прѣснѣ, потерявшаго отъ ея поджога все состояніе и вскорѣ умершаго въ тюрьмѣ при загадочныхъ обстоятельствахъ (былъ найденъ изрѣзаннымъ стеклами). Объ массовыхъ увольненіяхъ излишне упоминать; особенно старались въ желѣзнодорожной средѣ.

Въ дѣйствіяхъ войскъ, несмотря на единодушіе общественной оцѣнки, не было найдено властями никакихъ нарушеній закона; начальство было по своему право, ибо, повторяемъ, неограниченныя полномочія, вручаемыя военнымъ, дѣйствіями которыхъ не руководитъ судебная власть, не могутъ и быть иными. Исполнительность есть основное требованіе военной службы, а усердіе награждается особо. Поэтому всѣ офицеры и нижніе чины карательнаго отряда семеновскаго полка получили ордена, медали и другія награды. Они заслужили ихъ. Въ виду этого совершенно было понятно и объявленіе московскаго ген.-губернатора о клеветѣ, направленной противъ администраціи и войскъ. «Административныя власти,—говоритъ адм. Дубасовъ, — обвиняются въ дикомъ произволѣ и правонарушеніяхъ, войска въ варварскомъ отношеніи и жестокихъ расправахъ съ мирными жителями, безъ разбора будто бы задерживаемыми усердствующей полиціей... Объявляю населенію столицы, что всѣ преступные толки эти не имѣютъ никакого основанія, что разсказы о разстрѣливаніи составляютъ злонамѣренную ложь» и т. д. Къ сожалѣнію, такого рода объявленія никогда не способствуютъ исчезновенію недовѣрія, возбужденнаго извѣстными дѣйствіями властей, такъ какъ нерѣдко оказывалось, что и сами власти вводились въ заблужденіе неточными докладами подчиненныхъ (Бѣлостокъ, Сѣдлецъ, дѣло Рейнбота, Азефа и др.), и нѣтъ реальныхъ основаній принимать всякое объявленіе начальства, спо-

собнаго заблуждаться совершенно добросовѣстно, за абсолютную истину.

По той же причинѣ многіе продолжали думать, что адм. Дубасовъ хорошо зналъ о ничтожной силѣ революціонеровъ и истолковывали фразу «on a laissé faire», какъ признаніе къ макіавеллистической комбинаціи правительства. Едва ли однако можно строить догадки на словахъ, остающихся всегда на единоличной отвѣтственности; по всему видно, что въ первые дни возстанія и власти не учитывали силъ дружинъ и общественнаго настроенія, а числа съ 11-го слабость ихъ стала очевиднѣй и слѣпцамъ. Какъ всегда въ партизанской войнѣ, элементъ случайности доминировалъ надъ расчетами обѣихъ сторонъ, а конечный итогъ, по которому судятъ не только о силѣ, но и о планѣ, указалъ, что плана у возставшихъ сотенъ не было, а у правительственныхъ тысячъ былъ, весьма простой и не оправдавшійся только въ главномъ отношеніи,—никто не былъ напуганъ.

Одновременно съ Москвой происходили попытки вызвать всеобщую стачку и въ другихъ городахъ; но даже въ Петербургѣ, гдѣ рабочій классъ, по числу и организованности не стоялъ ниже московскаго, стачка шла вяло; что же касается до другихъ городовъ (Твери, Ростова на Дону, Костромы, Ревеля, Ярославля, Харькова, Рязани, Таганрога, Варшавы, Орла, Кіева, Саратова, Ломжи, Лодзи, Бреста, Радома, Симферополя, Одессы, Николаева и др.), то въ нихъ намѣчалось очень пестрое отношеніе къ московской затѣѣ; гдѣ дѣйствовали дружно (Брестъ), гдѣ частично; повсюду были приняты предохранительныя мѣры, и Прѣсня осталась единственнымъ обугленнымъ краснымъ пятномъ на общемъ тускломъ фонѣ третьей забастовки. Вожаки русскаго пролетаріата переучли, какъ и всѣ тогда переучитывали, свои силы и произвели сложный, дорого стоющій опытъ при обстановкѣ, указывающей на смѣлость и политическое невѣжество экспериментаторовъ. Въ общемъ потокѣ, по которому двинулась послѣ 9 января Россія, эпизодъ московскаго возстанія занимаетъ очень скромное мѣсто, и если мы остановились на немъ нѣсколько дольше, то только по его исключительности. Попытку воскресить пріемы европейской революціи въ условіяхъ XX вѣка слѣдуетъ признать послѣдней въ своемъ родѣ. Исторія повторяется, и иногда до смѣшного точно, но насильственно переворачивать назадъ ея страницы никому еще не удавалось.

III.
Митинги.

Одного московскаго возстанія было бы довольно, чтобы возбудить самое широкое общественное вниманіе, породить множество слуховъ и сказокъ. А если вспомнимъ, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ то и дѣло раздавались не менѣе оглушительные выстрѣлы,—Артуръ, Цусима, Гапоновщина, Плеве, В. К., Сергѣй Александровичъ, стачки, манифесты и т. д. безъ конца, то совершенно понятнымъ станетъ явленіе, сначала раздражавшее, а потомъ примелькавшееся до полнаго къ нему равнодушія. Это — *митинги*. Напрасно было бы думать, что въ такой формѣ общенія заключалось для насъ нѣчто новое, навѣянное революціей или принесенное съ Запада. Можно сказать, что русскій митингъ такъ же старъ, какъ само государство. Отъ древняго вѣча вольныхъ городовъ, черезъ шумливую запорожскую Сѣчу и скромные сельскіе сходы послѣпетровскаго періода, до современнаго митинга съ выбраннымъ предсѣдателемъ, записью ораторовъ и умѣньемъ слушать,—нигдѣ въ этой цѣпи не найдете перерыва, въ который вошло бы иноземное или какое бы то ни было новое вѣяніе. Но какъ и многое другое, что таилъ и таитъ въ нѣдрахъ своихъ народъ, стремленіе къ форуму и умѣнье использовать его развились при благопріятныхъ условіяхъ, какъ волшебное дерево индійскихъ факировъ, прямо въ глазахъ зрителей и до сихъ поръ незакончившагося представленія. Исчезли только старыя славянскія слова—вѣче, рада, сходъ, кругъ и т. п., замѣненное однимъ иностраннымъ, которое и накинуло на обычное явленіе покровъ кажущейся новизны. Рабочіе первые придали своимъ собраніямъ рѣзко выраженный политическій характеръ. Ни деревня, ушедшая, съ ея скромными интересами, на задній планъ ихъ жизни, ни городъ, съ которымъ не сроднились еще вчерашніе землепашцы, не интересовали рабочихъ. Политико-соціальные вопросы возникали въ обстановкѣ машиннаго труда, этого настоящаго кнута капитала, одновременно съ

гудкомъ, призывающимъ тысячи людей къ работѣ. Было о чемъ думать и говорить, обо многомъ хотѣлось знать поскорѣй, и за собесѣдниками и учителями дѣло не могло стать. 1905 годъ застаетъ русскую рабочую массу уже во многомъ догнавшей своихъ европейскихъ собратій, а сюжеты рабочихъ митинговъ незамѣтно прививаются къ деревнѣ, съ которой сношенія не порываются навсегда и которая жадно впитываетъ въ себя верхушки ученія, обѣщающаго рай при условіи, что существующій государственный строй будетъ радикально измѣненъ.

Главной темой митинговъ конца октября было обсужденіе контръ-революціонной погромной эпопеи, послѣдніе отзвуки которой еще колебали атмосферу. Какъ всегда бываетъ при повышенномъ настроеніи аудиторіи, тема расширялась далеко за предѣлы реальной задачи дня; гдѣ-нибудь въ Ярославлѣ протестуютъ противъ военнаго положенія въ Польшѣ, военнаго суда надъ матросами, и, только что испытавъ на своихъ бокахъ силу отживающаго режима, снова и снова призываютъ къ борьбѣ за учредительное собраніе подъ краснымъ соц.-демократическимъ флагомъ. Власти, сбитыя съ толку двойственностью распоряженій изъ центра, то разрѣшаютъ митинги, отводя даже помѣщенія для нихъ, то запрещаютъ; то посылаютъ чиновниковъ для присутствія, то нѣтъ, то разгоняютъ силою, или мѣняютъ распоряженія, какъ заблагоразсудится. Такъ, адмиралъ Чухнинъ, издавъ въ Севастополѣ приказъ о запрещеніи народныхъ собраній подъ открытомъ небомъ, и рекомендуя подъ страхомъ репрессіи, ораторамъ крайнихъ партій воздерживаться отъ противоправительственной пропаганды, 5 ноября отмѣняетъ это распоряженіе, и митинги на улицѣ возобновляются. Въ интересномъ отрывкѣ воспоминаній кн. Урусова («Дни свободы въ Севастополѣ», Вѣстн. Европы, февраль 1909), можно прослѣдить связь между митингомъ, собирающимся, повидимому, безъ опредѣленной задачи, и практическимъ осуществленіемъ его участниками и подчиняющимися имъ гражданами революцій того же митинга, ясность которыхъ иногда стоитъ не ниже какого-нибудь строго обдуманнаго дипломатическаго документа. Жизнь несетъ въ себѣ одновременно и разрушающіе, и созидающіе элементы, и, конечно, правъ авторъ очерка недолгой севастопольской свободы, говоря:... «еслибы осенью 1905 года наши правители встрѣтили поднявшуюся освободительную волну съ довѣріемъ къ народному здравому смыслу и еслибы протянутая къ народу въ критическую минуту рука не была взята назадъ слишкомъ поспѣшно, то естественная горячность передовыхъ отрядовъ освободительнаго движенія нашла бы сама и мѣрило, и сдержку въ разумѣ народныхъ массъ и въ собственномъ сознаніи отвѣтстенности передъ страной». (Тамъ же, стр. 483). А такъ какъ разумъ народныхъ массъ продолжалъ оставаться неисполь-

зованнымъ, то горячность передовыхъ отрядовъ могла возрастать безъ помѣхи, пока не начинались взрывы въ родѣ только что описаннаго московскаго возстанія. Поэтому отъ всей полосы митинговъ осталось въ нѣкоторыхъ кругахъ впечатлѣніе какъ бы безрезультатности; а изъ послѣдней люди всегда склонны, путемъ синтеза, вывести и ненужность, безнадежность первоначальнаго импульса. Но такое заключеніе было бы ошибочно. Въ прелестной по свѣжести мыслей и изяществу изложенія характеристикѣ Габріеля Тарда, извѣстный психіатръ и общественный дѣятель, докт. Н. Баженовъ говоритъ, вспоминая свои вечернія бесѣды съ этимъ блестящимъ соціологомъ: «Невозможно резюмировать, нельзя передать содержанія, но собесѣдникъ выходитъ съ душой обогащенной не столько, можетъ быть, фактическими знаніями, ранѣе чуждыми ему и незнакомыми, сколько новыми и неожиданными настроеніями» (стр. 9).

И вотъ, въ созданіи того настроенія, что объединило, въ октябрѣ 1905 года, большинство сознательнаго населенія имперіи, позволивъ удачно провести небывалую по размѣрамъ стачку, митинги сыграли огромную роль. Оставался впереди только процессъ кристаллизаціи аморфной смѣси, гдѣ соціальные элементы крѣпко срастались съ политическими, навыки рабства таяли подъ тепломъ освободительныхъ принциповъ, зарождались новые общественные организмы, накапливалась сила сопротивленія враждебнымъ началамъ. Не одна подражательность, стадность, была причиной всеобщаго стремленія на митинги. Здоровое чутье говорило, что здѣсь «разберутъ дѣла» лучше, чѣмъ на деревенской заваленкѣ, въ кабакѣ, въ передышку между двумя фабричными смѣнами, въ казармѣ, подъ строгимъ фельдфебельскимъ глазомъ.

Крестьянскіе митинги, менѣе другихъ поддававшіеся регистраціи и анализу, были, можетъ быть, сильнѣе по результатамъ и интереснѣе для наблюденія всѣхъ остальныхъ. Здѣсь получилъ начало свое извѣстный крестьянскій союзъ, ликвидація котораго далеко не закончена процессами послѣднихъ мѣсяцевъ; здѣсь во всей полнотѣ обсуждалась аграрная проблема и, начиная съ умѣренныхъ резолюцій о передачѣ ея на рѣшеніе будущей Думы, до категорическаго требованія перехода, притомъ безвозмезднаго, всей земли въ собственность государства,—можно найти въ безчисленныхъ крестьянскихъ резолюціяхъ всѣ градаціи этой вѣковѣчной мечты о «Божьей землѣ», «Ничьемъ государствѣ». Послѣ ареста бюро крестьянскаго союза отсюда же телеграфируютъ графу Витте о «немедленномъ» освобожденіи делегатовъ (с. Ваче, мурамского у.), присоединяютъ къ союзу цѣлые уѣзды (новоржевскій крестьянскій митингъ), обращаются къ печати, «чтобы друзья и враги знали, чего хотятъ и чего

не хотятъ крестьяне» (м. Малый Узень, самарск. г.) и т. д. На митингахъ, замѣняющихъ теперь и сходы, крестьяне рѣшаютъ отправки «ходоковъ» въ Государственную Думу, несущихъ туда со всѣхъ концовъ страны одну жалобу—на утѣсненіе, одну просьбу и мечту—о землѣ. Ради этихъ чаяній, такъ далеко неоправдавшихся, дѣлаютъ большія, для крестьянской бѣдноты, затраты, а горячность собраній нерѣдко приводитъ къ столкновеніямъ съ полиціей, стражниками и казаками.

Принято думать въ реакціонныхъ кругахъ, что все это движеніе на митинги, всѣ резолюціи, крестьянскій союзъ, ожесточеніе противъ ближайшихъ къ крестьянству властей есть продуктъ злонамѣренной, революціонной агитаціи, въ которой главная роль принадлежитъ представителямъ «третьяго» земскаго элемента, учителямъ, агрономамъ, врачамъ, статистикамъ. Какъ часто бываетъ, истина лежитъ посрединѣ между инертной крестьянской массой и подвижнымъ составомъ мѣстнаго самоуправленія. Конечно, всѣ эти люди работали въ одномъ, приблизительно, направленіи, конечно, тексты резолюцій писались ими и они же делегировали землепашцевъ въ политическихъ союзахъ, все это вѣрно; но приписывать имъ иниціативу, созданіе и проведеніе въ жизнь принциповъ, давно созданныхъ, но скрытыхъ въ толщѣ народной жизни, какъ крапинки золота въ пескахъ полноводной сибирской рѣки, было бы столь же рискованно, какъ утверждать, что хлѣбъ можно сдѣлать изъ однихъ дрожжей.

Митинги, какъ особенно подвижная и непостоянная форма общенія людей, легко поддались впослѣдствіи репрессіи и такъ же быстро ушли туда, откуда пришли, распылясь до степени шепота по безопаснымъ угламъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы митинги являлись универсальнымъ средствомъ политическаго и соціальнаго воспитанія народа; есть сферы, гдѣ вредное вліяніе ихъ далеко превосходитъ полезное дѣйствіе, и если можно сомнѣваться въ правѣ правительства требовать отъ чиновниковъ извѣстнаго политическаго безличія, то право его на неприкосновенность казармы едва ли оспоримо.

Армія, построенная по современному шаблону, представляетъ изъ себя почти самодовлѣющую силу, государство въ государствѣ, и выводить ее изъ равновѣсія между правительствомъ и народомъ очень опасно. Нельзя ссылаться на то, что правительство само нарушаетъ этотъ обязательный нейтралитетъ пропагандой, неизбѣжной предпосылкой обращенія арміи на борьбу съ враждебными правительству элементами внутри страны. Такого рода пропаганда не менѣе разлагаетъ воинскій духъ, чѣмъ и воздѣйствіе слѣва; нѣтъ надобности приводить примѣры изъ исторіи другихъ армій—весна 1909 г. принесла Россіи такой неслыханный позоръ на Балканахъ, гдѣ столько за-

копано русскихъ костей и рублей, передъ которымъ тускнѣютъ недавнія пораженія въ Манчжуріи. Поэтому солдатскіе митинги такъ же, какъ и мятежи въ Севастополѣ, Кронштадтѣ и Свеаборгѣ, могли радовать только близорукихъ членовъ оппозиціонныхъ партій; они были глубоко печальнымъ явленіемъ. Своротить въ сторону революціи современную милліонную армію дѣло почти невозможное, а въ случаѣ успѣха изъ нея же выходятъ диктаторы, капралы, подымающіе брошенную на землю палку и надолго отодвигающіе выполненіе идеаловъ, ради которыхъ было пущено въ ходъ это обоюдоострое оружіе.

Что касается до чиновничьихъ митинговъ, то они не оказали на движеніе никакого вліянія. Положеніе чиновничества не измѣнилось, т. к. либеральная часть его, особенно въ судебномъ вѣдомствѣ, была тщательно отвѣяна систематической репрессіей послѣдумскаго періода, а реакціонная легко примирилась со своимъ безличнымъ и подневольнымъ положеніемъ, за небольшія матеріальныя льготы и быстрое движеніе по лѣстницѣ отличій.

Равнымъ образомъ, имѣли спорадическій характеръ и митинги такихъ чиновъ, какъ городовыхъ, околоточныхъ, стражниковъ и даже дворниковъ, гдѣ доминировали профессіональные вопросы; но по реальности результатовъ собранія эти, такъ же, какъ экономическія заявленія солдатъ, занимаютъ первое мѣсто. Было необходимо удовлетворить ходя бы часть пожеланій; да и самая правда о службѣ и жизни этихъ маленькихъ колесиковъ административнаго механизма только такимъ путемъ и могла дойти до тѣхъ, кому вѣдать ее давно надлежало. Тѣмъ не менѣе, участники полицейскихъ митинговъ также подвергались преслѣдованію, ибо манифестъ 17 октября не дѣлалъ всѣхъ сборищъ законными.

Не нужно долго останавливаться на окраинныхъ митингахъ, гдѣ обострившійся національный вопросъ занималъ всѣ умы. Еврейскіе же митинги, къ которымъ мѣстное населеніе относилось всегда безобидно, преслѣдовались особенно старательно въ виду не вышедшаго еще наверху изъ моды взгляда на евреевъ, какъ сугубыхъ виновниковъ начавшейся государственной смуты. Впрочемъ, уже во время сессіи первой Думы преслѣдованіе митинговъ сдѣлалось общимъ явленіемъ, произошелъ рядъ избіеній и даже кровопролитій и, въ свою очередь, вооруженныхъ сопротивленій полиціи и войскамъ.

И эта полоса, въ которую попало, насколько можно подсчитать, до трехъ милліоновъ рабочихъ и сознательныхъ крестьянъ, заглохла, какъ немногіе остатки на нивѣ отъ собранной и сложенной въ житницѣ жатвы. Политическая энциклопедія для народнаго употребленія разобрана пока по листкамъ, но не уничтожена, какъ были уничтожены многія произведенія печати, увидѣвшія свѣтъ въ послѣдующіе годы.

Графъ С. Ю. ВИТТЕ.

IV.

Печать.

Манифестъ 17 октября не упомянулъ о печати, и это обстоятельство не было случайнымъ. Даже и то приниженное положеніе, въ которомъ находилось въ Россіи печатное слово, не уменьшало его значенія, какъ созидающей силы. И въ сумасшедшемъ Лирѣ можно было узнать короля, и подцензурная русская пресса носила въ себѣ тѣ зачатки суверенности, которые дѣлаютъ изъ міровой печати могущественную державу безъ территоріи. Какъ бы само собой разумѣлось, что возвѣщенная свобода прежде всего снимала цѣпи съ печатнаго слова. Поэтому никого не удивило постановленіе совѣта рабочихъ депутатовъ о прекращеніи стачки печатниковъ только въ тѣхъ типографіяхъ, гдѣ печатались изданія, руководимыя редакторами, согласными на введеніе безцензурности явочнымъ порядкомъ. Угроза конфискаціей газетъ, подчиняющихся цензурѣ, и порчей типографскихъ машинъ въ заведеніяхъ, нарушившихъ постановленіе совѣта,—угроза, совсѣмъ негармонирующая со свободой слова, не была приведена въ исполненіе по той простой причинѣ, что огромное большинство газетъ и книгоиздательствъ, объединившись въ союзъ для защиты свободы печати, пошло навстрѣчу желанію рабочихъ, совпадавшему съ его толкованіемъ манифеста (къ чему присоединялся и гр. Витте); опубликовавъ 22 октября на первыхъ листахъ своихъ изданій четыре пункта постановленія съ требованіемъ дѣй-

ствительной свободы печати, союзъ перешелъ къ явочной системѣ. Въ союзъ вошли органы самаго разнообразнаго направленія: «Новое Время» и «Наша Жизнь», «Русь» и «Свѣтъ», «Русская Мысль» и «Историческій Вѣстникъ» и т. д. Другіе продолжали посылать гранки нумеровъ въ цензуру, но съ помѣтками не считались, а то еще отмѣчали ихъ звѣздочками, выдавая цензорскія намѣренія. Одновременно съ этимъ радикальнымъ шагомъ прессы и главное управленіе по дѣламъ печати выступило съ циркуляромъ (19 октября, № 11.723), въ которомъ такъ неопредѣленно выражалось о новомъ порядкѣ вещей, что цензоры должны были окончательно сбиться съ толку. Результатомъ этой неопредѣленности было то, что пресса очутилась временно на полнѣйшей свободѣ, и нѣкоторые органы ея поспѣшили использовать моментъ для оглашенія такихъ яркихъ воззваній, преимущественно, къ революціоннымъ выступленіямъ, какихъ, конечно, ни одно правительство потерпѣть не могло. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы привлекать къ отвѣтственности только по суду, избранъ былъ испытанный по внѣшнему эффекту, но убогій по существу способъ административнаго воздѣйствія. Изъ одной крайности переходили, такимъ образомъ, въ другую и, какъ и слѣдовало ожидать, результаты не оказались въ соотвѣтствіи съ государственной пользой. Оцѣнка произведеній печати попала изъ однѣхъ слабыхъ рукъ въ другія; до суда доходило ничтожное число дѣлъ, рѣшавшихся, къ тому же, коллегіей, гдѣ коронные судьи находились въ большинствѣ. При фактической смѣняемости судей и въ обстановкѣ испуга передъ слишкомъ прямыми названіями вещей ихъ именами, приговоры суда были всегда суровы, но въ нихъ нельзя было найти планомѣрности. Понятно, впрочемъ, что не эти приговоры раздражали дѣятелей печати и общество, а тѣ формы административнаго воздѣйстія, которыя въ прогрессивной части населенія, всегда составлявшей оппозицію правительству, отождествлялись съ произволомъ, какъ бы осторожны ни были.

Поворотъ этотъ совершился, конечно, не сразу. 24 ноября были изданы такъ наз. «временныя правила о печати», отмѣнявшія предварительную цензуру, административныя взысканія, залоги для повременныхъ изданій, а главное — 140 ст. прежняго устава о цензурѣ и печати, дававшую министру внутр. дѣлъ право запрещать обсужденіе вопросовъ государственной важности. Временныя правила устанавливали также новый порядокъ основанія повременныхъ изданій и отвѣтственности по нимъ. Несмотря на суровыя кары, которыми грозилъ новый законъ, онъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ и вѣроятно внесъ бы частичное освобожденіе въ прессу, еслибъ не было, на бѣду, этого періода между 17 октября и 24 ноября, когда печать не знала никакихъ сдержекъ и совершала нарушенія всѣхъ

будущихъ статей закона, съ легкомысліемъ побѣдителей, не думающихъ о закрѣпленіи за собой завоеванной позиціи. Немудрено, поэтому, что правила 24 ноября показались уже тяжелыми и что подъ дружнымъ натискомъ реакціи русская печать очень скоро вернулась въ первобытное состояніе.

Отношеніе издателей ко временнымъ правиламъ опредѣлилось тотчасъ по ихъ оглашеніи: союзъ книгоиздателей 27 ноября постановилъ: «Въ виду того, что означенными временными правилами существеннымъ образомъ нарушены коренныя начала свободы слова, извращены незыблемыя основы гражданскихъ свободъ и сохранены прежніе законы о печати по отношенію къ періодическимъ изданіямъ,—попрежнему осуществлять фактически свободу печати». Аналогичное же постановленіе издано было союзомъ союзовъ. Сдѣлать постановленіе конечно не значитъ—провести его въ жизнь, и самая судьба манифеста должна была диктовать въ этомъ отношеніи извѣстную осторожность; но общій тонъ того времени не допускалъ недомолвокъ и полумѣръ.

Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе репрессій, обрушившихся на печать. Положеніе суда не было достаточно независимо, и только этому обстоятельству можно было приписать надѣлавшее шума оправданіе В. Короленко, П. Струве, П. Милюкова и І. Гессена за дѣяніе (оглашеніе въ печати воззванія революціоннаго содержанія), за которое тѣ же судьи нѣсколько раньше посадили А. А. Суворина на годъ въ крѣпость, притомъ оправданіе вопреки сенатскому рѣшенію по аналогичному дѣлу проф. Ходскаго. Членъ первой Думы, Набоковъ, говоритъ по поводу этихъ «капризовъ правосудія» («Право, 06 г., стр. 1806): «Можно быть увѣреннымъ, что и судейскому, и просто человѣческому достоинству пришлось въ совѣщательной комнатѣ перенести нѣсколько чрезвычайно непріятныхъ минутъ». Между прочимъ, суду не могло оставаться неизвѣстнымъ, что мотивированное ходатайство его на Высочайшее имя о смягченіи наказанія Суворину на три мѣсяца ареста было отклонено. Вообще, по отношенію къ печати царила та же двойственность, что и повсюду. Нерѣдко привлекали за перепечатки, первоисточники коихъ оставались ненаказуемыми; дозволенное въ Москвѣ запрещалось въ Петербургѣ и т. д. Въ то же время нелегальная повременная и періодическая печать расширялась совершенно непомѣрно. Старыя сочиненія, въ родѣ классической «Хитрой механики» и самоновѣйшія брошюры въ кричащихъ обложкахъ продавались почти безъ опаски на улицахъ, разсылались по почтѣ. Тайныя типографіи, иногда солидно оборудованныя, попадались въ руки полиціи десятками для того, чтобы вновь появиться въ тѣхъ же самыхъ городахъ и улицахъ. Случалось, что онѣ работали за витринами кондитерскихъ и портновскихъ заведеній, выпуская

изящныя по внѣшности изданія, ничего общаго не имѣющія со старинными прокламаціями на оберточной бумагѣ временъ «Земли и Воли». Когда же нужно было печатать что-нибудь на ротаціонныхъ машинахъ, пока еще тайнымъ типографіямъ недоступныхъ, то занимали насильственно любое изъ большихъ городскихъ заведеній и подъ дулами браунинговъ (едва ли не исполнявшихъ роль декорацій), печатали сколько нужно №№ изданія (Извѣстія рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, Выборгское воззваніе и т. под.), увозя ихъ потомъ чуть не на ломовыхъ извозчикахъ.

Видимо, вниманіе администраціи было обращено въ сторону легальной прессы. Сатирическіе журналы, одно время поражавшіе изобиліемъ кровавыхъ лужъ, пятенъ и оттисковъ руки Трепова, и въ этомъ отношеніи почти сравнявшіеся съ мрачными листами парижскаго «L'assiette au beurre», спеціально занявшагося русскими дѣлами, постепенно позакрывались, а уцѣлѣвшіе вернулись къ благонадежнымъ сюжетамъ и скабрезностямъ. Политическая карикатура отцвѣла, не успѣвъ расцвѣсть, и приговоръ къ тюрьмѣ Мендельсона, редактора одного изъ сатирическихъ журналовъ, человѣка, лишеннаго *рукъ и ногъ*, такъ что и въ тюрьму-то нельзя было его внести, было какъ бы злой, но острой сатирой на положеніе самой печати.

Итакъ, въ отношеніи къ печати произошелъ крутой поворотъ. Оффиціозное телеграфное агентство (Петербургское), передававшее извѣстія съ мѣстъ въ явно тенденціозномъ освѣщеніи, министерство юстиціи, не позволявшее давать справокъ о своей дѣятельности (при Акимовѣ), возстановленіе домашнихъ средствъ воздѣйствія, въ видѣ вызова на бесѣды съ градоначальниками, и много другихъ мелочей одолѣвали дѣятелей печати, внося лишнее раздраженіе и въ тонъ ихъ изданій. Ген.-губернаторы были особенно суровы. Такъ, ген. Тимофеевъ, въ Тифлисѣ, объявилъ: «Я запрещаю совершенно помѣщеніе извѣстій о дѣйствіяхъ административныхъ лицъ, пока извѣстія не появятся въ оффиціальныхъ органахъ»; да и въ другихъ городахъ было не легче. Послѣ Бѣлостокскаго погрома возникло, напримѣръ, 45 дѣлъ о привлеченіи редакторовъ по 129 ст. за обсужденіе этой темы, независимо отъ тучи административныхъ мѣръ по тому же поводу. Дошло даже до преданія военному суду за газетную статью; ему былъ преданъ профессоръ Новороссійскаго университета, Лысенковъ, обвинявшійся ген. Карангозовымъ въ призывѣ къ вооруженному возстанію, притомъ по статьѣ, этимъ генераломъ изъ компетенціи мѣстнаго суда не изъятой! Дѣло направили куда слѣдуетъ по настоянію изъ центра, но такого вмѣшательства не всегда можно было добиться, потому что правительство было обременено ликвидаціей еще болѣе тяжкихъ нарушеній теченія государственной жизни.

Понемногу печать переходила въ вѣдѣніе администраціи, и нерѣдки были случаи, когда предварительная цензура возстанавливалась, по желанію самихъ редакторовъ (особливо въ провинціи) такимъ же явочнымъ порядкомъ, какимъ была отмѣнена послѣ 17 октября. Безполезно было бы приводить перечень изданій, подвергшихся репрессіямъ. Начиная съ «Новаго Времени», не было органа, не испытавшаго на себѣ тяжелой административной руки; конфискаціи, аресты, высылки редакторовъ, 129 и другія статьи новаго уголовн. уложенія, матеріальные убытки,—всего было довольно. Огромная практика изощрила обѣ стороны: у полиціи бывали заготовлены приказы о конфискаціи газетныхъ нумеровъ за-долго до появленія послѣднихъ на типографскихъ машинахъ, а у редакторовъ лежали въ портфеляхъ готовыя разрѣшенія на другія изданія. Сдавались передъ превосходными силами лишь постепенно; эзоповскій языкъ прежнихъ лѣтъ прививался теперь туго, и до роспуска первой Государственной Думы можно признать голосъ печати звучавшимъ достаточно твердо и громко. Нужно и то сказать, что редакторы принимали иногда настолько живое участіе въ уличной жизни, что одинъ изъ нихъ былъ избитъ нагайками такъ удачно, что умеръ отъ побоевъ (Валкъ).

Какъ бы то ни было, время между манифестами 17 октября 1905 г. и 8 іюля 1906-го можно считать періодомъ наибольшаго развитія, размноженія и вліянія русской прессы и слѣдъ этого вліянія глубоко залегъ въ народной жизни. Впервые печать нашла широкую дорогу къ читателю-землепашцу, читателю-рабочему. При всей рѣзкости сужденій, тенденціозности и партійности, газета внесла въ темное дотолѣ царство свѣтъ, необходимый для того, чтобы народная масса могла увидѣть связь свою не только съ землей, но и другими слоями населенія, чтобы удостовѣриться въ сочувствіи къ ней людей, гдѣ-то вдали ведущихъ нелегкую борьбу съ болѣзнями и прирожденными недостатками государственнаго организма,—печальнымъ наслѣдіемъ печальнаго строя.

Милліоны газетныхъ и брошюрныхъ листовъ, разнесенные ураганомъ освободительнаго движенія по русской землѣ, засѣяли ее сѣменами, среди которыхъ много, конечно, плевеловъ. На нетронутомъ здоровомъ воздухѣ равнинъ, въ снѣгахъ Сибири, въ кавказскихъ ущельяхъ,—всюду взойдутъ эти сѣмена, и сознаніе того, что только просвѣщеніе поможетъ великому и прекрасному народу прочно стать на ноги, поможетъ ему разобраться во взаимоотношеніяхъ съ властью и интеллигенціей, ушедшими въ города рабочими,— одно это сознаніе сторицею возмѣщаетъ нежелательную сторону той преходящей полосы русской дѣйствительности, когда револьверы сами начинали стрѣлять, а камни мостовыхъ прыгали въ руки, какъ пылинки стали къ концамъ электромагнита.

V.

Обыски и аресты. Тюрьма и ссылка. Казни и карательныя экспедиціи.

Несмотря на значительное стѣсненіе свободы печати, послѣдовавшее за вооруженнымъ возстаніемъ въ Москвѣ, пресса сохранила за собой право, нѣкоторое время не нарушавшееся, говоритъ о репрессіяхъ, указывать имена администраторовъ, переходившихъ, въ послѣднемъ отношеніи, мѣру обыденнаго, и высказывать свое сужденіе о такихъ лицахъ и мѣрахъ. Благодаря этому, оказалось возможнымъ составлять отъ времени до времени систематическія сводки матеріала, подсчитывать число подвергшихся репрессіи лицъ и опредѣлить особенно строгіе округа Россіи. Въ концѣ второй части книги мы сдѣлаемъ небольшой обзоръ этого матеріала, а теперь остановимся на общей характеристикѣ современныхъ способовъ искорененія смуты и на немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, обратившихъ на себя въ свое время общественное вниманіе.

Нетрудно замѣтить, что по мѣрѣ развитія воздѣйствій на преступную человѣческую волю увеличивается и шансъ ошибки въ ея оцѣнкѣ. Если печать, документально закрѣпляющая свои прегрѣшенія и 129 статьей нов. угол. улож. окруженная со всѣхъ сторонъ, какъ рыбное озеро хорошей сѣтью, даетъ столько поводовъ для административнаго вмѣшательства, основаннаго на усмотрѣніи, то тѣмъ болѣе рѣзки бываютъ уклоненія отъ общепринятыхъ правилъ, которыми пресѣкаются преступленія менѣе ясныхъ формъ.

Законодательства всѣхъ государствъ стремятся обезпечить неприкосновенность личности, какъ основу гражданскаго строя; однимъ изъ начальныхъ элементовъ этого строя является, конечно, жилище человѣка, и даже сама власть, преслѣдующая преступника по пятамъ,

останавливается передъ дверьми его дома, пока не выполнитъ законныхъ требованій, открывающихъ ей эти двери, равно какъ столы, шкафы и всѣ вообще помѣщенія, гдѣ могъ укрыться самъ преступникъ или слѣды его преступленія. Понятно также, что правильное функціонированіе административнаго аппарата обезпечивается не однимъ качествомъ его личнаго состава, но и нормальностью отправленій; чрезмѣрная работа здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо вызываетъ утомленіе, раздраженіе, недовольство, толкая на ошибки, по большей части неумышленныя, но разстраивающія ходъ гражданской жизни не меньше, чѣмъ нарушается правильность работы ткацкаго станка отъ безтолковыхъ движеній неопытнаго или переутомленнаго ткача. Основное правило всякой работы—быть посильной, чтобъ быть производительной—не должно нарушаться ни въ какой отрасли жизни. Какъ сейчасъ увидимъ, это правило не могло быть соблюдено при организаціи борьбы со смутой, почему борьба эта вызвала нѣкоторое неудовольствіе и въ кругахъ, казалось бы, чрезвычайно заинтересованныхъ въ ея успѣшности; что же касается до части населенія, подпавшей подъ самое дѣйствіе пресса, то нельзя было ожидать равнодушнаго ея отношенія къ своей судьбѣ; тамъ озлобленіе росло въ геометрической прогрессіи, захватывая все новыя сферы, и потребовалось не мало времени и трудовъ для того, чтобы затушить открытое выраженіе враждебныхъ правительству чувствъ. Радикальной въ этомъ отношеніи мѣрой было новое стѣсненіе печати путемъ административнаго штрафованія, и этимъ завершился циклъ, въ которомъ каждое звено логически вытекало изъ предыдущаго; въ этомъ кругу оказалась замкнутой свобода, возвѣщенная 17 октября, и ясно, что такое положеніе не могло способствовать процвѣтанію ни одной изъ созидающихъ жизнь силъ; лишенная всѣхъ выходовъ къ активности, страна должна была или затянуться иломъ реакціи, или прокладывать себѣ дорогу, пойдя по линіи наименьшаго сопротивленія. Какъ ни парадоксально покажется, но такой линіей была именно политика репрессій.

Быть можетъ, наиболѣе досадной и сильно дѣйствующей на человѣческую психику формой нарушенія принципа неприкосновенности личности является обыскъ. Послѣ этого шока ни арестъ, ни судъ не кажутся уже столь оскорбительными, а оправдательный приговоръ или благополучно отбытое тюремное заключеніе сглаживаютъ тягостныя впечатлѣнія одиночной камеры и залы суда; но воспоминанія объ обыскѣ преслѣдуютъ человѣка чуть не до гроба и наряду съ сновидѣніями изъ школьныхъ лѣтъ часто встаютъ мучительные кошмары обыска. Та же черная ночь, красный свѣтъ фонаря, тускло отражающійся на бѣлыхъ жандармскихъ пуговицахъ, заспанное лицо полицейскаго офицера, сердитаго на то, что къ его нелегкимъ обя-

занностямъ примѣшалась «политика» съ ея шансами на сопротивленіе, стрѣльбу, бомбы. И вся постыдная процедура станетъ тутъ съ отчетливостью, такой страшной во снѣ: перлюстрація интимной переписки, осмотръ дѣтскихъ кроватокъ, изъ которыхъ плачущія женщины вынимаютъ плачущихъ дѣтей, узлы отбираемыхъ книгъ, гдѣ иной разъ нѣтъ ничего нелегальнаго. Все, все припомнится до мелочей, и всего больше то чувство оскорбленія, обиды, которое остается даже у тѣхъ, кто имѣлъ за спиной дѣйствительныя прегрѣшенія по политической части. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая сторона смотритъ на обыскъ, какъ на невинную формальность, исполняемую при всякомъ случаѣ; охранныя отдѣленія, дающія наибольшее число приказовъ объ обыскѣ, довольствуются часто агентурными свѣдѣніями; но достаточно ознакомиться съ инструкціями агентамъ, чтобы понять, какъ ненадеженъ составъ этого института, а слѣдовательно и его работа. Поэтому число безрезультатныхъ обысковъ безмѣрно превосходитъ случаи удачи, не говоря уже о неизбѣжныхъ qui pro quo, въ родѣ появленія наряда полиціи въ квартиру предсѣдателя столичнаго суда, или требованія разбудить такого-то, подлежащаго аресту, оказывающагося годовалымъ младенцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣра эта вульгаризируется, входитъ, такъ сказать, въ житейскій обиходъ и противъ нея всякій принимаетъ посильныя мѣры, припрятывая въ надежныя мѣста нелегальные предметы. Для достиженія нужныхъ результатовъ приходится давать приказы объ арестѣ даже и въ случаѣ безрезультатности обыска, и обыватель привыкаетъ освѣдомляться прежде всего, есть ли приказъ объ арестѣ, чтобы ужъ не мучиться сомнѣніями. Съ момента ареста начинаются для обѣихъ сторонъ новыя затрудненія. Арестованный часто не знаетъ причинъ обрушившейся на него бѣды, а мѣстная власть не знаетъ, гдѣ добыть доказательства предполагаемой вины, необходимыя для того, чтобы направить дѣло къ прокурору или министру внутр. дѣлъ. Прокуроръ требуетъ точныхъ данныхъ для возбужденія предварительнаго слѣдствія и если ихъ не удается добыть, приходится представлять арестованнаго къ высылкѣ безъ основательныхъ мотивовъ, иначе черезъ мѣсяцъ нужно его выпускать. Продлить арестъ можетъ только министръ, если поводы къ высылкѣ существуютъ, но обычная практика открываетъ администраціи нѣкоторый кредитъ въ этомъ отношеніи, разрѣшая представлять доказасельства и позднѣе мѣсяца. Наконецъ, исключительныя положенія даютъ право высылки изъ предѣловъ губерніи и губернаторамъ, а въ матеріальномъ отношеніи такія высылки часто не легче «не столь отдаленныхъ мѣстъ».

Мировые судьи, обязанные слѣдить, наравнѣ съ прокуратурой, за тѣмъ, чтобы въ тюрьмахъ не держали людей дольше опредѣленнаго

срока, дѣлали попытки къ осуществленію своего права выпускать такихъ людей на свободу, но наткнулись на столь серьезныя препятствія со стороны высшихъ судебныхъ чиновъ, что прекратили посѣщеніе мѣстъ заключенія.

Совершенно невозможно перечислить причины арестовъ, такъ какъ главная масса послѣднихъ не приводитъ въ суды, а завершается административными приговорами, не поддающимися регистраціи ни по какой системѣ. Въ любомъ номерѣ газеты можно было встрѣтить рядомъ извѣстія объ арестахъ семинаристовъ, гимназистокъ низшихъ классовъ, членовъ земскихъ управъ, вольноопредѣляющихся, предсѣдателей бюро мирныхъ политическихъ партій, кандидатовъ въ Гос. Думу, священниковъ и т. п. лицъ. Арестовывали десятками, а то и сотнями сразу. При переполненіи тюремъ и обремененіи служащихъ въ нихъ и полиціи текущей работой, естественнымъ результатомъ является нѣкоторый процентъ неправильно зарегистрованныхъ, составлявшихъ главный контингентъ той злосчастной группы арестантовъ, которыхъ можно приравнять къ безъ вѣсти пропавшимъ на войнѣ.

Какъ уже указывалось, привычка къ обыскамъ и арестамъ сдѣлалась второй натурой у всѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ освободительнымъ движеніемъ; но иногда общественное вниманіе выдѣляло отдѣльные случаи, въ печати подымался шумъ, и въ результатѣ его бывало изрѣдка и облегченіе участи арестованнаго. Такъ, немало говорили объ арестахъ Линтварева, предсѣдателя сумской зем. управы, одесскаго городскаго головы, Андреевскаго, многихъ адвокатовъ, о которыхъ безуспѣшно хлопотали совѣты, кн. Козловской, массовыхъ арестахъ врачей (сумской у.), учителей (петергофскій у.) Л. Г. Дейча, извѣстнаго эмигранта, вернувшагося, въ числѣ другихъ, на родину, чтобы снова испытать прелести тюрьмы, Сибири и побѣга, и т. д. Еще сенсаціоннѣе были аресты центральныхъ органовъ нѣкоторыхъ партій и союзовъ, особенно совѣта раб. депутатовъ, въ Петербургѣ. Предсѣдатель послѣдняго, Хрусталевъ-Носарь, малороссъ по происхожденію и юристъ по образованію, человѣкъ недюжинныхъ организаторскихъ способностей, былъ арестованъ нѣсколько ранѣе, 26 ноября 1905 г.; по этому поводу бюро союза рабочихъ печатнаго дѣла, въ помѣщеніи котораго произошелъ арестъ, выпустило обращеніе къ обществу, въ которомъ не находило достаточно рѣзкихъ выраженій для характеристики дѣйствій властей. Дѣло было въ томъ, что совѣту долгое время давали возможность собираться, развивать свою дѣятельность, издавать свой органъ («Извѣстія с. р. д.») и т. д. Вѣрить безопасности было, конечно, неосмотрительно, но можетъ быть иной тактики совѣтъ и не могъ держаться, идя

навстрѣчу разгрому, который и завершился 2-го января 906 г. заборомъ исполнительнаго комитета, всего 24 душъ. Въ тотъ же день былъ арестованъ въ Москвѣ предсѣдатель крестьянскаго съѣзда, Курнинъ, присоединившійся такимъ образомъ къ товарищамъ по комитету союза, захваченнымъ еще 14 ноября. Тоже указывали на свободу, съ которой собирался съѣздъ, на открытость его засѣданій и резолюцій, выводя изъ ареста заключеніе какъ бы о коварствѣ правительства. На самомъ дѣлѣ здѣсь примѣнялся элементарный стратегическій пріемъ,—не наносить противнику рѣшительнаго удара впредь до момента, пока онъ не развернетъ свои силы и обнаружитъ планъ кампаніи. Правда, удача въ такихъ случаяхъ всегда стоитъ на сторонѣ лучше организованной и численно превосходной арміи, но вѣдь правительство съ его административнымъ корпусомъ безконечно и превосходило разрозненную армію освобожденія. Сильный почтово-телеграфный союзъ дважды выбиралъ свое бюро, пока 2 декабря не арестовали всѣхъ выдающихся его членовъ, надолго парализовавъ дѣятельность союза. Декабрь и январь вообще были мѣсяцами усиленнаго арестованія. Съ октября достаточно опредѣлились и общія силы революціи, и ея вожаки, слишкомъ понадѣявшіеся на прочность своихъ позицій. И такъ какъ въ это же время съ очевидностью обнаружился расколъ между двумя главными группами оппозиціи,—мирной, къ которой примыкали конституціоналисты-демократы (кадеты), и боевой, состоявшей изъ соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ, то очищеніе страны отъ тѣхъ и другихъ и не представляло особенныхъ трудностей. Одновременно накрывали въ разныхъ городахъ остальныя центральныя организаціи (въ Варшавѣ, «Бунда», въ Кіевѣ соц.-рев-въ и т. д.), внося все болѣе серьезныя опустошенія въ партійные ряды. При этомъ въ оставшихся неизмѣнно совершался процессъ раздвоенія: болѣе умѣренные, признавая бой въ открытомъ полѣ проиграннымъ, переходили къ мирной или подпольной пропагандѣ своихъ идей; другіе оставались до конца на боевыхъ постахъ, переходя къ пріемамъ террора, наводя ужасъ на слабыхъ и играя въ руку контръ-революціи. (Болѣе подробно о партіяхъ, ихъ составѣ и взаимныхъ отношеніяхъ будетъ сказано въ особой главѣ). Ноябрьскій циркуляръ министра внут. дѣлъ, П. Дурново, именно и предлагалъ губернаторамъ выяснить немедленно всѣхъ главарей, подстрекателей и покровителей политическаго и аграрнаго движенія и другихъ лицъ, являющихся делегатами организацій, а затѣмъ арестовать ихъ для поступленія согласно съ его, министра, указаніями.

Что при арестахъ могли быть совершаемы иногда насилія, неудивительно; возбужденіе съ одной стороны, переутомленіе и страхъ сопротивленія съ другой, создавали благопріятную почву для обоюд-

ныхъ эксцессовъ, начиная отъ оскорбленій и кончая побоями и стрѣльбой.

Слѣдовавшій за арестомъ тюремный режимъ не обѣщалъ ничего хорошаго... Не одни, конечно, условія тюремнаго режима были тому причиной, но имъ принадлежало главное мѣсто въ тюремныхъ драмахъ послѣдняго времени. Условія эти были двояки: одни всецѣло зависѣли отъ внѣшнихъ причинъ и не могли лежать на отвѣтственности мѣстной администраціи, другія исходили изъ внутренняго уклада тюрьмы. Къ числу первыхъ прежде всего относится неслыханное переполненіе русскихъ тюремъ. Достаточно сказать, что при общемъ числѣ мѣстъ на 110.000 человѣкъ, въ тюрьмахъ содержалось въ описываемый періодъ, по признанію министра, около ста семидесяти тыс. душъ (теперь это число возросло до 200.000). Зная же, что число одиночныхъ камеръ весьма, вообще, ограничено, т. к. сколько-нибудь раціонально устроенныхъ тюремъ немного, приходится заключить, что переполненіе обрушивается на общія камеры, гдѣ и безъ того условія содержанія тяжки. По отдѣльнымъ тюрьмамъ переполненіе сказывается еще сильнѣй; въ иркутской, напр., тюрьмѣ, расчитанной на 500 чел., содержалось въ мартѣ 906 г. 1212 душъ.

Радикальнымъ средствомъ отъ переполненія тюремъ было бы сокращеніе массовыхъ политическихъ арестовъ; но т. к. въ этомъ отношеніи намѣренія были совершенно опредѣленны, то министру финансовъ приходилось изыскивать, несмотря на крайнее затрудненіе казначейства, все новыя и новыя суммы на постройку и передѣлку тюремъ. Насколько плачевно было состояніе послѣднихъ, видно по объясненію къ смѣтѣ тюремнаго вѣдомства, внесенной въ третью Гос. Думу. Кажется это былъ единственный случай, когда оппозиціи не пришлось выступать противъ мягкихъ тоновъ большинства объяснительныхъ записокъ при бюджетѣ. Послѣ ознакомленія съ этими данными нельзя дивиться тому, что добрая часть населенія нѣкоторыхъ тюремъ числится въ бѣгахъ. Настоящими надежными мѣстами оставались, попрежнему, Петропавловская и Шлиссельбургская крѣпости. За ихъ стѣнами происходили драмы, молва о которыхъ надолго переживала дѣйствующихъ лицъ; отъ легендарной Таракановой до жизнерадостной Вѣтровой, отъ тѣней декабристовъ до современныхъ фигуръ «шлиссельбуржцевъ», безконечный рядъ русскихъ людей, среди которыхъ столько было выдающихся умовъ и сердецъ, прошелъ въ сумрачныя ворота, окованныя желѣзомъ, чтобы замкнуться на долгіе годы въ казематахъ, гдѣ было мало свѣта и воздуха, но много сырости, холода и зачатковъ болѣзней, до сумасшествія включительно. Въ письмѣ, обращенномъ къ выпущеннымъ на волю послѣ амнистіи восьми шлиссельбуржцамъ, одинъ изъ оставшихся въ крѣпости гово-

ритъ: «Уходя отсюда, вы, восемь человѣкъ, уносите съ собой 203 года тюремнаго заточенія. Ноша чудовищная, почти невѣроятная!.» Такъ завершилась долгая жизнь Шлиссельбурга, гдѣ, по странной случайности, первымъ политическимъ узникомъ былъ человѣкъ, ребромъ поставившій вопросъ о самодержавіи въ Россіи еще въ 1730 году, кн. Д. М. Голицынъ, глава членовъ тайнаго верховнаго совѣта. Это онъ-то и предложилъ составить извѣстные «пункты» взамѣнъ основного закона о «самодержавствѣ» (А. Пругавинъ. «Въ казематахъ», 28). Когда сорвалась эта попытка и абсолютизмъ закрѣпился еще надолго, умный князь сказалъ: «Трапеза была приготовлена, но приглашенные оказались недостойными. Такъ тому и быть. Я пострадаю за отечество... Но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего». В. Е. Якушкинъ говоритъ, что во время наступившей послѣ этого бироновщины вѣрно многіе поминали о неудачѣ Голицына съ сожалѣніемъ. Вѣрнѣе, что поминали гораздо долѣе, и послѣдніе шлиссельбуржцы, уходя оттуда черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Голицына на каторгу, уносили съ собой тѣ же чувства, что испытывалъ вельможный революціонеръ, входя черезъ такъ наз. «Государеву» башню въ крѣпость, гдѣ окончилъ свою жизнь.

Итакъ, психозъ сталъ обычнымъ тюремнымъ явленіемъ. Да и не однимъ тюремнымъ. Прив.-доц. Ѳ. Рыбаковъ въ интересномъ докладѣ своемъ Об-ству Психіатровъ («Душевн. разстройства въ связи съ послѣдними полит. событіями») приводитъ множество случаевъ, когда причиной психоза являлись столкновенія съ властями описаннаго выше характера. «Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, — говоритъ онъ,—у больныхъ имѣлись галлюцинаціи и иллюзіи, содержаніе которыхъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ болѣзни, черпалось изъ явленій текущей жизни: больные слышали шаги, шумъ, крики приближающейся толпы, возгласы: «Вотъ идутъ черносотенцы!» или «Бей студентовъ!», слышали и видѣли, какъ разъѣзжаютъ фургоны съ убитыми и ранеными, видѣли солдатъ, стражу и т. под.» И далѣе: «Я далекъ отъ мысли, что текущія событія создаютъ какую-либо особую форму болѣзни, но, исходя изъ своихъ наблюденій, я не могу не отмѣтить того факта, что событія эти, являясь извѣстнымъ толчкомъ къ развитію душевнаго разстройства, даютъ и особую окраску этому разстройству» (стр. 20). Къ чему тюремный психозъ приводитъ, можно судить по нашумѣвшему въ апрѣлѣ 1906 г. случаю со студент. Пахуновымъ, заточеннымъ въ Петропавловской крѣпости. Уже будучи душевно-больнымъ, онъ покушался на самоубійство и все же нельзя было передать его въ психіатрическую больницу, и когда передали, было поздно. Протоколъ врачей указывалъ на причину смерти—крѣпостной режимъ; арестованный находился подъ слѣдствіемъ.

Статистика психическихъ заболѣваній въ тюрьмахъ еще недостаточно разработана, но кажется можно установить тотъ, на первый взглядъ странный, фактъ, что подслѣдственные даютъ большій процентъ заболѣвшихъ; объясняется онъ, однако, просто: всякая неопредѣленность угнетаетъ человѣческую психику сильнѣе, чѣмъ точное знаніе срока заключенія, хотя бы и долгаго; тогда каждый новый день несетъ приближеніе свободы, смягчая тяжесть заточенія.

Самоубійства даютъ пеструю картину. Впослѣдствіи, когда введены были военно-полевые суды и казни сдѣлались ежедневнымъ явленіемъ, самоубійцы выходили преимущественно изъ рядовъ приговоренныхъ къ смерти, не могшихъ перенести мысли о ея неизбѣжности.

Такимъ образомъ, общія условія тюрьмы таковы, что никогда нельзя ручаться за нормальный ходъ ея внутренней жизни. Повышенная впечатлительность политическихъ заключенныхъ даетъ нерѣдко поводы къ шумнымъ демонстраціямъ, и хотя и къ нимъ понемногу приспособились, но случались такіе бурные взрывы негодованія,—по большей части не отвѣчавшіе логически породившимъ ихъ причинамъ,—что администрація сбивалась съ ногъ, чтобы успокоить тюрьму; достаточно сказать, что однажды въ моск. пересыльной тюрьмѣ отъ неожиданно поднявшагося воя и стука арестантовъ умеръ разрывомъ сердца надзиратель, сроднившійся съ тишиной, раньше царившей въ этихъ каменныхъ гробахъ. Наконецъ, наложеніе кандаловъ стало примѣняться и къ такимъ разрядамъ заключенныхъ, которые раньше содержались безъ нихъ, и лязганье цѣпей сдѣлалось теперь обычнымъ тюремнымъ звукомъ.

Но и кандалы не гарантируютъ отъ безпорядковъ, иногда кровопролитныхъ. Разслѣдованіе должно считаться съ своеобразной тюремной психологіей, но т. к. этой поправки не вносится, а формально администрація бываетъ обыкновенно права (шумъ начался раньше стрѣльбы и т. под.), то въ обществѣ создается убѣжденіе, что именно администрація и бываетъ постоянной причиной волненій. На самомъ дѣлѣ это далеко не всегда вѣрно; такъ, арестанты самарской тюрьмы успѣли разбить двери и окна, испортить водопроводъ, потушить электричество, обезоружить стражу прежде, чѣмъ подоспѣли войска. Очевидно, что каковы бы ни были поводы къ началу безпорядковъ, существуютъ и границы имъ. Къ сожалѣнію, весьма неточная регламентація случаевъ, когда стража можетъ стрѣлять по заключеннымъ, привела, въ концѣ концовъ, къ тому, что стрѣльба по окнамъ тюремъ сдѣлалась заурядными явленіемъ. Жизнь заключенныхъ въ значительной мѣрѣ начала зависѣть отъ темперамента часового, конвойнаго, надзирателя; одинъ позволяетъ сидѣть на окнѣ—другой нѣтъ, одинъ докладываетъ по начальству, что изъ такого-

то окна его бранили—другой расправляется самъ, посылая въ окно пулю. Но хуже этого приходится въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ не вывелись еще побои; при невысокомъ нравственномъ и культурномъ уровнѣ низшей тюремной администраціи требуется со стороны начальства много выдержки, чтобы вывести изъ употребленія эти дореформенные пріемы водворенія порядка. Хроника послѣднихъ лѣтъ указываетъ на такое оживленіе этихъ пережитковъ старины, что они становятся уже зломъ; оно отягчается тѣмъ, невѣроятнымъ въ XX в., фактомъ, что въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ побои принимали характеръ пытокъ, частію по своей изощренности, частію по введенію новыхъ инструментовъ пыточнаго характера. Были въ этомъ отношеніи нареканія и на нѣкоторыя сыскныя отдѣленія, въ Ригѣ, Варшавѣ и др. городахъ. Между прочимъ, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ огласилъ полученное имъ тягостное описаніе мученій, которымъ подверглись въ Варшавѣ двое лицъ; здѣсь мы тоже встрѣчаемъ старые пріемы получить признаніе въ возводимой винѣ,—лишеніе воды и дачу водки, вырываніе волосъ изъ головы, прыганье на грудь, битье по пяткамъ и т. под. Позднѣе попадемъ въ настоящій музей пыточныхъ приспособленій въ Ригѣ, а отдѣльные предметы, въ родѣ прутовъ, обтянутыхъ пузыремъ, длинныхъ мѣшочковъ, набитыхъ пескомъ (т. наз. «болгарская кишка»), и т. под., попадаются въ разныхъ русскихъ тюрьмахъ и сыскныхъ отдѣленіяхъ. Нельзя, конечно, считать этого безотраднаго явленія характернымъ для всего тюремнаго режима, который въ Россіи значительно мягче, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ сильная буржуазія вымещаетъ на нарушителяхъ своего покоя злобу съ систематической безпощадностью. Но тѣмъ болѣе досадно, что къ такимъ крупнымъ нарушеніямъ закона не всегда относятся съ достаточной строгостью; до суда дѣла объ истязаніяхъ доходятъ рѣдко, и развѣ только одно астраханское дѣло,—въ тамошней тюрьмѣ пытки были возведены въ самодовлѣющую цѣль,—получило должную оцѣнку въ приговорѣ къ каторжнымъ работамъ ряда лицъ изъ тюремнаго начальства.

Наблюдалось въ тюрьмахъ еще одно явленіе, котораго мы обойти здѣсь не можемъ, совершенно своеобразный видъ демонстраціи, прозванный кѣмъ-то «русскимъ харакири», это—голодовки. Съ одиночныхъ случаевъ до группъ, корпусовъ, цѣлыхъ тюремъ и даже до проекта всероссійской тюремной голодовки, назначенной на Пасху 906 г., но почему-то отмѣненной, мы найдемъ всѣ степени коллективнаго воздержанія отъ пищи въ цѣляхъ демонстраціи своего недовольства; отъ однодневнаго голода до истощенія со смертельнымъ исходомъ,—всѣ градаціи вліянія на человѣческій организмъ столь привычнаго крестьянской массѣ «недоѣданія»; отъ совершенно смѣшныхъ, дѣт-

скихъ поводовъ къ демонстраціи, до серьезныхъ злоупотребленій какого-нибудь мѣстнаго начальства; отъ гуманнаго отношенія къ голодающимъ даже и по капризу, до безстрастнаго заявленія министра внутр. дѣлъ, П. Дурново, что всякій воленъ не ѣсть и что тюремная администрація не должна употреблять никакихъ мѣръ для поддержанія жизни въ людяхъ, желающихъ умереть съ голода. Между прочимъ, значительный процентъ голодающихъ демонстрировалъ требованіе скорѣйшаго разсмотрѣнія ихъ дѣлъ, обыкновенно уже послѣ минованія всѣхъ законныхъ сроковъ для такого разсмотрѣнія и когда наступало то тупое отчаяніе неопредѣленности, что приводило къ психозу или самоубійству какимъ-нибудь осколкомъ стекла.

Въ описываемое время въ тюрьмахъ Россіи содержалось 72.000 политическихъ арестантовъ, но если къ нимъ прибавить арестованныхъ при полицейскихъ участкахъ и жандармскихъ отдѣленіяхъ, то указанная цифра должна сильно возрасти. Понятно, что среди этихъ людей, истомленныхъ долгимъ сидѣніемъ, возникало желаніе скорѣе быть отправленными въ административную или судебную ссылку, хотя бы ради одной перемѣны положенія: но разочарованіе наступало очень скоро.

Въ то время заселялись преимущественно сѣверо-западъ азіатской и сѣверъ европейской Россіи. Всякому обывателю были извѣстны слова «Туруханскъ» и «Нарымъ».

Въ нарымскомъ краю, среди болотъ, зимой подъ сугробами, лѣтомъ снѣдаемые «гнусомъ», мошкарой, влачатъ подобіе жизни немногіе аборигены, среди коихъ половина сифилитиковъ. У этихъ людей приходится снимать помѣщенія для жилья, ютясь по 5—7 человѣкъ въ комнатѣ, гдѣ и одному тѣсно. Ни ѣсть, ни работать почти нечего, хлѣбъ дорогъ, казеннаго пайка не хватаетъ и на жизнь нищаго, книгъ и газетъ не достать. Въ короткое время заползаетъ злая ипохондрія въ души административно ссыльныхъ и давитъ, въ союзѣ съ свинцовымъ небомъ, тусклой тундрой, болотными туманами. Самоубійства, психическія болѣзни, неспособность выносить никакого замѣчанія начальства безъ бурнаго рефлекса,—все начинается и кончается здѣсь среди могильной тишины природы, и когда-то дойдетъ вѣсть отсюда до родныхъ и друзей! То же и въ Туруханскѣ, почти то же и въ глуши вологодской и архангельской губерній. Здѣсь только вынужденное бездѣйствіе въ сравнительной близости родины толкаетъ на побѣги и тѣхъ, кто не имѣетъ необходимыхъ для этого средствъ. Въ общемъ, наконецъ, туземцы недовольны лишними ртами и рабочими руками, ссыльные—своимъ подневольнымъ положеніемъ, администрація, вплоть до губернаторовъ—хлопотами и отвѣтственностью, правительство—нареканіями на его якобы произволъ; и нѣтъ

никого, кто съ увѣренностью могъ бы сказать, что въ результатѣ всей этой дорого стоющей и трудно ликвидируемой политической ссылки en permanance окажется что-нибудь полезное для страны, и безъ того достаточно раздраженной. Общество, конечно, притерпѣлось. Изрѣдка раздается его голосъ, когда касаются людей извѣстныхъ и завѣдомо неповинныхъ въ смутьянствѣ, какъ гр. П. Толстой и др.; случалось, однако, что шумъ принималъ и широкіе размѣры: проф. Н. Гредескулъ, напр., находившійся въ ссылкѣ, былъ выбранъ въ Гос. Думу подъ прямымъ давленіемъ выборщиковъ на предсѣдателя собранія; но за ними стояла вся интеллигентская Россія, и избраніе, формально не совсѣмъ, быть можетъ, правильное, не было ни кѣмъ опротестовано, а въ Гос. Думѣ харьковскій депутатъ былъ почти единогласно избранъ товарищемъ предсѣдателя. Несомнѣнно, что во всемъ этомъ сказалось общее желаніе возмѣстить умѣренному, спокойному общественному дѣятелю тревоги, причиненныя ему административнымъ аппаратомъ, не вполнѣ приспособленнымъ къ дѣйствію въ отвѣтственныя эпохи народныхъ волненій. Вслѣдствіе этой неприспособленности происходили иногда самыя досадныя недоразумѣнія. Такъ, въ Одессѣ по распоряженію ген. Карангозова, долженъ былъ отправиться этапомъ въ томскую губ. врачъ военнаго госпиталя, Плотницынъ; при передачѣ ссыльнаго конвою, солдаты отказались сопровождать его на вокзалъ, убѣжденія офицера остались тщетны; бар. Каульбарсъ также послалъ своего адъютанта съ увѣщаніями, но солдаты стояли на своемъ, и отправить Плотницына въ этотъ разъ такъ и не могли. Нечего упоминать, что нарушеніе воинской дисциплины не можетъ быть терпимо; случай говоритъ только о томъ, что въ гарнизонѣ, гдѣ существовало уже броженіе, очень чутко относились къ происходившему и легко отличали судебное рѣшеніе отъ результатовъ административнаго усмотрѣнія.

Мы можемъ кончить очеркъ ссылки упоминаніемъ о доминирующей нотѣ всѣхъ жалобъ на положеніе ссыльныхъ: «При Плеве было лучше!» Comparaison n'est pas raison, и нечего мечтать о возвращеніи къ тѣмъ временамъ. Условія ссылки будутъ измѣнены законодательными палатами, ибо нынѣшнее состояніе ея, также какъ и во времена Плеве, ничего, кромѣ тяжкаго наслѣдія, для будущихъ правительствъ не создаетъ. Легко населить сѣверъ, но нелегко навсегда прикрѣпить къ нему ссыльныхъ. А возвратясь на родину, едва ли будутъ они проповѣдывать непротивленіе тому, что считали за зло и что вышибло ихъ временно, но фундаментально изъ обычной колеи. Передадимъ, впрочемъ, слово, архангельскому губернатору, ген. Баранову («Юр. Вѣст.», 1883, X, стр. 332.); съ тѣхъ поръ дѣло вѣдь могло измѣниться только къ худшему (Оффиц. донесеніе.):

Князь С. Н. ТРУБЕЦКОЙ.

«На основаніи опыта прошлыхъ лѣтъ и личныхъ моихъ наблюденій, я пришелъ къ тому заключенію, что административная ссылка по политическимъ соображеніямъ въ большинствѣ случаевъ оказываетъ вредное вліяніе, а не исправляетъ. Внезапный переходъ отъ жизни, полной удобствъ, къ жизни, полной лишеній, отъ общественной жизни къ полному отсутствію общества, отъ дѣятельнаго образа жизни къ вынужденному бездѣлью—производитъ губительное дѣйствіе. Нерѣдко, въ особенности въ послѣднее время, среди политическихъ ссыльныхъ наблюдаются случаи помѣшательства, попытокъ самоубійства и даже самоубійствъ. Все это непосредственный результатъ ненормальныхъ условій жизни, на которыя обрекаетъ ссылка умственно развитыхъ людей. До сихъ поръ еще не бывало примѣра, чтобы человѣкъ, болѣе или менѣе основательно заподозрѣнный въ политической неблагонадежности и подвергнутый административной высылкѣ, вернулся изъ ссылки примиреннымъ съ правительствомъ, отрекшимся отъ своихъ заблужденій, полезнымъ членомъ общества и вѣрнымъ слугой царя. Съ другой стороны, нерѣдко бываетъ, что человѣкъ, сосланный по недоразумѣнію, или по ошибкѣ администраціи, впервые становится политически неблагонадежнымъ въ мѣстѣ ссылки,--отчасти вслѣдствіе общенія съ истинными врагами правительства, отчасти вслѣдствіе личнаго озлобленія. Если же человѣкъ дѣйствительно зараженъ антиправительственными взглядами, условія жизни въ ссылкѣ только укрѣпляютъ въ немъ это вредное направленіе, изощряютъ его способности, превращаютъ его изъ теоретика въ практика, т.-е. въ человѣка чрезвычайно опаснаго. Если, наоборотъ, онъ не принималъ раньше участія въ революціонномъ движеніи, ссылка, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, прививаетъ ему революціонныя идеи, иными словами, даетъ результатъ прямо противоположный тому, какого отъ нея ожидаютъ. Какъ бы ни старались упорядочить административную ссылку, поставить ее въ опредѣленныя рамки, она всегда будетъ вызывать въ умѣ ссыльныхъ мысль о безконтрольномъ чиновничьемъ произволѣ,—и этого одного достаточно, чтобы сдѣлать всякое исправленіе невозможнымъ».

Среди высшихъ представителей русскаго чиновничества всегда находилось достаточное число людей, думавшихъ и говорившихъ о вопросахъ репрессіи съ откровенностью ген. Баранова. Такъ, о вредѣ и безполезности всякихъ вообще исключительныхъ законовъ очень прямо заявилъ и министръ вн. дѣлъ, П. Дурново, во власти котораго было не прибѣгать къ этой мѣрѣ; но при столкновеніяхъ съ жизнью, не находя въ запасѣ своемъ иного оружія, представители власти снова возвращались къ признаннымъ ими негодными пріемамъ, и конечно, не съ лучшими результатами. То же было и съ вопросомъ о

смертной казни. Не говоря о мастерскихъ и незабываемыхъ образцахъ литературной борьбы съ казнями (Достоевскій, Тургеневъ, Л. Толстой, Хомяковъ, Андреевъ), вопросъ этотъ всесторонне освѣщенъ и русской наукой. Спасовичъ, Неклюдовъ, Таганцевъ, Фойницкій, Кистяковскій, Будзинскій, Владиміровъ, Вульфертъ, Сергѣевскій, да и многіе другіе, ярко обрисовали юридическую несостоятельность этого института. Таганцевъ вѣрно говоритъ, что «для нашихъ потомковъ самый споръ о цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ вопросъ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ». Приводя, въ статьѣ объ отмѣнѣ смертной казни, историческую справку о судьбахъ извѣстнаго акта имп. Елисаветы Петровны, депутатъ Набоковъ говоритъ («Право», 906., стр. 1903):

«Такимъ образомъ, черезъ порогъ XX-го столѣтія переступила идея о необходимости смертной казни за преступленія политическія, при формальной отмѣнѣ ея по общимъ законамъ за общія преступленія. Эта идея—наша, спеціально принадлежащая русскому законодательству... По буквѣ нашихъ уголовныхъ законовъ—всѣ дѣятели освободительнаго движенія 1904—1905 гг. достойны эшафота, и двадцать лѣтъ тому назадъ эта угроза не была бы шуткой». Проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ пишетъ въ томъ же журналѣ (905. № 8):

«...По нашему дѣйствующему праву, въ ряду дѣяній, обложенныхъ смертной казнью, стоятъ и общія преступленія, и нарушеніе въ мирное время воинской дисциплины, и преступленія политическія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—вплоть до нанесенія ранъ или тяжкихъ побоевъ губернатору, полицейскому приставу, или околоточному надзирателю. Подобной широкой постановки не знаетъ ни одно цивилизованное государство».

Съ тѣхъ поръ къ перечисленнымъ здѣсь преступленіямъ прибавились еще многіе другіе виды, вплоть до поджога стога сѣна. Несмотря на то, что въ эти годы число казней по суду еще не поражало такъ сильно, какъ позднѣе, отмѣна ея признавалась неотложной далеко не одними дѣятелями освободительнаго движенія. Именно этой мѣрой правительство могло ярко показать свое намѣреніе покончить съ политикой устрашенія, достаточно уже испробованной, и перейти къ мирному сотрудничеству съ народными представителями. Изъ двухъ воюющихъ сторонъ здѣсь только одна имѣла физическую возможность прекратить огонь по всей линіи по одному сигналу изъ центра. Поэтому заѣзженный каламбуръ Альфонса Карра—«la peine de mort est abolie; que messieurs les assassins commencent!», продолжалъ оставаться каламбуромъ, несмотря на постоянныя повторенія его въ оффиціальныхъ рѣчахъ. Между тѣмъ, безстрастная статистика даетъ

ясныя указанія на то, что казни, въ сущности, не устрашаютъ никого и что нельзя считать за признакъ устрашенія даже и тѣ мученія, которыя испытываютъ послѣ приговора и ожиданія помилованія приговоренные. Единственный логическій выходъ—перебить всѣхъ политическихъ противниковъ,—неисполнимъ вслѣдствіе ихъ численности. Что касается до уголовныхъ преступниковъ, то въ этой средѣ обезцѣненіе жизни наступаетъ скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, только усугубляя озвѣреніе. Дальнѣйшій ходъ событій, чрезвычайное развитіе экспропріацій и самаго нелѣпаго террора, показали еще разъ безнадежность казни, какъ средства водворенія покоя. И тѣмъ не менѣе казни продолжались. Одни крайніе правые, особенно «союзъ русскаго народа», усердно настаивали на сохраненіи казней, не останавливаясь передъ употребленіемъ всуе именъ святителей церкви и даже Христа для подкрѣпленія своихъ исканій. При обзорѣ дѣятельности первой Думы и Гос. Совѣта мы встрѣтимъ среди защитниковъ смертной казни ученаго богослова, но, повторяемъ, голоса эти тонули въ общемъ хорѣ негодованія, и общественное мнѣніе, съ которымъ продолжали не считаться, осудило страшное право лишенія жизни самымъ безпощаднымъ образомъ.

Не было ни одного изъ доводовъ противъ казней, который не получилъ бы въ нашей практикѣ множества подтверждающихъ примѣровъ; но и самый убѣдительный,—непоправимость судебной ошибки,—доводъ, подымавшій въ Европѣ огромную волну негодованія даже въ единичныхъ случаяхъ,—потерялъ всякую силу, такъ мало гарантировали правильность приговора дѣйствія военно-полевыхъ и ускоренныхъ судовъ, не говоря уже о карательныхъ экспедиціяхъ. Мало того, и послѣдняя надежда на сохраненіе жизни не всегда оправдывалась вслѣдствіе небрежности отдѣльныхъ представителей власти. Такъ, наканунѣ казни въ Ригѣ семи человѣкъ въ маѣ 906 г., защита просила Государя Императора о смягченіи участи осужденныхъ; гл. воен. прокуроръ, ген. Павловъ, обязанный до Высочайшаго рѣшенія пріостановить казнь, не сдѣлалъ этого своевременно, а, ознакомившись съ содержаніемъ телеграммы, уѣхалъ на дачу; начальникъ отдѣленія, доложившій ген. Павлову о телеграммѣ защиты, не дождавшись до 11 ч. веч. отвѣта, запросилъ генерала, какъ быть; отвѣтъ—сдѣлать распоряженіе о пріостановкѣ казни, былъ посланъ на мѣсто только утромъ на другой день; въ тотъ же день ген. Соллогубъ увѣдомилъ г. в. прокурора, что его распоряженіе получено было черезъ часъ по совершеніи казни надо всѣми семью лицами. Какъ страшно было имъ итти на смерть безъ отвѣта на просьбу, можно судить потому, что двое сошли съ ума по дорогѣ въ Усть-Двинскъ (мѣсто казни), при чемъ одинъ перекусилъ солдату руку; третій кончилъ жизнь самоубійствомъ,

а четвертый еще въ тюрьмѣ пытался прыгнуть въ пролетъ лѣстницы. Въ самое послѣднее время, въ запросѣ третьей Думы по дѣлу объ истязаніяхъ, которыми сопровождаются казни въ Крыму, авторы приводятъ потрясающія описанія этихъ казней, сдѣланныя постояннымъ ихъ свидѣтелемъ, бывшимъ депутатомъ, въ семи шагахъ отъ окна камеры котораго производятся экзекуціи; онѣ мало уступаютъ описаніямъ Ровинскаго, Чехова, Дорошевича и другихъ, видѣвшихъ наказаніе кнутомъ, палками и т. под. способы умерщвленія преступниковъ. Въ тюрьмахъ, въ дни казней, происходятъ угнетающія сцены, когда общее возбужденіе достигаетъ перехода человѣческой рѣчи въ звѣриный ревъ; случается, что закоренѣлые уголовники плачутъ, какъ дѣти, закусивъ подушки, чтобы не выдать своей слабости. И тѣ же люди спокойно идутъ навстрѣчу смерти при совершеніи преступленій, на войнѣ, отъ болѣзней. Есть въ казни нѣчто, рѣзко отличающее ее отъ всѣхъ другихъ видовъ лишенія жизни и внушающее особое отвращеніе къ ней: это, повидимому, тѣ признаки законности, которыми она сопровождается. Вотъ этого покойнаго приготовленія къ убіенію и не выдерживаютъ многіе изъ приговоренныхъ; психологія ихъ существенно отличается отъ психологіи свободныхъ, *живущихъ* людей, и массовыя казни даютъ уже достаточный матеріалъ для сужденія психіатровъ. Главный врачъ московской психіатрической больницы, Н. Н. Баженовъ, говоритъ по этому поводу («Психологія казнимыхъ», стр. 30.):

«...Смертнымъ приговоромъ, кромѣ санкціи легальнаго убійства, творится нѣчто еще болѣе гнусное и еще болѣе жестокое: производится, такъ сказать, экспериментально душевная болѣзнь, по всей совокупности симптомовъ и сопровождающей ихъ душевной боли сравнимая только съ тяжкими психозами, напр., съ рѣзко выраженнымъ меланхолическимъ состояніемъ. Можно съ увѣренностью сказать, что для того, чтобы найти въ окружающей насъ остальной жизни психическое состояніе, аналогичное состоянію человѣка, готовящагося къ смертной казни и идущаго на эшафотъ, было бы безполезно искать чего-нибудь подобнаго среди людей, охваченныхъ хотя бы и очень сильнымъ, но психологически нормальнымъ и происходящимъ отъ обычныхъ житейскихъ причинъ аффектомъ горя и даже отчаянія. Только въ психіатрической больницѣ можно найти аналогичныя психопатическія состоянія, именно, сочетаніе въ одной психикѣ смертной тоски, абсолютно безысходнаго ужаса и такое полное подавленіе сознанія однимъ до такой степени тягостнымъ и мучительнымъ представленіемъ, что рядомъ съ нимъ уже нѣтъ мѣста никакимъ другимъ контрастирующимъ или коррегирующимъ представленіямъ».

Пусть еще находятся защитники смертной казни, которые съ извѣстной точки зрѣнія могутъ считать если не справедливымъ, то,

по крайней мѣрѣ, цѣлесообразнымъ въ интересахъ общества и государства, отнимать жизнь у неисправимо вреднаго члена этого общества, но кто осмѣлится сказать, что можно какими бы то ни было утилитарными соображеніями оправдать это, создаваемое приговоромъ, мучительнѣйшее психопатическое состояніе? И если они посягаютъ на тѣло, на жизнь другого человѣка, то съ какой точки зрѣнія оправдаютъ они посягательство на его душу? Съ какимъ преступленіемъ соизмѣрима та предсмертная моральная пытка, которая implicitеr содержится въ смертномъ приговорѣ, и которая по напряженности душевной боли превышаетъ то, что можетъ вытерпѣть человѣкъ, ибо даже Богочеловѣкъ молилъ: «да минетъ Его чаша сія!» Очевидно, что гуманность судей должна была мѣшать прямолинейности военносудной политики ген. Павлова, завѣдывавшаго, въ качествѣ гл. воен. прокурора, всей системой казней; и, дѣйствительно, многіе почтенные и болѣе, чѣмъ лойяльные военные судьи не подошли къ мѣркѣ извѣстнаго циркуляра ген. Павлова, которымъ требовались отъ суда только одни смертные приговоры; за короткое время ушли изъ сословія генералы Шендзиковскій, Лейхтъ, Цемировъ и значительное число другихъ чиновъ вѣдомства перешло въ адвокатуру. Лишеніе суда права переходить къ низшей степени наказанія сводило его роль только къ разсмотрѣнію вопроса о виновности; въ опредѣленіи же степени наказанія онъ подчинялся, въ лицѣ конфирматоровъ приговоровъ, заранѣе предустановленному высшимъ начальствомъ размѣру наказанія. Это ограниченіе было санкціонировано неопубликованнымъ въ свое время Высочайшимъ повелѣніемъ 11 авг. 1887 г.; этимъ же актомъ, между прочимъ, устанавливалась, послѣ введенія части новаго уголов. уложенія, необычная подробность: за посягательство на жизнь Монарха военный судъ *могъ* назначить наказаніе ниже смертной казни, а за посягательство на жизнь городового *обязанъ* былъ вынести смертный приговоръ! Произошло это отъ бюрократическаго порядка выработки законовъ, и небрежности въ кодификаціи новаго закона со старыми сепаратными актами, но положеніе военныхъ судей отъ этого не становилось легче.

Извѣстный юристъ и депутатъ, В. А. Маклаковъ, пытается даже отнять у современной казни ея имя, приравнивая ее къ простому убійству. Онъ говоритъ:

«Я называю эти казни «убійствомъ» не для риторики. Пусть обыденный языкъ называетъ ихъ казнями,—юристъ этого сдѣлать не можетъ. Казнь отличается отъ простого убійства не цѣлью, а формой; никакіе мотивы, никакая государственная и общественная необходимость, даже если бъ они и оправдали убійство, не превратятъ его въ казнь. Многое изъ того, что мы метафорически называемъ

казнями, въ юридическомъ смыслѣ остается убійствомъ. Казнью мы, юристы, называемъ только ту смерть, которая назначается надлежащимъ судомъ, по общему, равному для всѣхъ закону. А если смерть назначена не по общему праву, а по спеціальному распоряженію для даннаго случая, назначена не рѣшеніемъ суда, а усмотрѣніемъ администратора, то какъ бы высоко онъ ни стоялъ, какими мотивами ни старался бы оправдать свое усмотрѣніе,—она остается простымъ убійствомъ, а не правомѣрною казнью. Среди насъ едва ли найдутся сторонники этого наказанія, мы всѣ считаемъ его жестокимъ, дикимъ, безсмысленнымъ. Но смерть не по суду, а по усмотрѣнію власти, есть нѣчто столь чудовищное, столь вопіющее, что кажется, ни въ чемъ такъ рѣзко не обличается преступная терпѣливость нашего общества, какъ въ возможности такого порядка». («Право», 905, № 42).

Мы достаточно обрисовали отношеніе общества, въ лицѣ его лучшихъ представителей, къ казнямъ. Первая Государственная Дума, принявшая законъ объ ихъ отмѣнѣ навсегда, выполнила только общее пожеланіе безъ всякой, понятно, надежды на проведеніе закона черезъ верхнюю палату, гдѣ протоіерей Буткевичъ съ одной стороны защищалъ казни, а съ другой—уклонялся отъ голосованія законопроекта, какъ бы умывая руки, и гдѣ огромное большинство членовъ сочувствовало ему. Поэтому тогда же среди членовъ Думы возникла мысль о подачѣ петиціи Государю Императору, и проф. М. Ковалевскій былъ первымъ, предложившимъ эту неконституціонную, но шедшую изъ лучшихъ побужденій форму прекращенія вопіющаго, по мнѣнію Думы, зла. Петиція составлена была въ такихъ выраженіяхъ:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Обращаемся къ вамъ съ ходатайствомъ о сохраненіи жизни осужденнымъ къ смертной казни, въ виду предстоящаго измѣненія дѣйствующаго законодательства по этому предмету. Озабоченные умиротвореніемъ страны, просимъ васъ воспользоваться Вашимъ верховнымъ правомъ помилованія и отстрочить исполненіе приговоровъ до того момента, когда Государственной Думой положено будетъ начало къ приближенію нашей системы наказаній къ требованіямъ народной совѣсти и къ мнѣніямъ русской юридической науки».

Въ теченіе нѣсколькихъ дней обращеніе было покрыто почти четырьмя стами подписей членовъ Думы, Совѣта, Академіи Наукъ, профессоровъ и другихъ представителей интеллигенціи и 1 іюня черезъ дежурнаго флигель-адъютанта вручено Государю Императору. Затѣмъ общее количество присоединившихся къ обращенію достигло 18.000, при чемъ послѣ роспуска Думы значительное число ихъ подверглось административной репрессіи за свои подписи. Впрочемъ и ранѣе,

осенью и зимой 905 г., на имя гр. Витте поступали многочисленные коллективные протесты противъ смертной казни, и нѣкоторое время первый министръ отвѣчалъ на нихъ вѣжливыми телеграммами, варьируя на всѣ лады приведенную выше бутаду Альфонса Карра. Тѣмъ временемъ потокъ казней продолжалъ дѣлаться глубже и шире, захватывая все новыя категоріи преступленій, новые возрасты. Давно отмѣненные для малолѣтнихъ разряды наказаній воскресли вновь, и подростки въ 15—17 лѣтъ начали просовывать свои несформировавшіяся, безусыя головы въ петли висѣлицъ и подставлять тщедушныя туловища пулямъ разстрѣливавшихъ солдатъ. Драматизмъ усиливался тѣмъ обстоятельствомъ, что страхъ смерти у дѣтей развитъ весьма слабо, и большая часть юныхъ приговоренныхъ проявляла на мѣстахъ казни мужество, сильно поражавшее привычныхъ ко всему палачей. Кстати сказать, палаческій вопросъ одно время серьезно озабочивалъ властей; презрѣніе къ этой профессіи приводило нерѣдко къ убійствамъ; палачей находили въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ и звѣрски убивали; напр., одинъ палачъ былъ убитъ въ тюрьмѣ уколами маленькихъ ногтяныхъ ножницъ; другого, казнившаго въ Тифлисѣ убійцу ген. Грязнова, нашли на улицѣ проколотымъ десяткомъ штыковыхъ ударовъ,—знакъ, что мстили строевые солдаты; третій, ѣхавшій для казни лейтенанта Шмидта, былъ раненъ на пути, и т. д. Приходилось всячески скрывать палачей, а гриммъ ихъ сдѣлался настолько необходимымъ, что намъ попадается даже счетъ за бороду для палача въ три руб., представленный къ оплатѣ минскимъ губернаторомъ Курловымъ. Вскорѣ, однако, разложеніе нравовъ, — неизбѣжное послѣдствіе бѣлаго террора,—наверстало съ лихвой временныя неудобства и на палачахъ обнаружился основной законъ спроса и предложенія, при чемъ чуть ли не дошло до перепроизводства. Такъ, проф. Мокринскій въ уже цитированной нами статьѣ говоритъ о Польшѣ: «Поразительный примѣръ огрубѣнія нравовъ, подъ вліяніемъ практики смертной казни, сообщаетъ «Кур. Польскій»: почетныя обязанности варшавскаго палача исполняютъ теперь палачи-любители, которые въ маскахъ являются въ цитадель и спрашиваютъ, нѣтъ ли для нихъ «работы»; въ случаѣ надобности въ ихъ услугахъ, они опять-таки въ маскахъ исполняютъ свое позорное дѣло. Заработокъ ихъ, очевидно, не малъ, т. к. на крѣпостномъ кладбищѣ, отведенномъ спеціально для казненныхъ, уже не хватаетъ мѣста».

Съ другой стороны, и сами приговариваемые, пока не наступила предсмертная тоска, начинаютъ бравировать равнодушіемъ къ своей судьбѣ, острить надъ казнью. Нѣкій Бушуевъ, покушавшійся на жизнь уфимскаго г.-губернатора, былъ случайно судимъ въ день свохъ именинъ и на объявленный смертный приговоръ замѣтилъ, поблагодаривъ:

«это мнѣ на сегодняшній день подарокъ». Намъ приходилось уже отмѣчать («Тюремныя замѣтки») это явленіе по личнымъ наблюденіямъ въ московской губернской тюрьмѣ; надъ камерами, гдѣ помѣщались осужденные по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, помѣщались именно осужденные къ смерти люди, и въ открытыя окна къ намъ доносились ихъ иногда веселыя, а чаще мрачныя шутки другъ надъ другомъ. Все это проходило въ «Туруханскѣ», откуда ночью карета на резиновыхъ шинахъ тихо отвозила молчащихъ людей, находившихся уже въ полуобморочномъ состояніи; а тамъ, въ другихъ московскихъ подвалахъ (въ Хамовническихъ казармахъ), гдѣ ихъ уже ожидали обязанныя присутствовать при совершеніи казни лица, происходили послѣднія сцены разставанія съ жизнью молодыхъ тѣлъ, пока скрюченные трупы съ высунутыми языками не зарывались подъ покровомъ ночи, въ невѣдомыхъ непосвященныхъ мѣстахъ. Кажется, ни одинъ смертный приговоръ не возбудилъ столько вниманія къ себѣ, и даже страстей, какъ по дѣлу лейтенанта Шмидта. По скуднымъ даннымъ его біографіи можно заключить, что это былъ человѣкъ съ весьма поколебленной психикой, если не душевно-больной; наклонность къ отвлеченному мышленію, при недостаткѣ образованія, привела къ тѣмъ оригинальнымъ по спутанности выводамъ, которые онъ впослѣдствіи положилъ и въ основу своихъ политико-соціальныхъ взглядовъ. Недюжинный ораторскій талантъ въ связи съ вдохновеніемъ настоящаго иллюмината, привлекали къ Шмидту такихъ простыхъ людей, каковыми были, въ большинствѣ случаевъ, матросы черноморскаго флота; а извѣстно, какъ быстро растетъ слава въ такой непритязательной сферѣ. За Шмидтомъ начали ходить, какъ за о. Иваномъ Кронштадтскимъ, всегда ожидая поученія, проникновеннаго указанія, обѣщаній лучшаго будущаго. Въ любой моментъ онъ готовъ былъ выступить въ качествѣ главаря военнаго бунта, и такой моментъ насталъ послѣ 17 октября, когда бурныя событія, одно за другимъ слѣдовавшія, могли натолкнуть на рискованныя попытки и болѣе уравновѣшенную натуру. Независимо отъ того, что еще въ день мятежа части судовъ Шмидтъ долженъ былъ признать кампанію проигранной, ибо одного вдохновенія мало для завершенія сложныхъ революціонныхъ актовъ (обвинительный актъ также указываетъ на угнетенное состояніе Шмидта), онъ пережилъ все-таки тѣ минуты высокаго подъема духа, которыя скрашиваютъ послѣдующія неудачи, и даже послѣднія мгновенія жизни. Пусть большая часть судовъ не отвѣчала сигналамъ «Очакова», на которомъ находился Шмидтъ. Но подъемъ флага «съ церемоніей» и сигнала: «Командую флотомъ. Шмидтъ», при звукахъ національнаго гимна, долженъ былъ быть самымъ сильнымъ моментомъ въ жизни этой оригинальной личности.

Шмидтъ сложилъ свою голову съ мужествомъ, находящимся въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ показаніемъ запертаго въ каютѣ мичмана, видѣвшаго бѣгство Шмидта съ «Очакова» при первомъ выстрѣлѣ береговой батареи. По роковой случайности, офицеръ, назначенный командовать экзекуціоннымъ отрядомъ, былъ личнымъ другомъ Шмидта. Оба выполнили свои роли до конца. Казнь совершена на о. Березань, 6 марта 906 г. Около имени Шмидта начали нарастать легенды. Въ печати долго не прекращались толки о ненужности казни человѣка, столько разъ демонстрировавшаго свои вѣрноподданическія чувства и всегда выступавшаго только въ качествѣ яраго врага бюрократизма.

Итакъ, Россія вступила 17 октября одновременно въ полосу свободы и въ полосу казней. Общество реагировало на это въ мѣру своего негодованія казнями и радости свободѣ. Когда водворилось, по признанію самого правительства, значительное успокоеніе, и когда во всякомъ случаѣ прошла пора митинговъ, банкетовъ и рѣзкихъ резолюцій, общество должно было искать болѣе длительныхъ, но болѣе надежныхъ способовъ борьбы съ главнымъ зломъ русской жизни. Единственнымъ путемъ являлось, повидимому, основаніе Лиги борьбы съ смертной казнью, т.-е. общества гуманистовъ, преслѣдующихъ легальную цѣль смягченія нравовъ, мирнаго сотрудничества народа съ правительствомъ, не нуждающимся въ подкрѣпленіи своей власти столь тягостными для народа способами. Лига не была легализована, какъ угрожающая общественному покою. Въ печати, вмѣсто предполагавшихся статей, отчетовъ о лекціяхъ, воззваній, продолжали попадаться сухія цифры ежедневныхъ казней, да изрѣдка, какъ иллюстраціи, письма гр. Л. Толстого и приговоренныхъ къ смерти. Въ письмахъ этихъ послѣднихъ, гдѣ личный характеръ естественно доминируетъ надъ общими соображеніями, авторы стараются утѣшить родныхъ и только немногіе говорятъ о своемъ преступленіи. Намъ приходилось приводить эти человѣческіе документы («Лѣтопись революціи», т. III, вып. 1-й) и здѣсь мы ограничимся выдержками изъ письма директора верхнеудинскаго реальнаго училища, Окунцова, приговореннаго къ смерти судомъ карательнаго отряда ген. Ренненкампфа (Цит. по «Праву», 906, № 13).

«Пишу изъ арестантскаго вагона при поѣздѣ ген. Ренненкампфа... Въ Верхнеудинскѣ въ недѣлю арестовали 60 человѣкъ и посадили въ тюрьму. 25 февраля судъ (строевые офицеры. В. О.) вынесъ намъ смертный приговоръ черезъ повѣщеніе... И это несмотря на то, что изъ 36 свидѣтелей 30 показывали въ наше оправданіе... Насъ обвиняли въ изданіи «Верхнеудинскаго Листка», въ какомъ-то вооруженномъ возстаніи (о немъ въ В-скѣ никто никогда не слы-

халъ)... Въ частности мнѣ приписали стремленіе революціонизировать учащихъ черезъ союзъ учащихся при помощи пѣнія революціонныхъ пѣсенъ и рѣчей... Нашего защитника судъ не допустилъ къ защитѣ... Насколько правосуденъ былъ судъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ: свидѣтели въ ночь окончанія суда послали Великому Князю Константину Константиновичу срочную телеграмму съ просьбой защитить заброшенную окраину... Копія телеграммы послана ген. Гродекову... Положа руку на сердце, заявляю, что всѣ жертвы ген. Ренненкампфа и его суда казнены безъ законнаго слѣдствія и суда... Пишу эти строки и содрогаюсь. Вѣдь съ 25 февраля я тоже приговоренъ къ смерти. За что? Клянусь предъ смертнымъ моимъ часомъ, я не знаю, за что. И если меня убьютъ, я этотъ вопросъ унесу съ собой въ могилу... За что меня схватили, какъ злодѣя? За что меня приговорили къ смерти? Я не знаю... Я и мои товарищи ежеминутно ждемъ смерти. Вотъ войдутъ солдаты, схватятъ насъ, поведутъ за городъ на гору и убьютъ насъ... Прощай, дорогая родина. Иванъ Окунцовъ».

Трудно ожидать отъ приговоренныхъ полнаго безпристрастія и вполнѣ правильной оцѣнки дѣйствій судовъ; характерно только то, что общественное мнѣніе о дѣятельности карательныхъ отрядовъ совпадало съ заключеніями Окунцова и ему подобныхъ по судьбѣ. Отсюда исходило предвзятое отношеніе ко всѣмъ представителямъ власти, разъ они были снабжены диктаторскими полномочіями. Но какъ бы то ни было, та часть казней, которая была результатомъ военносуднаго процесса, не дѣйствовала такъ раздражающе на общество, какъ массовые разстрѣлы карательными отрядами на окраинахъ Россіи.

Внутренняя часть страны не знаетъ такихъ карательныхъ отрядовъ. Тѣ, что посылались въ мѣстности, объятыя аграрнымъ волненіемъ, работали подъ покровомъ обычной молчаливости крестьянской массы. Всѣ эксцессы, естественные при такихъ дѣйствіяхъ, переживались на мѣстахъ, и хотя послѣдующее вліяніе ихъ на населеніе не дѣлалось отъ этого меньше и мягче, все же до печати доходили лишь отрывочныя свѣдѣнія. Трудно даже подсчитать число пострадавшихъ людей, домовъ и цѣлыхъ селеній; общая картина, при всей яркости красокъ, получается съ пробѣлами, реставрировать которые можно только приблизительно. Не то на окраинахъ. Уже одно то обстоятельство, что русскимъ войскамъ приходилось дѣйствовать среди нерусскаго населенія, въ обстановкѣ, рѣзко отличавшейся отъ ихъ родной, облегчало тѣ сомнѣнія, что неизбѣжно возникаютъ при уничтоженіи людей своей національности, и избъ, похожихъ на свои собственныя жилища. Создавалась вѣдомость вторженія побѣдоносной

арміи въ чужую страну, и нечего пояснять, къ какимъ результатамъ должно было это приводить. Къ тому же партизанскій характеръ дѣйствій взявшагося за оружіе мѣстнаго населенія долженъ былъ раздражать регулярныя войска. Попробуйте, если хорошо умѣете фехтовать, сойтись съ неумѣлымъ, но смѣлымъ противникомъ, какъ тотчасъ почувствуете приливъ досады на него; вы скоро побѣдите, но удары ваши будутъ намѣренно жестки и часто совершенно неправильны. Вотъ почему нельзя особенно удивляться тѣмъ безпощаднымъ разстрѣламъ и поджогамъ, что совершались въ Балтійскомъ краѣ и на Кавказѣ. Задача была проста, но требовала быстроты. Послѣдствія, которыя легко было предвидѣть, не отвѣчали намѣреніямъ консервативной части туземцевъ, да едва ли отвѣчали и видамъ правительства на будущее разоренныхъ провинцій; но порученіе его было превосходно понято и выполнено людьми, имена которыхъ перейдутъ въ потомство нынѣшнихъ жителей, какъ въ Сѣверозападномъ краѣ имена ген. Бакланова и Муравьева.

Для подавленія революціи рѣшено было отправить въ Прибалтійскій край карательные отряды. Составлялись они изъ частей гвардейскихъ полковъ и батарей, да изъ ротъ флотскихъ экипажей, матросамъ которыхъ дано было понять, что осеннія волненія свои они могутъ загладить хорошей службой въ отрядахъ. Къ сожалѣнію, часть офицеровъ принадлежала къ остзейскимъ фамиліямъ и при всемъ стремленіи ихъ къ безпристрастію, въ обществѣ создавалось предвзятое мнѣніе объ отношеніи ихъ къ балтійскому крестьянству. Вслѣдствіе полной безотвѣтственности отдѣльныхъ начальниковъ, получавшихъ самостоятельныя порученія и по молодости большинства изъ нихъ, нерѣдко бывали случаи, когда они дѣлались невольными жертвами своихъ темпераментовъ или постороннихъ вліяній. Шаблонный способъ дѣйствій былъ таковъ: получалось свѣдѣніе о разгромѣ усадьбы, убійствѣ помѣщика, уничтоженіи волостнаго правленія и т. п. Прибывалъ карательный отрядъ, рѣдко эскадронъ или рота, чаще взводъ подъ командой почти мальчика офицера. Въ его рукахъ уже находился списокъ лицъ, принадлежность которыхъ къ вожакамъ движенія ничѣмъ не подтверждалась кромѣ какъ оффиціальнымъ положеніемъ составителя, остававшагося, притомъ, начальнику отряда неизвѣстнымъ. Никакого слѣдствія не производилось, да оно и не отвѣчало бы задачѣ рѣшительныхъ дѣйствій. Начальникъ отряда требовалъ коротко выдачи означенныхъ въ спискѣ лицъ, которыхъ тутъ же и разстрѣливалъ. Если списка не было, а селеніе подозрѣвалось въ участіи въ безпорядкахъ, то просто требовали выдачи зачинщиковъ, угрожая въ противномъ случаѣ сожженіемъ деревни. Жителямъ предоставлялось самимъ придумать, кого бы отдать на

разстрѣлъ, и простой инстинктъ самосохраненія обращалъ ихъ вниманіе опять же не на дѣйствительныхъ виновниковъ поджога или убійства, за которыхъ непремѣнно отомстили бы ихъ товарищи и единомышленники, а на людей, въ послѣднемъ смыслѣ безопасныхъ, но непріятныхъ по прежнимъ отношеніямъ. Поэтому нерѣдко выдавались мелкіе воришки, бобыли-попрошайки и т. п. люди, къ революціи не имѣвшіе ни малѣйшаго отношенія. Ихъ тоже разстрѣливали, при чемъ происходили, разумѣется, самыя раздирающія сцены; при незнаніи мѣстныхъ нарѣчій офицерами даже и нѣмецкихъ фамилій, при ненадежности переводчиковъ и при условіи быстроты рѣшеній, случайности должны были доминировать надъ реальными данными къ привлеченію къ такой страшной отвѣтственности. Это же обстоятельство заставляло задумываться о совершаемомъ и даже радикально подводить итогъ своимъ сомнѣніямъ и настроеніямъ, подобно немолодому уже кирасирскому офицеру, барону Корфу, застрѣлившемуся послѣ разстрѣла ни въ чемъ неповиннаго русскаго дьячка. Однако, кара, какъ средство устрашенія, «дабы впредь неповадно было», должна быть страшна, а ужаснѣй безсудной смерти что можно было придумать? Тѣлесныя наказанія, отмѣненныя Высочайшимъ манифестомъ, которымъ еще до 17 октября Россія сдѣлала шагъ по направленію къ остальнымъ культурнымъ странамъ, забывшимъ о поркѣ, снова ввелись здѣсь обычной практикой. Когда же въ высшихъ сферахъ было проявлено неудовольствіе открытымъ нарушеніемъ Монаршей воли, мѣстныя власти заявили, что ими въ данныхъ случаяхъ руководило исключительно чувство человѣколюбія, т. к. иначе всѣхъ сѣченныхъ пришлось бы, вмѣсто порки, вѣшать и разстрѣливать. Послѣ этого человѣколюбію дана была полная воля. Между прочимъ, въ одномъ Маріенбургѣ драгунами были высѣчены четыре дѣвушки и трое учителей.

Число разстрѣлянныхъ трудно установить, оно отмѣчалось случайными свѣдѣніями газетъ; поэтому слухи всегда преувеличивали истинные размѣры бѣдствія, и почему-то въ кругахъ петербургской военной молодежи охотно повторяли цифры, явно превосходившія самое пылкое воображеніе. Но сколько бы ни было убито, нельзя было ожидать на мѣстахъ искренняго уваженія къ власти. Винить за рядъ злоупотребленій пожалуй и некого,—вся система была построена на безпощадности и безотвѣтственности,—стоитъ только вспомнить ремарку на приказѣ полк. Мина карательному отряду Римана: «арестованныхъ не имѣть». Объ отдѣльныхъ лицахъ много, конечно, сообщалось удивительнаго; писали, что офицеры сами не останавливались на разстрѣлахъ или пристрѣливали раненыхъ, при чемъ особенно часто называли фамилію Сиверса, человѣка видимо болѣзненнаго; еще чаще

бывали случаи стрѣльбы въ спины ведомыхъ къ арестнымъ помѣщеніямъ, при чемъ мотивировалась стрѣльба всегда попытками къ побѣгамъ.

Тяжесть карательныхъ дѣйствій усугублялась матеріальнымъ ущербомъ. Контрибуціи, которыми облагались отдѣльныя селенія или цѣлыя волости, ложились бременемъ на и безъ того подорванныя хозяйства, обрушиваясь, къ тому же, на невинныхъ, ибо виновные были уже внѣ предѣловъ досягаемости или въ землѣ. Неплатежъ контрибуціи угрозилъ большими непріятностями, и если не исполнялись здѣсь угрозы разгромовъ, какъ на Кавказѣ, то во всякомъ случаѣ можно было его ожидать; отъ м. Креславка, напр., требовалось 30.000 рублей и нач. отряда серьезно собирался взыскать ихъ такимъ экстреннымъ способомъ. Само собой разумѣется, что раздраженіе диктовало мѣстному населенію плохіе совѣты и оно рѣзко склонялось къ грубому и безудержному террору, забывая о томъ, что не такими мѣрами покупается свобода и благоустройство. Поэтому, если случалось подкараулить плохо охраняемый отрядъ войскъ, проѣзжающаго офицера и т. под., то и они такъ же истреблялись безпощадно, какъ и латыши. Не остановились однажды передъ убійствомъ пастора, ѣхавшаго съ дарами къ умирающему, только потому, что подозрѣвали его въ предательствѣ. Обоюдное ожесточеніе росло, было непокойно и въ большихъ городахъ. Нерѣдко находимъ въ приказахъ по гарнизонамъ настоящія боевыя диспозиціи, вызванныя иногда простымъ слухомъ о нашествіи какихъ-нибудь рабочихъ или шаекъ мятежниковъ. Оружія у всѣхъ было множество, не помогали самые рѣшительные приказы о сдачѣ его; такъ, рижскій губернаторъ объявляетъ о томъ, чтобы къ 6 янв. все оружіе было сдано; «по истеченіи означеннаго срока всѣ лица, у коихъ будетъ обнаружено оружіе,—говоритъ объявленіе,—будутъ считаться вооруженными съ цѣлью нападенія и привлекаться къ отвѣтственности по законамъ военнаго времени. Имущество лицъ, въ квартирѣ коихъ будетъ найдено оружіе или огнестрѣльные припасы, будетъ секвестровано». Конечно, тѣ, кому оружіе нужно было для нападенія, умѣли прятать его, и риску секвестра и казни опять же подвергались, главнымъ образомъ, неприкосновенные къ движенію, а потому и невнимательные къ расклеиваемымъ объявленіямъ люди. Маленькіе городки, терроризованные съ обѣихъ сторонъ, пустѣли, всѣ, кто могъ, выселялись въ губернскіе города или за границу. Образовывались цѣлые мятежническіе отряды, дерзавшіе сражаться съ регулярными войсками чуть не въ открытомъ полѣ и разбѣгавшіеся только послѣ основательной орудійной подготовки. Тогда вся округа погружалась въ глубокую панику, поѣзда терпѣли крушенія, помѣщики уводились въ плѣнъ, правительствен-

ныя учрежденія громились и въ теченіе нѣкотораго времени край дѣйствительно напоминалъ какую-нибудь германскую провинцію эпохи крестьянскихъ войнъ. На улицахъ Ревеля запрещалось появляться послѣ 7 ч. вечера безъ особаго свидѣтельства, держать ворота открытыми. Въ провинція за то издавались другія обязательныя постановленія: сорганизовавшіеся революціоннымъ путемъ волостные комитеты обкладывали всѣ промышленныя предпріятія и винокуренные заводы крупными налогами, подлежащими внесенію въ опредѣленные сроки подъ страхомъ сожженія. Снова летѣли отряды, составлялись проскрипціи, лилась кровь правыхъ и виноватыхъ, жертвъ долга и страстей, невѣрнаго расчета и случайностей. Въ одномъ крохотномъ Туккумѣ насчитывали около шестисотъ убитыхъ, раненыхъ и вообще пострадавшихъ за время движенія.

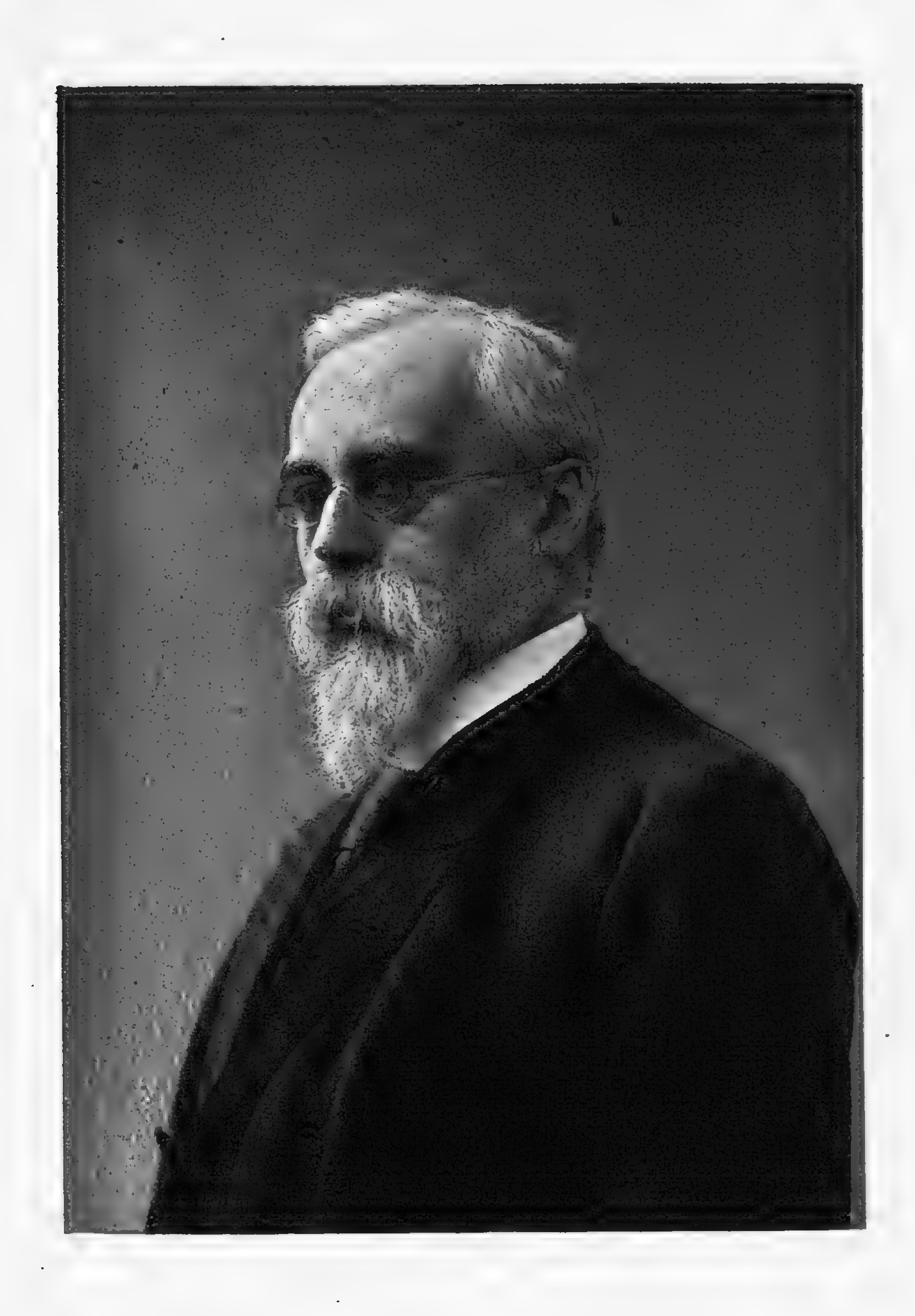
Къ началу 906 года какъ бы наступаетъ затишье, по крайней мѣрѣ такъ доноситъ ген. Соллогубъ (28 дек.), добавляя при этомъ, что имущество бѣжавшихъ сожжено. «Нов. Время» указываетъ даже на случаи, когда само населеніе просило о казняхъ надоѣвшихъ имъ мятежниковъ (Тимме и его 8 товарищей, около Тальсена и др.). Однако, успокоеніе было въ высшей степени относительно. Сама резиденція ген.-губернатора, доносившаго о покоѣ, не была застрахована отъ нападеній. На одной недѣлѣ въ январѣ отмѣчены случаи осады—сыскного отдѣленія, товарной станціи жел. дороги, и обстрѣловъ—полицейскаго управленія и нѣсколькихъ патрулей. Очевидно, что борьба даже и при помощи исключительныхъ мѣръ не приносила надежныхъ результатовъ, но, вѣроятно, никому изъ властей не приходило въ голову предать критическому разбору эти самыя мѣры. И онѣ продолжались попрежнему. Въ одномъ Газенпотѣ было разстрѣляно 3 февраля 32 человѣка, 4-го еще двое, да повѣшенъ учитель. Совершенно ясно, что нельзя было въ короткое время произвести должнаго разслѣдованія о дѣятельности столькихъ лицъ и что среди нихъ могли быть невинные, кровь которыхъ столь же помогла успокоенію, сколько спиртъ—тушенію пожара. Въ мартѣ и встрѣчаемъ новые случаи уничтоженія портретовъ Ихъ Величествъ (Лакальнское вол. правленіе и др.), убійства изъ мести своихъ же, взаимные поджоги. Центръ волненій понемногу переносится въ деревенскую глушь, оттуда въ лѣса. Нарождается цѣлое новое сословіе, такъ наз. «лѣсныхъ братьевъ», которыхъ напрасно было бы считать сплошь разбойниками; этотъ институтъ, дотолѣ въ краю неизвѣстный, не могъ бы создаться въ такое короткое время; среди братьевъ не мало было вчерашнихъ батраковъ, арендаторовъ и даже зажиточныхъ фермеровъ, которымъ могли угрожать репрессіи за митинги, корреспонденціи въ газетахъ и т. под. политическія преступленія; понятно,

что поджигатели усадебъ были тутъ же и по нимъ судили объ остальныхъ.

Положеніе кавказскихъ губерній было не лучше. Разница была только въ томъ, что населеніе Грузіи и другихъ кавказскихъ областей, подвергшихся дѣйствіямъ карательныхъ отрядовъ, было менѣе культурно, чѣмъ на остзейскомъ краѣ, говорило еще болѣе непонятнымъ языкомъ; что здѣсь было дальше и отъ центра, и отъ Европы, и что степень административнаго усмотрѣнія естественно выростала по мѣрѣ удаленія отъ главнаго правительственнаго органа. Затѣмъ, начальники отрядовъ проявляли то же усердіе, а сопровождавшіе ихъ мировые посредники по мѣрѣ силъ помогали въ этой тяжелой миссіи, не останавливаясь и передъ личнымъ трудомъ (такъ, извѣстный Ермоловъ самъ поджигалъ дома въ армянскихъ деревняхъ и т. д.). Полковники Веверnъ, Левицкій и др. бомбардировали селенія и аулы, издавали объявленія о контрибуціяхъ и взыскивали ихъ принудительно, требуя повсюду выдачи главарей. На этой почвѣ военныя сцены возникали сами собой, но съ тою противъ Балтики разницей, что сопротивленіе кавказцевъ не могло итти даже въ отдаленное сравненіе съ злобными и жестокими нападеніями балтійскихъ повстанцевъ и лѣсныхъ братьевъ. Здѣсь, кромѣ опредѣленныхъ и наперечетъ извѣстныхъ шаекъ, всѣ спѣшили скрываться куда глаза глядятъ при одной вѣсти о приближеніи карательнаго отряда. Дома бѣженцевъ за это жглись или изрѣшечивались выстрѣлами, каменныя сакли взрывались. Плодородная Грузія сдѣлалась надолго страной нищихъ, и благосостоянію ея нанесенъ былъ трудно поправимый ударъ.

Утверждали, что и здѣсь въ основѣ движенія лежали сепаратистскія стремленія грузинъ и армянъ и что вѣрныя Россіи татарскія народности Кавказа однѣ составляли противовѣсъ этимъ стремленіямъ, за что, якобы, армяне и мстили татарамъ. Теперь, послѣ ряда ревизій, а главное—послѣ рѣчей кавказскихъ депутатовъ въ первой Гос. Думѣ, извѣстно, что татаро-армянская вражда была въ значительной степени продуктомъ политики кавказскихъ намѣстниковъ, быть можетъ, безсознательно подражавшихъ индійскимъ вице-королямъ. Но еще Макіавелли сказалъ, что принципъ «раздѣли и властвуй» есть принципъ безнравственный и опасный для государства. Россіи на Кавказѣ и пришлось эти годы считаться съ послѣдствіями прежней руссификаціи больше, чѣмъ съ революціоннымъ движеніемъ, отрицать наличность котораго было бы также несправедливо. Движеніе это, начавшись въ кутаисской губерніи одновременно съ броженіемъ внутри страны, должно было озабочивать власти вслѣдствіе многоплеменности и своеобразности культуры Кавказа. Наконецъ, самая мѣстность затрудняла борьбу съ мятежниками. Революціонеры и здѣсь

оставались въ большинствѣ случаевъ неуязвимыми, а платились за нихъ мирные горцы и армяне долинъ. Ихъ облагали поборами революціонныя организаціи, особенно дашнакцутюнцы, а начальство—контрибуціями за укрытіе первыхъ. Ихъ жгли и убивали изъ мести за выдачу своихъ и за невыдачу. Въ окраинѣ, всегда отличавшейся безправіемъ населенія, для котораго со времени покоренія не было сдѣлано ничего существеннаго и нельзя было ждать отъ карательныхъ отрядовъ особенной разборчивости въ средствахъ, и хроника того времени рисуетъ довольно безотрадныя картины опытовъ вторичнаго «замиренія»; но поведеніе нижнихъ чиновъ не всегда стояло на высотѣ даже элементарныхъ требованій, предъявляемыхъ къ арміи цивилизованнаго государства. Оффиціальными документами установленъ длинный рядъ фактовъ, предъ которыми блѣднѣютъ самыя мрачныя страницы колоніальныхъ войнъ стараго времени. Насилію могла подвергнуться всякая женщина, имѣвшая неосторожность попасться въ руки солдатъ карательныхъ отрядовъ, при чемъ ни возрастъ, ни состояніе здоровья не спасали; зарегистрованы случаи изнасилованія маленькихъ дѣвочекъ и дряхлыхъ старухъ (извѣстно циничное замѣчаніе по поводу послѣднихъ—депутата третьей Думы, Половцева), беременныхъ и параличныхъ женщинъ; и детали многихъ насилій таковы, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ психической нормальности людей, ихъ совершавшихъ. Выписывать же ихъ изъ данныхъ слѣдствій тяжело. Можно было бы допустить мысль, что жаркій климатъ дѣйствовалъ здѣсь на психику войскъ въ родѣ того, какъ въ африканскихъ колоніяхъ на чиновъ германскихъ отрядовъ, присутствовавшихъ при самыхъ утонченныхъ мученіяхъ негровъ; но едва ли не вѣрнѣе, что постоянное созерцаніе удивительныхъ распоряженій и безотвѣтственности за нихъ непосредственнаго начальства разлагало нравы и пробуждало низменные инстинкты сильнѣе кавказскаго солнца. Прискорбнымъ было то обстоятельство, что о судѣ надъ виновными и повѣшеніи ихъ (по законамъ военнаго времени) свѣдѣній въ печать не проникало, и въ большой публикѣ складывалось маловѣроятное убѣжденіе, что суда никакого и не бывало въ такихъ случаяхъ. Смущеніе умѣренныхъ круговъ усугублялось еще тѣмъ, что нѣкоторыя изъ лицъ, оказавшихся виновными въ рядѣ превышеній власти, не устранялись отъ должностей, а иногда и повышались по службѣ. Средній обыватель, привѣтствовавшій самые строгіе законы и кары, все же выражалъ желаніе видѣть равенство передъ этими законами всѣхъ гражданъ, да еще припоминалъ и слова Писанія о томъ, что «кому много дано, съ того много и взыщется». Его житейскій кодексъ разрушался подобной двойственностью обыденной морали больше, чѣмъ революціонной пропагандой; на мѣстѣ благополучія разѣвала

С. Муромцевъ

свою пасть какая-то темная бездна, въ которую, мнилось ему, стремится безудержно и вся Россія. До этого было, конечно, далеко, но что безрезультатность нѣсколькихъ сенаторскихъ ревизій и общеизвѣстные случаи ненаказуемости преступленій представителей власти (въ то, по крайней мѣрѣ, время) были факторами разложенія, а не созданія государственнаго порядка, то въ этомъ не напрасно сходились мнѣнія всѣхъ умѣренныхъ политическихъ партій и безпартійной массы населенія Россіи.

На Кавказѣ вообще присходили самыя удивительныя вещи: арестовывали губернаторовъ (Старосельскій), смѣняли за слабость временныхъ ген.-губернаторовъ, и, кажется, боролись съ движеніемъ не менѣе радикально, чѣмъ съ преданными Шамилю горными племенами въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Впрочемъ, современные непокорные кавказцы не отличались фанатизмомъ своихъ предковъ: такъ, г. Новороссійскъ,—гдѣ губернаторъ тоже былъ подъ арестомъ, но у другой стороны,—занятъ былъ, послѣ забастовки на Владикавк. ж. д., небольшимъ отрядомъ безъ сопротивленія; намѣстникъ доноситъ также, что въ Сухумѣ, гдѣ едва не было захвачено казначейство, въ Сочи, Туапсе и др. мѣстахъ порядокъ возстановленъ, шайки разсѣяны и «абхазцы держатъ себя похвально». Войска заняли Кутаисъ и кончаютъ усмиреніе около Батума. Между прочимъ, по этому донесенію видно, какъ широка была зона волненій, и несомнѣнно, что въ кутаисской губ. положеніе было довольно серьезно; во время забастовки тамъ были разгромлены нѣсколько уѣздныхъ управленій, обезоружены стражники и на ихъ мѣсто поставлена своя милиція. Стоявшія въ Квирилахъ и Бѣлогорахъ роты также были обезоружены, при чемъ были убитые офицеры и солдаты; подъ самымъ Кутаисомъ происходили стычки съ казаками, а въ городѣ началъ ощущаться недостатокъ въ припасахъ; въ Квирилахъ же захвачено 100.000 р. въ казначействѣ и т. д. Многія станціи владикавказской ж. д. (Ріонъ, Квирилы и др.) подверглись полному уничтоженію, а на иныхъ сжигались и всѣ дома поселковъ и грабились почтовыя отдѣленія (Нотанеби и др.). Въ то же время татары продолжали нападать на армянъ, которымъ приходилось плохо съ обѣихъ сторонъ за ихъ счеты съ татарами ген. Голощаповъ уничтожалъ селенія артиллерійскимъ огнемъ, иной разъ дважды (Ханабадъ); въ свою очередь армяне жгли татарскія деревни, и казалось временами, что весь Кавказъ былъ объятъ междуусобицей и непріятельскимъ нашествіемъ. Въ Сочи, напр., мятежники стрѣляли даже изъ пушки, правда 1705 г., и ядрами, когда-то поднятыми съ затонувшаго корабля, но такъ успѣшно, что пробили кое-гдѣ стѣну казармы, въ которой отсиживался гарнизонъ. Наконецъ, стали выгорать цѣлые города (Озур-

геты, Самтреди и др.), и только послѣ этого начали заключаться перемирія между татарами и армянами, особенно въ районѣ дѣйствій ген. Голощапова; потомъ эти оригинальные мирные договоры сдѣлались популярны повсюду на Кавказѣ, и можно было какъ будто надѣяться на нѣкоторое затишье въ взбаломученной окраинѣ. До прочнаго покоя было, однако, далеко. Въ концѣ января 906 г. Кутаисъ снова подвергся разгрому и пожарамъ, въ рачинскій у. посланъ былъ новый карательный отрядъ, съ пушками и пулеметами. Вообще, за мѣсяцъ стоянки войскъ въ кутаисской губ. были разграблены и сожжены во многихъ мѣстечкахъ базары, до тла выжжены Бѣлогоры, Квирилы, Свири, Чахотуры, Обча, Новосенаки, Нагомари, а всего разрушено по губерніи не менѣе шестисотъ хорошихъ зданій и торговыхъ помѣщеній. Убытки доходили до трехъ милліоновъ рублей. Разстрѣляно около 35 человѣкъ, арестовано сотни двѣ, въ томъ числѣ—три адвоката, судебный слѣдователь, помощникъ полиціймейстера, два доктора, два члена управы и т. д.,—самый разнообразный составъ крамольниковъ. Въ общемъ, разореніе Грузіи было закончено много быстрѣе, чѣмъ успокоеніе, что можно сказать и про другія мѣстности Кавказа.

Лѣтомъ 906 г. произошла новая вспышка армяно-татарской рѣзни. Рѣзней на этотъ разъ захвачены были преимущественно уѣзды эриванской губ., особенно шушинскій, гдѣ ген. Голощапову было опять довольно дѣла; жители посылали даже намѣстнику петиціи, прося о заступничествѣ, и разорялись не меньше, чѣмъ въ Кутаисѣ. Тамъ, вмѣсто отбывшаго ген. Голощапова, оставался полк. Вевернъ, о которомъ писали въ газетахъ въ концѣ мая, что онъ «съ 15-го» бомбардируетъ с. Хагенъ, требуя уплаты штрафа. Бѣдственное положеніе Грузіи отягчалось еще отсутствіемъ всякаго кредита въ 906 году (по понятнымъ причинамъ); поэтому шелкопрядство, дававшее мѣстному населенію около двухъ милліоновъ р. заработка, сразу пало; а такъ какъ продовольственные запасы, особливо въ западной Грузіи, были уничтожены карательными отрядами, то еще лѣтомъ 906 г. начался голодъ, какъ извѣстно—плохой совѣтчикъ. Окраина находилась попрежнему въ плохомъ положеніи. Изъ войскъ кавказскаго округа приблизительно половина была распылена по карательнымъ и др. отрядамъ и турецкая граница оставалась почти незащищенной; вести войну на этомъ фронтѣ, — а въ возможность войны многіе вѣрили, пока Турція не сбросила съ себя ига абсолютизма,—было бы затруднительно. Жизнь, конечно, вносила нѣкоторое затишье, иначе пришлось бы въ корень разориться.

Намъ слѣдовало бы еще упомянуть о карательныхъ дѣйствіяхъ на сибирской жел. дорогѣ, но они относятся къ періоду, не вошедшему въ рамки этой работы; письмо Окунцова до извѣстной степени ха-

рактеризуетъ царившія тамъ настроенія. Въ мартѣ 906 г. въ департаментѣ полиціи получены были, наконецъ, свѣдѣнія о томъ, что всѣ прикосновенные къ прошлой забастовкѣ на сибирской дорогѣ арестованы. Въ донесеніи слышится, однако, и пессимистическая нотка, ибо оно кончается такими словами: «...но чтобы парализовать забастовку, *необходимо* арестовать *всѣхъ* служащихъ» (к. н.). Что касается до екатерининской ж. д., гдѣ забастовщики упорствовали до конца декабря, то она была занята войсками безъ особаго кровопролитія; 21 декабря разбѣжались послѣдніе члены комитетовъ, оставивъ въ рукахъ войскъ значительные запасы динамита (въ Дебальцевѣ 16 ящиковъ, въ Гришинѣ—300 пудовъ и т. д.), оружія и бомбъ. Поспѣшное отступленіе стачечниковъ приписывали разгрому ст. Горловка, гдѣ концентрировались главари со всѣхъ выдающихся пунктовъ дороги.

Этимъ можно подвесть итогъ дѣйствій карательныхъ отрядовъ на окраинахъ и желѣзныхъ дорогахъ, т. к. о внутреннихъ губерніяхъ придется говорить въ обзорѣ аграрнаго движенія этого періода. Теперь, на разстояніи пяти лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ наибольшаго подъема революціоннаго настроенія, когда характернымъ тономъ періода была вѣра въ свои силы, горячность, необдуманность, но искренность многихъ рѣшеній, трудно судить, отчего наступило затишье въ посѣщенныхъ карательными экспедиціями губерніяхъ, въ Остзеѣ и на Кавказѣ. Допустимъ даже, что причиной былъ страхъ передъ повтореніемъ той же экзекуціи, а не естественное утомленіе, охватившее не одни революціонные круги въ послѣдующій періодъ революціи. Важнѣе было бы выяснить вопросъ: на мѣстѣ разгрома утвердился ли снова тотъ хозяйственный строй, на защиту котораго были направлены такія исключительныя усилія? Измѣнились ли политическія и соціальныя убѣжденія оставшихся въ живыхъ дѣятелей движенія? Вернулась ли, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ мѣстнымъ кругамъ, которые всѣхъ больше были заинтересованы въ жестокомъ подавленіи безпорядковъ, увѣренность въ прочности, долготѣ покоя, пока все еще больше похожаго на жуткую тишину заброшеннаго кладбища, на тѣ минуты передъ грозой, когда спадаетъ малѣйшій вѣтерокъ и все словно застываетъ, стараясь льнуть къ матери-землѣ? Приходится на всѣ эти вопросы отвѣтить однимъ: *нѣтъ*. Наоборотъ, печать за это время не переставала нести печальныя вѣсти о состояніи нѣкогда цвѣтущихъ провинцій, объ усиленной эмиграціи рабочихъ и самихъ помѣщиковъ, о массовыхъ продажахъ земель, о всеобщемъ оскудѣніи, о скрытой ненависти. Карательныя дѣйствія, по природѣ своей имѣющія только разрушительный характеръ, и не могли подготовить почвы для примиренія, ибо за ними не послѣдовали ни необходимыя реформы, ни возвращеніе къ status quo ante bellum.

VI.

Забастовки. Демонстраціи. Волненія.

Велосипедъ былъ изобрѣтенъ четыреста лѣтъ тому назадъ, но нужно было пройти имъ, чтобы эта машина стала сразу, въ какіе-нибудь четыре года, изъ музейнаго курьеза почти предметомъ первой необходимости. Люди доросли до дѣйствительной потребности въ скоромъ и дешевомъ способѣ сообщенія, и древняя неуклюжая двуколеска, какъ коконъ бабочки, дала изящный современный самокатъ. То же и съ забастовками. (У насъ это слово стало синонимомъ стачки, что невѣрно, но для простоты изложенія мы будемъ придерживаться этого же обычая). Промышленные рабочіе, издавна представлявшіе собою наиболѣе организованную часть населенія, бастовали, по экономическимъ причинамъ, еще за много лѣтъ до начала освободительнаго движенія. Бывали и немалыя стачки,—напомнимъ хотя бы стачку на морозовской мануфактурѣ: но онѣ вспыхивали случайными огоньками, и мало кто думалъ тогда о томъ, что послѣ каждой стачки накапливался запасъ стачечнаго опыта, и все глубже проникало въ рабочія массы сознаніе силы всякой коалиціи и безпомощности одиночки въ полѣ открытой борьбы за кусокъ насущнаго хлѣба. Несомнѣнно, что пропаганда много содѣйствовала внѣдренію стачечнаго принципа въ сознаніе пролетаріата, но жизнь давала болѣе наглядные уроки, и когда страна дотянулась до свободы, какъ ива до слоя земли, насыщеннаго влагой, она сразу забрала огромную силу политическаго роста; прежнія организаціи перестроились для новой дѣятельности и возникло множество другихъ. Тогда и забастовка, какъ испытанный механизмъ, была быстро усовершенствована, сбросила временно всѣ экономическія путы и цѣликомъ пошла на дѣло политической и соціальной революціи, ставъ популярной даже и въ тѣхъ слояхъ народа,

на которыхъ ложилась всего тяжеле матеріально. Слово «забастовщикъ» изъ браннаго стало чуть не почетнымъ эпитетомъ, а «забастовка»—настоящимъ крылатымъ словомъ, пригоднымъ для обозначенія множества разнообразныхъ явленій и для неисчерпаемаго запаса шутокъ. Къ моменту всеобщей октябрьской забастовки всѣ, отъ мала до велика, знали о пассивномъ способѣ борьбы съ враждебными началами, и только печальный опытъ возстанія въ Москвѣ показалъ, какъ опасна и такая форма въ некультурномъ обществѣ. Но въ то время общее сочувствіе организаторамъ забастовки было обезпечено, т. к. многимъ казалось, что пути соц.-демократіи и просто демократіи довольно долго идутъ параллельно; здѣсь же, впрочемъ, на первомъ успѣхѣ и началось то раздвоеніе этихъ путей, которое потомъ такъ далеко разметало партіи и союзы, такъ ослабило и безъ того недостаточно согласованныя силы ихъ. Интеллигенція, въ Россіи достаточно проникнутая демократическими идеями и въ этомъ отношеніи выгодно отличающаяся отъ европейской буржуазіи, хотѣла закрѣпиться на взятой позиціи и использовать конституцію 17 октября такъ, какъ если бы она была октроирована въ покойное время, съ полнымъ сознаніемъ безповоротности. Стачечный же комитетъ,—совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—упоенный той же побѣдой, и не склонный анализировать ее, продолжалъ держать высоко боевой тонъ. Его резолюція 20 октября гласила слѣдующее: «Считаясь съ необходимостью для рабочаго класса, опираясь на достигнутыя побѣды, организоваться наилучшимъ образомъ, и вооружиться для окончательной борьбы за созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, для учрежденія демократической республики, совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановляетъ прекратить 21 октября, въ 12 часовъ дня, всеобщую политическую забастовку съ тѣмъ, чтобы, смотря по ходу событій, по первому же призыву совѣта возобновить ее для дальнѣйшей борьбы такъ же дружно, какъ и до сихъ поръ, за наши требованія». Приблизительно таковы же были резолюціи другихъ стачечныхъ комитетовъ. Въ этихъ документахъ можно было между строкъ прочесть всѣ будущія пораженія пролетаріата и освободительнаго движенія, поскольку оно зависѣло отъ дѣйствій рабочихъ массъ; поэтому только инерціи паники, что охватила правительственные круги передъ 17 октября, можно приписать то соглашеніе между гр. Витте и делегатами совѣта рабоч. депутатовъ, въ присутствіи предсѣдателя съѣзда жел.-дор. делегатовъ, о которомъ на слѣдующій послѣ прекращенія забастовки день было разослано телеграфное сообщеніе по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Въ немъ излагались въ восьми пунктахъ слѣдующія обѣщанія: 1. «Согласно Высочайше утвержденнаго доклада неотлагательно увеличивается содер-

жаніе всѣмъ низшимъ служащимъ и рабочимъ и улучшается ихъ матеріальный быть. Испрашиваемый на это кредитъ будетъ утвержденъ полностью. 2. Неотлагательно образуется комиссія съ участіемъ свободно избранныхъ представителей служащихъ и рабочихъ для выработки мѣропріятій по улучшенію экономическаго и правового положенія ихъ. 3. Кооперативная организація жел.-дор. служащихъ и робочихъ на началахъ, примѣняемыхъ въ Зап. Европѣ и Америкѣ, пріемлема немедленно. 4. Военное положеніе на желѣзныхъ дорогахъ немедленно снимается. 5. Разрѣшаются собранія служащихъ на всѣхъ жел. дорогахъ въ помѣщеніяхъ и предѣлахъ дороги для обсужденія вопросовъ о забастовкѣ и о своихъ нуждахъ и безъ предварительнаго увѣдомленія полиціи. 6. Забастовщикамъ сбезпечивается полная неприкосновенность и принимаются обратно всѣ уволенные за забастовку. 7. Отмѣняются всѣ ограничительные циркуляры и распоряженія о пріемѣ и продолжительности службы лицъ польскаго происхожденія на дорогахъ Царства Польскаго, юго-западнаго и западнаго края. 8. Допускается во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ на частныхъ жж. дд. Царства Польскаго польскій языкъ». 22 октября на всѣхъ дорогахъ состоялись собранія служащихъ и забастовка была прекращена. (Цит. по «Праву», 905, №№ 48—49).

Насколько преждевременны были эти обѣщанія, показало ближайшее будущее, а впослѣдствіи и самый фактъ соглашенія съ гр. Витте началъ подвергаться въ части общества сомнѣніямъ. Гораздо важнѣе этихъ шаговъ совѣта было то обстоятельство, что онъ какъ бы игнорировалъ невозможность провести забастовку еще два—три дня. Независимо отъ акта 17 октября, она сама начала бы затихать съ 19—20-го; и только день 17-го далъ еще небольшой запасъ терпѣнія давно сидѣвшимъ безъ работы людямъ. Здѣсь играли роль тактическія соображенія, но нельзя допустить и мысли о неосвѣдомленности комитета о состояніи рабочихъ денежныхъ рессурсовъ, и общемъ настроеніи главной, далеко не радикальной, массы пролетаріата. Вотъ почему попытки вызвать вторую и третью всеобщія стачки были заранѣе осуждены на неудачу, и неминуемо должны были ввести въ ряды рабочихъ ту дезорганизацію, которая привела ихъ, наконецъ, къ потерѣ и тѣхъ немногихъ реальныхъ благъ, что добыты были послѣ 17 октября въ экономической области. Какъ бы то ни было, политическая стачка сдѣлала въ Россіи настолько широкій опытъ, что вызвала къ себѣ вниманіе всего міра. Одни взирали на будущее демократіи съ тревогой, другіе съ надеждой. Дѣятельность европейскихъ соц.-демократовъ значительно оживилась, а ихъ русскіе товарищи заняли въ рядахъ мірового пролетаріата видное мѣсто. Обратимся, однако, къ дальнѣйшимъ этапамъ дѣятельности центральнаго

забастовочнаго комитета. 1-го ноября, по случаю введенія въ Польшѣ военнаго положенія и суда надъ кронштадтскими бунтовщиками, комитетъ постановилъ начать вторую всеобщую забастовку. Къ ней примкнуло значительное число промышленныхъ заведеній Петербурга и нѣкоторыя линіи жел. дорогъ, въ томъ числѣ и Николаевская; но въ виду неприсоединенія Московскаго района, а главное—по физической невозможности осуществить сколько-нибудь длительную стачку, она была прекращена 7 ноября, еще болѣе ослабивъ силы рабочихъ, и еще сильнѣе раздраживъ правительство противъ движенія. Характерно, что въ самой Польшѣ, изъ-за которой хотѣли вызвать всероссійскую забастовку, рабочіе еще раньше вынуждены были стать на работу, вслѣдствіе полнаго истощенія средствъ и отсутствія помощи извнѣ. Такимъ образомъ, опять же сама жизнь давала понять, что по частнымъ поводамъ общихъ стачекъ не должно быть, а тѣмъ болѣе на разстояніи двухъ недѣль отъ грандіознаго и истощающаго опыта. Въ самой рабочей средѣ эта попытка должна была вызвать ревизіонистскую волну, разбросавъ организаціи по лѣвому и правому берегамъ движенія. Но забастовочному комитету, разъ ступившему на скользкій путь дублированія экспериментовъ, удающихся только разъ въ опредѣленную стадію общественнаго движенія, ничего не оставалось дѣлать, какъ катиться дальше, стараясь по пути захватить побольше участниковъ и повалить побольше препятствій. Это стихійное стремленіе къ провалу было однимъ изъ наиболѣе драматическихъ моментовъ революціи; никто не надѣялся на успѣхъ новой стачки, а того больше — на переводъ ея въ вооруженное возстаніе, и всѣ ждали и готовились къ нимъ, точно къ фатуму. И вотъ, спустя ровно мѣсяцъ послѣ второй забастовки, соединенный комитетъ рабочихъ депутатовъ и соціалистическихъ партій, считая, очевидно, «ходъ событій» благопріятнымъ для себя, объявилъ на 6 декабря третью всеобщую стачку. Снова останавливается всякая жизнь въ обѣихъ столицахъ и во многихъ провинціальныхъ городахъ (Тверь, Харьковъ, Ростовъ н.-Д., Кострома, Ярославль и мн. др.), опять стоятъ желѣзныя дороги. Первое впечатлѣніе складывается какъ будто въ пользу стачки, но только первое. Пестрота картины обнаруживается уже на третій день забастовки, и понятно почему: рабочіе вступали въ новый бой истощенными, безо всякаго запаса даже на завтрашній день, а правительство—подготовленнымъ двойнымъ опытомъ и сильное матеріально. Широкіе круги общества держались нейтрально: любопытство превозмогало страхъ, и Москва, которая со времени соединенія съ Сибирью сразу зажила интенсивнѣй Петербурга, сдѣлалась средоточіемъ надеждъ — съ одной, любопытства — съ другой и сильныхъ ударовъ—съ третьей стороны. Но увы,—въ то время, какъ

на московскихъ улицахъ строились первыя баррикады, Петербургъ открывалъ свои магазины и театры, входя въ обыденную колею. Въ то же время начинали бастовать новые города и новыя линіи (напр. Екатерининская); видно было, какъ стачка вышла изъ рукъ центральнаго комитета и пошла колесить по Россіи, всюду расчищая дорогу реакціи и хороня недавнія пріобрѣтенія. Во многихъ мѣстахъ лилась кровь (Москва, Ярославль, Горловка, Казанская ж. д.); обнаружившіе себя центральные органы громились одинъ за другимъ, и русская политическая забастовка, какъ и многое на Руси, «начавъ за здравіе, свела за упокой» стремленій, одушевлявшихъ ея вожаковъ. Реакція побѣдоносно занимала оставляемыя позиціи и спѣшно доканчивала пораженіе, пользуясь временнымъ разъединеніемъ силъ противника.

Начатое такъ бурно, стачечное движеніе долго не могло остановиться. Ко всякой экономической забастовкѣ присоединялись и политическіе мотивы, что было на руку хозяевамъ, не желавшимъ дѣлать рабочимъ никакихъ уступокъ. Въ то время всегда можно было выискать, а то и создать политическую подкладку подъ самыми невинными заявленіями, разъ онѣ поддерживались забастовками. На этой почвѣ начали возникать и такія комбинаціи, о которыхъ раньше не подозрѣвали; вслѣдствіе, напр., неполноты закона, разрѣшающаго хозяину останавливать производство при частичной забастовкѣ рабочихъ, этимъ поводомъ пользовались для сокращенія ихъ числа; съ другой стороны, и рабочіе добивались своего путемъ частичныхъ или поочередныхъ забастовокъ заведеній даннаго района. Когда начали преслѣдовать за всякую вообще стачку, и когда выяснилось, что въ рабочемъ законодательствѣ скорыхъ перемѣнъ ждать нельзя, стачечное движеніе почти прекратилось; но прекратилась почти и промышленность. При полной власти надъ трудомъ, русскій капиталъ таялъ, какъ воскъ на огнѣ, число рабочихъ дней сокращалось, выработки тоже, рядъ краховъ открывалъ новую эру нашей промышленности, отнынѣ въ буквальномъ смыслѣ «покойной». Конечно, кризисъ этотъ не находился въ непосредственной связи со стачечнымъ вопросомъ, но тѣснимые рабочіе могли, по крайней мѣрѣ, утѣшаться тѣмъ, что запрещеніе всякихъ забастовокъ не помогаетъ хозяевамъ въ ихъ дѣлахъ, и что введеніе въ гражданскія отношенія двухъ классовъ репрессіи уголовнаго характера не имѣетъ за собой никакихъ практическихъ основаній.

Какъ и другіе элементы той фазы движенія, стачки приняли одно время эпидемическій характеръ, и бывало, что нарушались долголѣтнія безукоризненныя отношенія съ хозяевами только потому, что рабочими предъявлялись невыполнимыя требованія. «Не отставать же отъ другихъ!» Бастовали, наконецъ, не только промышленные рабочіе,

но представители и другихъ пролетарскихъ профессій; въ городахъ— дворники, домашняя прислуга, извозчики, городовые, пожарные; въ Петербургѣ едва не разрослась большая стачка городовыхъ, поднявшихъ довольно острый вопросъ о состояніи ихъ эмеритальной кассы, но скоро удовлетворенныхъ; равнымъ образомъ быстро выполнялись и требованія пожарныхъ; вообще, практика указала, что и администрація по отношенію къ вольнонаемному труду не занимаетъ привилегированнаго положенія и подчиняется закону спроса и предложенія сильнѣе, чѣмъ возможности проявлять свою власть надъ протестантами. Оно было логично: отсутствіе пожарныхъ хотя бы на одинъ день могло стоить столицѣ повторенія пожара 1812 года, отсутствіе въ двухъ-трехъ бойкихъ участкахъ городовыхъ тоже могло быть неудобно.

Въ деревнѣ широко развилось сельско-хозяйственное забастовочное движеніе, но о немъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Что касается до чиновниковъ, то едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что они не должны имѣть права стачекъ, принимая на себя, при поступленіи на службу, обязательства совершенно иного порядка, нежели при наймѣ на вольныя работы. Очевидно, что никакой государственный строй не могъ бы считаться прочнымъ при условіи, что самый скелетъ его былъ бы подверженъ постояннымъ колебаніямъ и органическимъ перемѣнамъ. Къ тому же, есть много другихъ способовъ добиваться улучшеній въ этой области человѣческаго труда, и при дѣйствительно *народномъ* представительствѣ интересы группъ населенія, ограниченныхъ по необходимости въ нѣкоторыхъ правахъ, могутъ находить мощную поддержку и иниціативу въ законодательной палатѣ. Тѣмъ болѣе немыслимы забастовки въ войсковыхъ частяхъ. Къ прискорбію, такіе случаи происходили за эти годы во множествѣ, и не нужно пояснять, какъ расшатывали они дисциплину арміи, а съ нею и самую военную мощь Россіи.

Убытки, причиненные тремя политическими забастовками, неисчислимы; самый скромный приблизительный подсчетъ даетъ около милліарда рублей, цѣлый большой внутренній заемъ, принесенный для растопки огня подъ жертвенникомъ богини Свободы! Въ чаду этого огня жила страна три года и можно ли удивляться, что все въ немъ принимало фантастическія очертанія!

* * *

Если многія забастовки имѣли по преимуществу демонстративный характеръ, то отъ нихъ все же иногда оставались результаты въ видѣ небольшихъ льготъ, или хотя бы прогульнаго дня. Отъ политическихъ демонстрацій или ничего не оставалось, или арестованные и побитые

люди. И тѣмъ не менѣе, 905 и 906 гг. можно назвать годами демонстрацій par exellence. Самъ 905 годъ начался одной изъ страшнѣйшихъ страницъ исторіи демонстрацій, истинная основа которой доселѣ невыяснена. Священника Гапона, недюжиннаго организатора, но ограниченнаго и честолюбиваго авантюриста, склонны считать больше провокаторомъ, чѣмъ революціонеромъ; впрочемъ, въ затяжной борьбѣ этихъ лѣтъ такъ перепутались всѣ профессіи, что подъ конецъ, когда возникло дѣло Азефа, обѣ стороны не могли разобраться, что же въ концѣ концовъ представляетъ собой хорошій провокаторъ, и какой сторонѣ приноситъ онъ пользу своей работой?

Совершенно справедливо считаютъ день 9 января 905 г. началомъ перваго періода революціи. Значеніе гапоновской демонстраціи было тѣмъ сильнѣе, что она открывала, наконецъ, всѣ карты, и та неопредѣленность, что царила въ странѣ во время несчастной для насъ восточной войны, исчезла навсегда. Не будь 9 января, неизвѣстно еще, удалась ли бы первая всеобщая забастовка. Понятно поэтому, что годовщину столь знаменательнаго событія, сквозь ужасъ котораго иные провидѣли реализацію своихъ политическихъ и соціальныхъ грезъ, отмѣтили въ 906 году демонстраціями; онѣ могли бы оказаться внушительными, еслибъ власти, и даже сами обыватели, напуганные возстаніемъ въ Москвѣ, не приняли заблаговременно предупредительныхъ мѣръ. Въ Варшавѣ, напр., нижніе этажи домовъ были заколочены, изъ опасенія безпорядковъ; многіе заводы бастовали, а во Владивостокѣ именно въ этотъ день начались безпорядки въ гарнизонѣ и морскихъ экипажахъ, подавить которые удалось только черезъ нѣсколько дней и во время которыхъ предательски, въ спину, былъ раненъ комендантъ ген. Селивановъ, только что мирно говорившій съ бунтовщиками.

Впослѣдствіи впечатлѣніе дня 9 января начало сглаживаться, отчасти подъ вліяніемъ болѣе крупныхъ событій, и теперь мало гдѣ поминаютъ печальную гекатомбу эту. Изъ другихъ постоянныхъ поводовъ къ демонстраціямъ, весьма разнообразныхъ, можно выдѣлить въ особыя группы — первомайскія забастовки, тюремныя голодовки, о которыхъ уже сказано, отвѣты на такъ наз. «патріотическія манифестаціи», обыски въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, похороны особо популярныхъ общественныхъ дѣятелей. Когда состоялись выборы въ первую Думу, предметомъ внушительныхъ деревенскихъ и городскихъ демонстрацій сдѣлались многіе депутаты оппозиціи. Наконецъ, особнякомъ стоятъ дѣйствія нѣкоторыхъ представителей власти, вызывавшія открытыя къ нимъ письма въ прессѣ.

И среди крестьянъ-землепашцевъ находились демонстранты: бессарабскіе, напримѣръ, выражали солидарность съ арестованными учи-

телями, исключали изъ сельскихъ обществъ за участіе въ противоеврейскихъ погромахъ; въ другихъ мѣстахъ ходятъ съ красными флагами, распѣваютъ марсельезу. Кстати сказать, освободительное движеніе въ Россіи не создало своихъ пѣсенъ и гимновъ, а заимствовало готовыя мелодіи на Западѣ, подогнавъ къ нимъ русскія слова; причиной, кажется, было простое отсутствіе музыкально-революціоннаго вдохновенія, а не міровая солидарность пролетаріата, объединеннаго и гимномъ.

Свое отношеніе къ крайнимъ партіямъ многіе въ это время также выражали демонстративно. Ходовымъ способомъ былъ общественный бойкотъ, при чемъ даже въ средѣ интеллигенціи находились сторонники этой, въ обычной обстановкѣ кажущейся странной формы отмѣчать несогласіе политическихъ взглядовъ. Бойкотъ же хозяевъ промышленныхъ заведеній, и даже фабрикатовъ, ими изготовляемыхъ, былъ заурядным явленіемъ; стоило узнать, что такой-то фабрикантъ жертвуетъ деньги на несимпатичныя цѣли, какъ переставали покупать его издѣлія, и т. д. Экономическій бойкотъ особенно свирѣпствовалъ въ Лодзи и др. мѣстахъ Царства Польскаго.

Внушительны были, однако, не эти демонстраціи. Случалось, что массы населенія обнаруживали свою организованность съ казового, такъ сказать, конца; что порядокъ не нарушался, несмотря на отсутствіе охраны, или, какъ тогда говорили — «благодаря ея отсутствію». Москва была свидѣтельницей двухъ такихъ демонстрацій, на похоронахъ Баумана и кн. С. Трубецкого. Разные люди, безмѣрно разнаго значенія для движенія, они только умерли въ то время, когда общее настроеніе требовало какъ можно большаго внѣшняго проявленія солидарности, какъ можно болѣе яркаго выраженія симпатій къ дѣятелямъ освобожденія. О кн. С. Трубецкомъ, особенно послѣ рѣчи его Государю Императору 6 іюня 905 г., знала вся мыслящая Россія, всякій грамотный крестьянинъ. Имя Баумана стало знакомо широкимъ кругамъ только потому, что онъ былъ убитъ тотчасъ послѣ объявленія Россіи свободной страной и палъ какъ бы первый жертвой того погромнаго взрыва, который оглушилъ городское населеніе въ послѣдующіе дни. И однако, едва ли похороны Баумана не были болѣе внушительны. Теперь, глядя на иллюстраціи того времени, не вѣрится даже, что были дни, когда самыя зажигательныя надписи на флагахъ процессіи такъ мало шокировали народъ, словно онъ состоялъ не изъ вчерашнихъ «обывателей», а изъ гражданъ дѣйствительно свободной страны. По московскимъ улицамъ въ абсолютномъ порядкѣ прошли 250—300 тысячъ человѣкъ, охрана которыхъ въ узкихъ улицахъ была нелегкимъ дѣломъ. Несмотря на призывы къ крайнимъ дѣйствіямъ, раздававшимся на могилѣ убитаго, сплошь по-

крытой красными лентами, флагами и цвѣтами, толпа разошлась совершенно мирно. Приподнятый тонъ рѣчей вообще полагался тогда какъ бы по молча установленному ритуалу, но это было именно обрядомъ, а не призывомъ къ активнымъ выступленіямъ, которыя подготовлялись иными рѣчами и въ иныхъ мѣстахъ. Послѣ похоронъ кн. Трубецкого произошли описанные выше случаи стрѣльбы по возвращающимся студентамъ, и быть можетъ поэтому въ дальнѣйшемъ подобныя демонстраціи уже не разрѣшались.

Другими, тоже можно сказать культурными демонстраціями были письма къ представителямъ власти, помѣщаемыя въ газетахъ; изъ длиннаго ряда такихъ обвинительныхъ документовъ заслуживаютъ особаго упоминанія два: письмо тверскихъ гласныхъ къ бывшему томскому губернатору Азанчевскому-Азанчееву, который послѣ событій въ октябрѣ рѣшился явиться въ земское собраніе, членомъ котораго состоялъ; въ этомъ письмѣ ему предлагалось прежде всего реабилитировать себя въ сожженіи тысячи человѣкъ, а потомъ уже возобновлять сношенія свои съ бывшими сотрудниками по земской работѣ, пока отказывающимися отъ совмѣстнаго пребыванія въ собраніи. Другое письмо было еще примѣчательнѣй потому, что авторомъ его былъ не часто выступающій въ качествѣ обвинителя извѣстный писатель, В. Короленко, а адресатомъ — извѣстный истязатель крестьянъ, Филоновъ, вскорѣ убитый террористомъ. Въ этомъ письмѣ описываются дѣйствія Филонова (совѣтника губ. правленія) въ двухъ селахъ полтавской губерніи; въ одномъ, Сорочинцѣ, наканунѣ его командировки произошли безпорядки, при чемъ среди убитыхъ крестьянъ было двѣнадцать случайныхъ жертвъ; въ другомъ крестьяне составили приговоръ о закрытіи винной лавки и самовольно навѣсили на нее замокъ, не дождавшись разрѣшенія. Несмотря на полную противоположность проступковъ, вызвавшихъ разслѣдованіе, дѣйствія этого чиновника въ обоихъ селеніяхъ были совершенно одинаковы, и по словамъ автора письма, вполнѣ потомъ подтвердившимся, состояли въ слѣдующемъ: Филоновъ ставилъ крестьянъ на колѣни въ снѣгъ, держалъ ихъ въ такомъ положеніи по два, по три часа, наносилъ побои и самъ приказывалъ бить бывшимъ съ нимъ казакамъ. Казалось бы, что самый фактъ слѣпого подчиненія огромной толпы такому распоряженію и поведенію начальства указывалъ на то, что здѣсь не было поводовъ для того слѣпого гнѣва, который дѣлаетъ изъ уравновѣшеннаго человѣка звѣря и который можетъ быть оправданъ личнымъ столкновеніемъ при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Письмо Короленко сдѣлалось слишкомъ извѣстнымъ, чтобы можно было оставить его безъ отвѣта, и Филоновъ не долженъ былъ миновать суда, еслибъ не сдѣлался раньше жертвой того самосуда, кото-

рый красной нитью проходитъ черезъ всѣ послѣдніе годы русской исторіи. Въ извѣстной части прессы обвиняли поэтому Короленко въ невольномъ и даже въ умышленномъ натравливаніи мстителей за истязаніе крестьянъ, но едва ли Короленко нуждается въ опроверженіи подобныхъ измышленій, къ тому же исходившихъ изъ тѣхъ круговъ, гдѣ натравливаніе было такъ сказать профессіей.

* * *

Здѣсь мы видѣли, какъ безпорядки и волненія были причинами демонстрацій; но бывало и такъ, что изъ мирныхъ демонстрацій развивались столкновенія съ властями, часто кровопролитныя. Обычно, дѣло кончалось на мѣстѣ; усмиряющіе не искали зачинщиковъ, а если брали кого подъ арестъ, то административнымъ наказаніемъ ликвидировалось все происшествіе; когда же доходило до суда, то послѣднему оказывалось по большей части такъ трудно отыскивать виновныхъ въ столкновеніи и безпорядкахъ, что поневолѣ приходилось оправдывать даже и въ такихъ случаяхъ, когда администрація на худой конецъ выслала бы изъ губерніи. Мы остановимся на нѣсколькихъ типичныхъ эпизодахъ;—остальные были по большей части только варіантами.

Въ г. Нарвѣ группы рабочихъ, гулявшихъ и распѣвавшихъ марсельезу, вдохновились до того, что начали стрѣлять въ воздухъ изъ револьверовъ, а когда на выстрѣлы прискакали драгуны, пули полетѣли уже въ нихъ, при чемъ семь человѣкъ было ранено, понятно, что войска въ долгу не остались,—и изъ 16 арестованныхъ половина тоже оказалась перераненой. Такихъ случаевъ множество. Легкость пріобрѣтенія оружія въ революціонныхъ и контръ-революціонныхъ организаціяхъ, несдержанность рабочей молодежи, праздничное ничегонедѣланье,—все способствовало возникновенію такихъ нелѣпыхъ стычекъ, и напрасно было бы упрекать одни войска въ постоянномъ злоупотребленіи своимъ оружіемъ.—Въ Екатеринославѣ толпа, желавшая освободить арестованныхъ членовъ рабочаго комитета, была разогнана вызванными войсками,—ранено 8 человѣкъ. 31 мая 2.000 рабочихъ совершаютъ окончательно безсмысленное нападеніе на поѣздъ, шедшій полнымъ ходомъ, останавливаютъ его на десять минутъ, разбиваютъ одно стекло и отпускаютъ дальше,—типичное озорство не знающей удержу ватаги.—Крупные безпорядки въ бессарабскомъ мѣстечкѣ Камратѣ произошли изъ-за ареста учителей мѣстнаго реальнаго училища, призывавшихъ якобы крестьянъ къ аграрнымъ безпорядкамъ. Вслѣдствіе особенностей мѣстнаго земельнаго устройства, такіе призывы могли только показывать неосвѣдомленность агитаторовъ, но по существу были невинны. Толпа хотѣла освободить

арестованныхъ. Пріѣхавшіе стражники были обезоружены и посажены на замокъ. Толпа выросла до 15 тысячъ. Послѣ этого уже эскадронъ съ двумя орудіями не рѣшился войти въ мѣстечко и потребовалъ подкрѣпленій. Слѣдствіе выяснило ничтожность поводовъ къ безпорядкамъ, которые ежеминутно могли разрастись въ кровавое побоище.— Не всегда положеніе администраціи при разслѣдованіи причинъ волненій было пріятно: въ Евпаторіи, напр., пріѣхавшаго для этого в.-губернатора, прокурора и др. чиновъ толпа освистала; то же было въ одной изъ приволжскихъ губерній.—Въ Константиноградѣ на базарѣ кто-то началъ вслухъ читать «Колоколъ», собравъ около себя порядочную толпу. Полицейскій вѣжливо попросилъ прекратить чтеніе и отошелъ. За нимъ погнались, избили, кстати и двухъ другихъ. Дальше больше,—разнесли полицейское управленіе, исколотили исправника, въ стражниковъ полетѣли камни; пришлось отстрѣливаться,— троихъ убили. Это тоже типичное дѣло: на базарахъ крупныхъ южныхъ селъ и уѣздныхъ городковъ такія побоища возникали какъ бы сами собой, по большей части вслѣдствіе излишней нервности толпы, возбуждаемой иногда и агитаторами. Малѣйшая безтактность при этомъ со стороны администраціи,—и приходилось вызывать войска, которыя рѣдко уходили безъ кровопролитія. Аграрныя причины столкновеній стоятъ особнякомъ и о нихъ будетъ рѣчь впереди, равно какъ и о случаяхъ террора, вызывавшихъ безпорядки и погромы.

Въ Сибири, гдѣ, вдали отъ центральной власти, всякія революціонныя вспышки принимали особенно широкіе контуры, долго отзывались декабрьскія волненія въ европейской Россіи. Только въ началѣ января кончилась, напр., осада ген. Левестамомъ, съ двумя полками, красноярскихъ жел.-дорожныхъ мастерскихъ, при чемъ, благодаря осторожности генерала, дѣло окончилось сравнительно благополучно для осажденныхъ. Нечего говорить, что среди сдавшихся 700 ч. главарей не оказалось, — они, какъ московскіе дружинники, скрылись до ликвидаціи затѣяннаго ими дѣла; да и все красноярское возстаніе не большаго стоитъ, даже и съ революціонной точки зрѣнія, чѣмъ московское. Въ то же почти время крупныя столкновенія происходили въ Ростовѣ на Дону. Войска ежедневно дрались съ толпами революціонеровъ, потери съ обѣихъ сторонъ напоминали настоящую войну, мирные жители бѣжали въ другіе города, не находя, впрочемъ, и въ нихъ большаго покоя. Да и добраться въ эти дни куда-нибудь было не легко: на ст. Панютино, севастоп. ж. д., напр., тысячная толпа рабочихъ опрокидываетъ паровозы, спускаетъ съ рельсовъ цѣлые поѣзда, атакуетъ зданіе станціи, гдѣ отсиживается рота пѣхоты, и опять же только благодаря разумнымъ мѣрамъ командира, безпорядокъ ликвидируется безъ кровопролитія. Новороссій-

скія волненія, о которыхъ мы упоминали выше, были закончены преданіемъ военному суду городского головы, Никулина, и многихъ представителей мѣстной интеллигенціи; обвиняли ихъ въ приготовленіяхъ къ вооруженному возстанію и учрежденію временнаго правительства, но на судѣ эти страшныя намѣренія значительно выцвѣли и оказалось, что дѣло не выходило изъ рамокъ тѣхъ безпорядковъ, что прокатились тогда по многимъ мѣстамъ Россіи.—Въ самой Москвѣ не могли сразу справиться съ развинтившейся машиной жизни. Ежедневно происходили столкновенія съ полиціей или войсками, особенно при разгонахъ митинговъ. Случалось, что на сборища эти отправлялись съ прямымъ расчетомъ на стычку, запасались оружіемъ и даже бомбами; привычка къ кровопролитію была такъ велика, что, когда надежды на перестрѣлку не оправдывались, ощущалось нѣчто въ родѣ сожалѣнія; одинъ изъ участниковъ митинга, атакованнаго десяткомъ драгунъ, бросилъ при нихъ сильную бомбу въ оврагъ, сказавъ: «Хоть бы эскадронъ былъ, а то въ васъ и бросать не стоитъ!» — послѣ чего сдался.

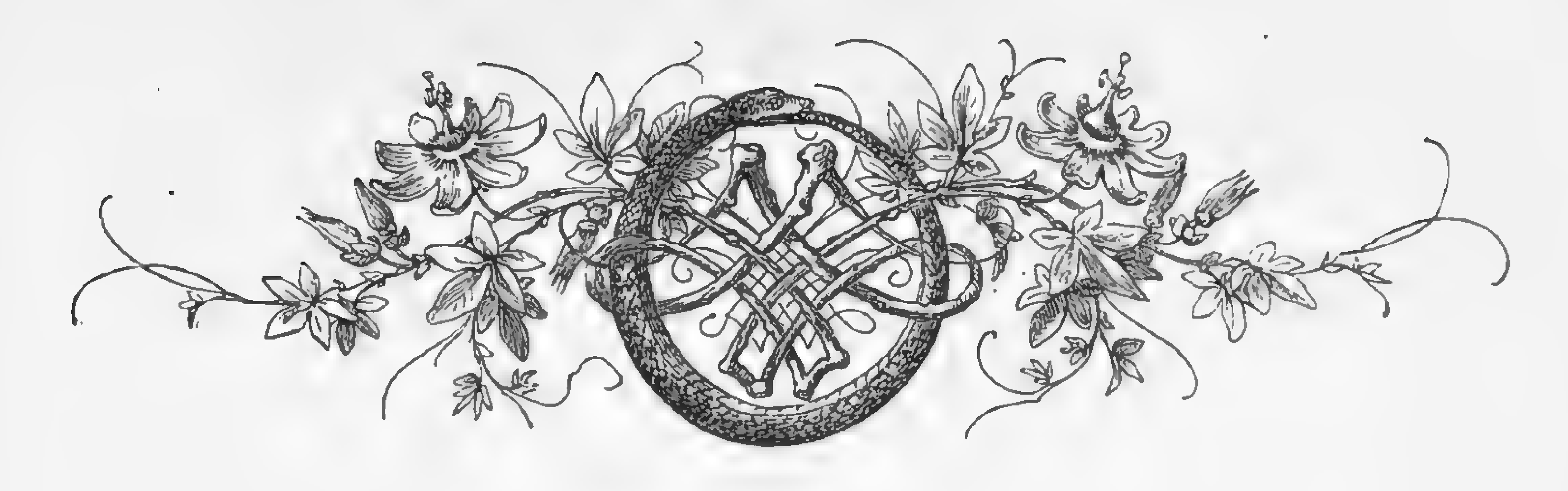
На городскихъ улицахъ еще въ маѣ 1906 г. можно было попасть подъ выстрѣлы, которыми обмѣнивались полицейскіе посты съ толпами простонародья или рабочихъ, хотя по городовымъ спеціализировались какіе-то ночные бандиты, которые изъ-за угловъ снимали ихъ безъ жалости и смысла. Послѣ этого немудрено, что по мѣрѣ удаленія отъ столицъ вглубь страны и особенно на востокъ, все крупнѣе и шире разворачивались безпорядки. Мало, напр., обращали въ обществѣ вниманія на Уралъ, а вѣдь тамъ шла затяжная война, да еще положеніе регулярныхъ войскъ не всегда было безопасно, вслѣдствіе наличности на заводахъ пушекъ (Мотовилиха), снарядовъ (Кушва), холоднаго оружія (Златоустъ) и т. под. Буйства принимали самый зловѣщій характеръ, и хотя подкладка ихъ была серьезна, ибо управленіе заводами было съ начала до конца отвратительно, но не настолько, чтобы расправляться съ нелюбимыми начальниками по-пугачевски; такимъ образомъ, приходится признать наличность на Уралѣ и спеціальной подготовки революціоннаго характера. Въ Чермозскомъ заводѣ надѣли на директора тулупъ, подвели къ проруби и подъ угрозой утопленія заставили подписать какое-то заявленіе рабочихъ. На другомъ заводѣ бросили въ спальню директора бомбу, которой ему и оторвало руку. Въ ревдинскомъ заводѣ потребовали у администраціи, подъ угрозой поголовнаго ея умерщвленія, выдачи по десять рублей каждому на «воспособленіе», а когда «воспособленіе» состоялось, все-таки сожгли горнозаводское управленіе и домъ директора. Въ златоустовскомъ управленіи водили директоровъ, инженеровъ и другое начальство подъ бой барабановъ, стукъ сковородъ, желѣз-

ныхъ листовъ, подъ грохотъ холостой пальбы. Въ самой Перми строились баррикады по-московски, перестрѣливались съ войсками; убитыхъ однихъ было 20 ч., раненыхъ около сотни. Было даже сенсаціонное извѣстіе о томъ, что въ одномъ изъ уѣздовъ высѣкли земскаго начальника!.. Словомъ сказать, конецъ 1905 и начало 1906 года сопровождались повсюду такими безпорядками, терпѣть которые не стало бы ни одно европейское правительство. Суровыя репрессіи были неизбѣжны, и огульное обвиненіе властей въ самоуправствахъ и превышеніяхъ полномочій, которымъ полны были журналы того времени, нуждается въ значительной поправкѣ. Если прибавить сюда, что въ короткое время въ одномъ только петербургскомъ судѣ накопилось до шестидесяти дѣлъ объ оскорбленіяхъ Величества, что на югѣ Россіи за то же арестованъ цѣлый волостной сходъ, а одиночныя привлеченія крестьянъ за эти, ранѣе почти неслыханныя преступленія, случались ежедневно; что провинція была наводнена литературой, направленной опять къ тому же,—то мы должны будемъ признать, что положеніе правительства было нелегко, и что сойти съ довлѣющаго всякому правительству пути спокойствія и справедливости было на сей разъ легче, чѣмъ когда-либо. Наконецъ, и самое главное,—аграрныя волненія разростались день ото дня, и призракъ пугачевщины вставалъ, быть можетъ, далеко не въ одномъ воспаленномъ воображеніи помѣщиковъ, созерцавшихъ по ночамъ зарева пожаровъ и прислушивавшихся съ трепетомъ къ малѣйшему шуму на недавно еще покорномъ селѣ. Какъ справлялось со всѣми этими затрудненіями наше правительство, мы отчасти уже видѣли и увидимъ еще въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Засѣданіе Первой Государственной Думы подъ предсѣдательствомъ С. А. Муромцева.

VII.

Аграрное движеніе.

«Рабство,—говоритъ Генри Джорджъ, — еще живетъ среди насъ, миновали лишь его грубыя формы. Какая разница, будетъ ли мое тѣло собственностью другого, или онъ будетъ владѣть тѣмъ, безъ чего невозможна жизнь? Голодъ не легче плетки». Въ расплывчатой формѣ, а то и вовсе безсознательно, но мысли эти живы во всякомъ человѣкѣ, зарабатывающемъ свой хлѣбъ ручнымъ трудомъ,—на землѣ или на фабрикѣ—безразлично. Въ странахъ съ сравнительно слабо развитой обрабатывающей промышленностью тяжело ощущается власть земли, въ другихъ—власть машины. Вотъ почему и эпохи усиленной эволюціи, обычно называемыя революціонными, окрашиваются тѣмъ или другимъ изъ этихъ властныхъ соціальныхъ факторовъ въ основной тонъ; и было бы ошибочно видѣть центръ русскаго движенія въ рабочемъ вопросѣ, а не въ аграрномъ. Въ этомъ отношеніи правительство Столыпина отправлялось изъ вѣрной точки, начавъ съ аграрнаго законодательства, какъ вѣрно судила и первая Дума; къ сожалѣнію, отъ этой точки и Думѣ и кабинету было уже «не по пути»; и одинъ изъ предполагавшихся сотрудниковъ долженъ былъ уступить дорогу другому, обладавшему «полнотой власти» провести въ порядкѣ 87 ст. вопросы, о которыхъ лучшіе русскіе умы боялись категорически судить, которые и въ самой наукѣ земельнаго устройства не рѣшены еще окончательно.

Будучи ограничены мѣстомъ, мы не можемъ дать даже схематическаго историческаго очерка аграрнаго движенія въ Россіи и обращаемся непосредственно къ тѣмъ явленіямъ, которыя впервые послѣ времени Пугачева остановили на себѣ опасливое вниманіе общественныхъ и правительственныхъ сферъ. Мы говоримъ объ аграрныхъ волненіяхъ въ Полтавской губ. 1904 г., положившихъ начало той нескончаемой серіи безпорядковъ, которая, докатившись до средней Сибири и Архангельска, Закавказья и Петербурга, затихла теперь подъ покровомъ реакціи. Ушелъ ли пожаръ въ землю, какъ часто бываетъ на торфяныхъ почвахъ, гдѣ годами ползетъ невидимая струйка огня, пока не вспыхиваетъ какой-нибудь боръ въ десяткахъ

верстъ отсюда, или потушенъ онъ уничтоженіемъ общины, насильственнымъ разсаживаніемъ на хутора и всей вообще земельной политикой послѣдумскаго періода, — покажетъ будущее; наша роль простыхъ обозрѣвателей важнѣйшихъ явленій въ этой сферѣ жизни страны заставляетъ воздержаться отъ анализа аграрныхъ мѣропріятій; тѣмъ болѣе обязываетъ къ этому отсутствіе систематизированнаго матеріала объ отношеніи крестьянства къ новымъ законамъ и къ ихъ выполнителямъ — землеустроительнымъ комиссіямъ. Въ описываемое время онѣ, впрочемъ, и не существовали.

Итакъ, 1904 г. раскрылъ давно забытую страницу русской исторіи и безъ всякихъ «Пугачей» и «Стенекъ» воскресилъ явленія, къ которымъ пристегивались въ свое время эти два популярныхъ имени. Народъ двинулся на помѣщичьи экономіи, оставивъ на сей разъ въ покоѣ самихъ помѣщиковъ. Сказывался ли XX вѣкъ съ его сравнительной гуманностью, или аграрное движеніе въ Россіи пошло нѣсколько своеобычнымъ путемъ, сказать трудно; но, сопоставляя одновременное развитіе террора, вооруж. столкновеній и всякаго кровопролитія съ поразительно ничтожнымъ числомъ аграрныхъ убійствъ, и покушеній на нихъ, приходится заключить, что въ этой борьбѣ элементъ пассивности, такой страшной для всякаго правительства, главенствуетъ, а жестокое потрясеніе, испытываемое теперь въ области сельскаго хозяйства, еще подтверждаетъ это заключеніе. Страна видѣла аграрную революцію, гдѣ кровь лилась только съ одной стороны. Въ этомъ отношеніи центръ Россіи шелъ по иной дорогѣ, чѣмъ окраины, но результаты были сходны. Мы и останавливаемся въ послѣдующемъ изложеніи подробнѣе на событіяхъ, разыгравшихся въ центральныхъ и черноземныхъ русскихъ губерніяхъ.

Мин. вн. д. Плеве, которому не отказывали въ извѣстной проницательности, который ошибался только въ самомъ главномъ—въ оцѣнкѣ силъ и жизнеспособности бюрократически - полицейскаго русскаго строя, былъ весьма озабоченъ полтавскими явленіями; къ тому времени и относится его предложеніе А. А. Лопухину занять мѣсто дир. деп. полиціи, ибо въ этомъ выдающемся юристѣ онъ пріобрѣталъ знатока причинъ аграрнаго движенія и расчитывалъ съ его помощью парализовать это движеніе, отвлекши общественное вниманіе дальневосточной войной, представлявшейся министру простой ариѳметической задачей. На сомнѣніе въ результатѣ войны, высказанное Лопухинымъ, Плеве съ раздраженіемъ замѣтилъ: «Значитъ по-вашему выходитъ, что 50 м. больше полутораста?» Неизвѣстно, что именно предполагалъ сдѣлать Плеве въ области земельныхъ отношеній, такъ неожиданно всколыхнутой разгромомъ имѣнія герц. Лейхтенбергскаго, такъ какъ министръ былъ вскорѣ убитъ. По просьбѣ его

замѣстителя кн. Св.-Мирскаго, Лопухинъ, недолго уже остававшійся въ деп. полиціи, составилъ обстоятельную докладную записку, въ которой не только указалъ совершенно вѣрно на причину аграрнаго движенія, коренившуюся въ общемъ безправномъ состояніи народа, но и предсказалъ съ удивительною точностью развалъ движенія на 1905—1906 г.г., хотя тогда ни о конституціи, ни о революціи и помина не было. Хотя запискѣ этой, представленной министромъ въ свое время, и не было дано никакого направленія, однако она свидѣтельствуетъ о томъ, что высшія правительственныя сферы были освѣдомлены объ истинномъ положеніи дѣлъ внутри страны и притомъ освѣдомлены человѣкомъ, компетентность котораго не могла подлежать сомнѣніямъ.

Московско-коломенскія событія 1662 г., которыя съ такой поразительной точностью были воспроизведены обѣими сторонами въ 1905 г. на петербургскихъ площадяхъ и улицахъ, должны были еще 250 лѣтъ назадъ указать направленіе, въ которомъ слѣдовало бы держаться во внутренней политикѣ, чтобы не повторялись отъ времени до времени эпохи разиновщины и пугачевщины, въ чистой или видоизмѣненной формѣ. Спокойствіе и тогда было скоро возстановлено. «Но увы,—говоритъ проф. Н. Ѳирсовъ («Разиновщина какъ соціал. и психолог. явленія нар. жизни», с. 10),—какъ вездѣ и всегда, недовольство народа своимъ положеніемъ нельзя было уничтожить и тогда, въ Московскомъ государствѣ XVII ст., уничтоженіемъ тѣхъ недовольныхъ, которые отважились итти къ царю съ просьбой и даже съ требованіемъ; нельзя было выстрѣлами, застѣнкомъ, висѣлицами, потопленіемъ заставить народъ со смиреніемъ относиться къ обидамъ отъ сильныхъ властью и капиталомъ людей». Этими властными людьми были помѣщики-дворяне, и вліяніе ихъ крѣпло по мѣрѣ уклоненія правительствъ отъ демократической политики, диктовавшей всей конъюнктурой русскихъ соціальныхъ условій. Поэтому, и послѣдовавшее черезъ столѣтіе пугачевское возстаніе было совершенно правильно оцѣнено дворянствомъ, инстинктивно чувствовавшимъ естественность и значеніе для его судебъ этого страшнаго явленія. Такъ, «въ своей рѣчи къ казанскому дворянству Бибиковъ даже указывалъ, что возстаніе Пугачева для дворянства и богатыхъ можетъ быть еще опаснѣй, чѣмъ для императрицы»: «это,—говоритъ онъ,—бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, холоповъ противъ господъ» (Н. Ѳирсовъ. «Пугачевщина», с. 160). Прошло еще съ небольшимъ сто лѣтъ: реформа 1861 г. быть можетъ и была причиной нѣкотораго удлиненія традиціоннаго срока для взрывовъ аграрнаго вулкана, кратеръ котораго простирается теперь отъ моря до моря. Какъ часто бываетъ, люди не хотятъ думать объ угрожающихъ симптомахъ, отгоняютъ мысль о готовящемся катаклизмѣ, и онъ застаетъ ихъ снова неподготовленными.

Такъ и въ аграрномъ движеніи, опытный слухъ уже отличалъ тѣ подземные звуки, что предшествуютъ изверженію, а на склонахъ вулкана жизнь шла, какъ всегда; увеличивались арендныя цѣны, эксплоатировались старыя и создавались новыя кабальныя статьи, и если сравнить договоръ нынѣшнихъ крестьянъ съ «дѣльнымъ» управляющимъ, въ родѣ Филатьева, убитымъ въ 1905 г., съ записью какого-нибудь Елпацкаго казначея въ XVI в. («заняли есмя у Елпацкаго казначея, у старца Корнилія, полтину денегъ монастырскаго серебра отъ Юрьева дня осенняго до Юрьева дня на годъ. А на то намъ серебро давать росту на пять-шестой, а по сроцѣ по тому же на пять-шестой»), то нетрудно будетъ увидѣть, какъ мало принесъ облегченія русскому землепашцу весь истекшій съ того времени періодъ. Совершенно понятно также, что раздраженіе войной и заразительность пропаганды въ рабочихъ сферахъ обострили теченіе тѣхъ затяжныхъ и хроническихъ абсцессовъ, которые такъ неискусно вскрываются каждый разъ чиновными хирургами. На сей разъ случай былъ особенно тяжелый: по всей поверхности госуд. тѣла пошли эти нарывы, грозя заразить весь организмъ тѣмъ ядомъ, что бурлилъ въ давніе годы въ казачьихъ станицахъ, наполнявшихся бѣженцами съ «Руси»:—«Тряхнемъ Москвой». Конецъ 1905 г. даетъ уже основательное представленіе о размѣрахъ бѣдствія. За командировкой въ тамбовскую губ. ген. Струкова послѣдовала командировка въ Саратовъ ген. Сахарова, быв. воен. министра, полномочія котораго вскорѣ были распространены и на пензенскую губ. Въ то же время вспыхиваютъ все новые очаги движенія, притомъ въ самыхъ разныхъ мѣстахъ: въ орловской г., московской, костромской и т. д. арестуютъ агитаторовъ, разсказываютъ о генералахъ въ лентахъ, развозящихъ всякія грамоты и не брезгующихъ конфискаціей денегъ въ винныхъ лавкахъ, и много всякаго народа, повидимому, пристраивается ловить рыбу въ замутившейся водѣ деревенской жизни. Кое-гдѣ безпорядки начинаютъ принимать массовый характеръ; въ Баландѣ,—10 т. селѣ сарат. губ. сжигаютъ ярмарку, разрушаютъ телефонъ и двигаются всѣмъ скопомъ громить помѣщичьи усадьбы; и т. к. то было еще въ пору переговоровъ, а не карательныхъ отрядовъ, то покой возстанавливается послѣ исполненія требованій толпы, которыя типичны для всего этого періода: 1) освободить арестованныхъ односельчанъ и 2) вывести казаковъ и войска. Одновременно приходятъ вѣсти и о неплатежѣ податей, принимающемъ видъ демонстраціи, при чемъ особенно широко идетъ дѣло въ костромской губ. Въ отдѣльныхъ черноземныхъ уѣздахъ безпорядки становятся эпидемическими: жгутъ помѣщиковъ подрядъ, не разбирая прежнихъ отношеній. Мѣры воздѣйствія подливаютъ масла въ огонь;

въ борисоглѣбскомъ и новохоперскомъ у. въ короткое время насчитывается до сотни однихъ убитыхъ крестьянъ; помѣщики въ паникѣ бѣгутъ, а остающимся крестьяне предлагаютъ «уволиться» изъ усадебъ.

Страхъ начинаетъ разбирать и городки, охваченные кольцами пожаровъ. Въ Борисоглѣбскѣ, Ефремовѣ и др., гдѣ слухамъ о нашествіи крестьянъ довѣряютъ, принимаются мѣры по охранѣ мѣстныхъ учрежденій,—почты, банковъ и т. п. Несмотря на глубокую осень, движеніе разрастается не по днямъ, а по часамъ; отряды казаковъ, драгунъ и стражниковъ занимаютъ всѣ сколько-нибудь большія села внутреннихъ губерній, словно это не коренная русская земля, а оккупированная провинція. Жгутъ и при охранѣ, конечно, не уцѣлѣваютъ и такія имѣнья, какъ Рамонь, пр. Ольденбургскаго. Вырубаются лѣса и парки, запахиваются земли, дѣлятся луга, и къ предстоящей зимѣ помѣщики рискуютъ лишиться не только доходовъ этого года, но и самыхъ ихъ источниковъ. Страхъ начинаетъ забирать и петербургскія сферы, гдѣ владѣльцы огромныхъ имѣній такъ же многочисленны, какъ и среди высшей бюрократіи. Поэтому на всякія репрессіи не скупятся.

Въ особенности суровы были онѣ въ тамбовской губ., гдѣ губернаторомъ въ то время былъ ген. фонъ-деръ-Лауницъ; одинъ изъ членовъ тамб. губ. правленія, Луженовскій, впослѣдствіи убитый М. Спиридоновой, былъ настоящей грозой уѣздовъ, которые тѣмъ не менѣе упорствовали въ бунтовщичествѣ, такъ что приходилось прибѣгать къ угрозамъ,—«съ одного края жечь деревни, съ другого—пороть». Между тѣмъ, та же губернія оказалась почти нетронутой волненіями въ сравненіи съ сосѣдними, а когда на мѣсто Лауница былъ назначенъ Янушевичъ, то безпорядки прекратились одновременно съ репрессіями, къ которымъ новый губернаторъ почти не имѣлъ и случая прибѣгать.

Арестъ членовъ бюро крест. союза значительно способствовалъ усиленію безпорядковъ; это былъ прекрасный поводъ для агитаціи въ деревнѣ и туда двинулась цѣлая армія пропагандистовъ, которые указывали крестьянамъ на тщету мирныхъ способовъ разрѣшенія земельнаго вопроса и толкали на новыя выступленія противъ помѣщиковъ и властей. Что крест. союзу въ глубинѣ Россіи придавалось отнюдь не революціонное значеніе, можно судить по многимъ признакамъ. Такъ, кн. П. Долгоруковъ, извѣстный земскій дѣятель и сельскій хозяинъ, разсказывая въ «Правѣ» (906, стр. 24 и др.) о развитіи союзнаго движенія въ суджанскомъ у., отмѣчаетъ повсемѣстное стремленіе къ *мирному* улаженію волнующихъ крестьянъ вопросовъ; крестьянскія общества, примкнувшія уже къ союзу, безусловно въ безпорядкахъ не участвовали и даже охраняли помѣщичьи угодья отъ нападеній крестьянъ несоюзныхъ. Въ постановленіи мѣстнаго

делегатскаго съѣзда (отъ 2500 членовъ союза) прямо говорится (п. 2): «Чтобы скорѣе и вѣрнѣе достигнуть правды, счастія и благополучія и чтобы избѣжать кровопролитія, поджоговъ и разореній народомъ созданныхъ богатствъ, мы постановили присоединяться къ кр. союзу и требовать...» (далѣе идетъ рядъ положеній, вытекающихъ изъ манифеста 17 окт.). Это было какъ бы «пугачевщиной au rebours» и не могло не озабочивать правительства, тѣмъ болѣе, что аналогичныя постановленія, особенно послѣ разгрома союза, посыпались, какъ изъ рѣшета... Открытыя волненія были безконечно удобнѣе, ибо примѣненіе грубой силы въ такихъ случаяхъ было не только дѣйствительно, но и обязательно. Въ извѣстныхъ кругахъ склонны были думать, что такого рода безпорядки сознательно провоцировались въ цѣляхъ послѣдующаго устрашенія; но едва ли это бывало въ дѣйствительности, т. к. радикальные циркуляры изъ центра и неудачныя дѣйствія низшей администраціи, далеко не отвѣчавшей серьезности положенія, были вполнѣ достаточны, чтобы парализовать умиротворяющее значеніе кр. союза и т. п. организацій и толкнуть русскую деревню на путь открытыхъ возмущеній, свидѣтелемъ которыхъ сдѣлался слѣдующій годъ.

Помѣщики, однако, были довольны мѣрами правительства и также выражали иногда свою признательность демонстративными заявленіями и телеграммами. Такъ, 77 саратовскихъ помѣщиковъ телеграфируютъ гр. Витте о безукоризненномъ поведеніи карательныхъ отрядовъ, дѣйствующихъ оружіемъ только противъ вооруженныхъ же нападеній; кончаютъ помѣщики завѣреніемъ, что они стоятъ «твердо на основахъ манифеста 17 октября». Какъ извѣстно, впослѣдствіи твердость конституціонныхъ ногъ помѣстнаго дворянства значительно поослабла и даже внушала опасенія полнаго политическаго tabes'a, но въ 905 г., пока первая Дума не нанесла пораженія аграрнымъ помѣщичьимъ грезамъ, слова эти можно было принять за искреннія. Болѣе дальновидные дворяне, преимущественно изъ земскихъ дѣятелей, собирались для обсужденія реальныхъ мѣръ, не опирающихся на штыки и пушки, которыми, еще по выраженію Великой Екатерины, съ идеями не борятся. Таковы были совѣщанія въ воронежской, калужской, черниговской и др. губ. Черниговская губ. земск. управа издала даже весьма подробно разработанную программу аграрнаго вопроса, бывшую результатомъ такого совѣщанія. Но зато эти земцы и признавали за аграрнымъ движеніемъ извѣстную идейность; антагонисты же ихъ склонны были считать его, по-старому, результатомъ простой революціонной пропаганды. Такимъ образомъ, въ XX ст. сужденія аграріевъ отстали отъ приведеннаго выше мнѣнія Бибикова, раздѣлявшагося далеко не одними «казанскими помѣщиками».

Правительство, впрочемъ, не дѣлало себѣ на счетъ причинъ волненій никакихъ иллюзій и шло, повидимому, по вѣрному пути: строгаго прекращенія безпорядковъ и неотложнаго реформаторства; въ послѣднемъ было столько же дефектовъ, основанныхъ на неосвѣдомленности, сколько въ первомъ злоупотребленій, основанныхъ на безотвѣтственности. Немногія положительныя мѣры были по достоинству оцѣнены крестьянствомъ, хотя часть его, прислушивающаяся къ пропагандѣ крайнихъ теорій, и считала такія мѣры за уступки; она полагала, что добиваться дальнѣйшихъ льготъ надлежитъ все тѣмъ же насильственнымъ путемъ. Конечно, эта часть являлась ничтожнымъ меньшинствомъ въ общей крестьянской массѣ, надѣявшейся теперь на будущую Гос. Думу.

3 ноября 905 г. Высоч. манифестомъ сложены были выкупные платежи (на 906 г. въ половину, а съ 1907 и вовсе). Въ манифестѣ этомъ Гос. Императору угодно было выразить скорбь свою по поводу волненій, которыя «не улучшатъ, однако, положенія крестьянъ и родинѣ могутъ принести много великаго горя и бѣдъ». Кромѣ сложенія выкупныхъ, что должно было облегчить податное бремя на 90 м. р. въ годъ, обѣщалась усиленная дѣятельность крест. позем. банка.

Волненія, однако, не прекращались, находясь въ глубокой и органической связи съ общеимперскимъ состояніемъ; поэтому въ извѣстныхъ сферахъ выражено было опасеніе, что одной изъ причинъ продолжающагося аграрнаго движенія является неупоминаніе въ манифестѣ 17 окт. о ненарушимости частной собственности; несмотря на наивность мнѣнія, правительство поспѣшило сообщить оффиціально, что въ такомъ упоминаніи надобности не представляется, «т. к. право это (частной собственности) священно и охраняется основными законами имперіи наравнѣ съ жизнью и честью отдѣльныхъ лицъ». Въ сообщеніи, толкующемъ манифестъ 3 ноября, правительство обѣщаетъ, въ свою очередь, представить свои соображенія Гос. Думѣ; «и отъ народныхъ избранниковъ,—говоритъ оно, — въ средѣ коихъ будутъ и крестьяне, *наилучшіе толкователи своихъ нуждъ* (к. н.), должно зависѣть опредѣленіе наиболѣе соотвѣтствующихъ въ данномъ случаѣ мѣропріятій въ справедливомъ вниманіи къ нуждамъ крестьянъ и правамъ частныхъ владѣльцевъ, и къ потребностямъ государства вообще». Какъ извѣстно, соображенія эти не были представлены, и дѣятельность кабинета Горемыкина по аграрному вопросу опредѣлилась только отрицательнымъ отношеніемъ къ Думскимъ пожеланіямъ въ деклараціи 13 мая и «сообщеніемъ» населенію 20 іюня, шедшимъ окончательно въ разрѣзъ съ мнѣніями «наилучшихъ толкователей своихъ нуждъ». Тѣмъ временемъ дѣла не налаживались; крест. союзъ и съ разгромленнымъ бюро продолжалъ жить и губер-

наторы продолжали завѣрять крестьянъ, что вступленіе въ союзъ, требующій учредит. собранія, равносильно желанію «превратить Россію въ республику» (воззваніе полтавскаго губернатора); земства продолжали созывать аграрные съѣзды, съ необыковеннымъ единодушіемъ постановлявшіе все о томъ же учр. собраніи, о соціализаціи земли, замѣнѣ полиціи и земск. начальниковъ—выборными (кременчугскій съѣздъ). Понятно, что репрессіи не ослабѣвали, а принимались новыя мѣры, не всегда удачныя; такъ, нѣкоторое недоумѣніе вызвало распоряженіе м. в. д. Дурново о прекращеніи выдачи продовольственныхъ ссудъ крестьянамъ, замѣшаннымъ въ аграрныхъ безпорядкахъ. Впослѣдствіи П. Столыпину тѣмъ непріятнѣе было отвѣчать на запросъ объ этомъ дѣлѣ первой Г. Думѣ, что въ губерніи, гдѣ онъ губернаторствовалъ до министра, это распоряженіе было примѣнено едва ли не въ первую голову. Потомъ семьи арестованныхъ стали получать ссуду. При такихъ условіяхъ переходила страна въ 906 г., годъ надеждъ на Думу, годъ разочарованій съ обѣихъ сторонъ, годъ неслыханныхъ мятежей и террористическихъ актовъ.

Намъ нѣтъ возможности прослѣдить даже и крупнѣйшихъ аграрныхъ безпорядковъ этого года; достаточно будетъ упомянуть о болѣе типичныхъ случаяхъ; размѣры движеній хорошо выражаются картографически (въ III т. нашей «Лѣтописи революціи» мы даемъ такую карту); простой перечень уѣздовъ не даетъ наглядности. Довольно будетъ указать, что нѣкоторые уѣзды воронежской губ. были выжжены крестьянами и разгромлены буквально дотла, при чемъ не щадилось ничто, кромѣ помѣщичьей жизни; въ сосѣднихъ губерніяхъ было немногимъ лучше. Массы втягивались въ аграрную горячку стихійно, пьянѣя отъ огня пожаровъ не меньше, чѣмъ отъ разбиваемыхъ винныхъ погребовъ, взвинчиваясь грохотомъ разбиваемыхъ зеркальныхъ стеколъ и бросаемыхъ съ балконовъ роялей и сервизовъ такъ же, какъ ружейной пальбой карат. отрядовъ и набатомъ съ собственныхъ колоколенъ. Но горячка сплывала такъ же быстро, какъ накатывала, и на утро можно было созерцать стоящую на колѣняхъ передъ корнетомъ или становымъ ту самую толпу, которая вчера громила огромную усадьбу, кидалась съ кольями на стрѣлявшихъ стражниковъ и всячески демонстрировала буйное помѣшательство на аграрной подкладкѣ.

Рѣзко выдѣлялись въ это время очаги с.-хоз. забастовокъ, какъ по мирному теченію, такъ и по сокрушительности результатовъ. Здѣсь народъ показалъ свою способность къ организованности, такъ же неожиданно, какъ горожане во время похоронъ Баумана. Было чему удивляться, и еще больше было, чего опасаться въ будущемъ.

Въ деревнѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, отрицательно относились къ забастовочному принципу; не видя реальныхъ послѣдствій отъ пер-

выхъ политическихъ забастовокъ, крестьяне-землепашцы склонны были приписывать выступленія рабочихъ той «блажи», въ которой всегда подозрѣваетъ лапотникъ земляка въ пиджакѣ и городскихъ сапогахъ «бутылками». Но также быстро негодованіе противъ забастовокъ исчезло, уступивъ мѣсто своеобразной переработкѣ политической демонстраціи въ средство «увольненія» помѣщиковъ. Это не были с.-хоз. стачки, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. дѣйствія, клонящіяся къ улучшенію общихъ экономическихъ условій; нѣтъ, это было именно выкуриваніе помѣщиковъ путемъ назначенія безобразно высокихъ цѣнъ на свой трудъ, или предложеніе завѣдомо непріемлемыхъ арендныхъ условій; наконецъ, нерѣдко были и случаи категорическихъ отказовъ отъ работъ за какую бы то ни было цѣну. Крестьянамъ, видимо, доставляло своеобразное удовольствіе созерцаніе вчерашнихъ «господъ» въ роли чернорабочихъ—въ полѣ, въ саду, на скотномъ дворѣ. Они безжалостно брали покосы или жатву ихъ $^3/_4$ и даже $^9/_{10}$ урожая въ свою пользу, куражились надъ «бариномъ», держали его въ страхѣ за цѣлость усадьбы и хоз. построекъ. Бывали и такіе случаи, что, добивъ помѣщика путемъ стачекъ, выбравъ изъ него все, что можно, крестьяне все-таки въ одинъ прекрасный день палили гнѣзда, съ которыми связывали ихъ долголѣтнія сношенія. О случаяхъ порчи полей выпасомъ скота, уничтоженіи пограничныхъ знаковъ, увоза сноповъ хлѣба и т. п. актахъ и говорить нечего, они насчитываются многими тысячами. Борьба съ этими явленіями была въ высшей степени затруднена недостаткомъ охраны. Всѣ наличныя кавалерійскія части, усиленныя мобилизаціи казачьихъ полковъ (которые, по закону, мобилизуются только въ военное время), вольнонаемные отряды черкесовъ, трудно отличаемые отъ простыхъ кавказскихъ бандитовъ,— всѣхъ этихъ вооруженныхъ и безпощадно дѣйствующихъ людей нехватало и на десятую часть имѣній; въ первую голову отряды давались въ имѣнія высшихъ представителей власти, губернаторовъ, вліятельныхъ людей; богатые, но нечиновные, нанимали цѣлые эскадроны горцевъ или даже казаковъ, платя, по соглашенію, и за услуги постояннаго войска. Конкуренція помѣщиковъ заставляла многихъ заискивать въ солдатахъ; ихъ угощеніе и вообще содержаніе стоило огромныхъ денегъ; такимъ образомъ хорошая охрана была далеко не всѣмъ по средствамъ и среднія и небольшія экономіи были болѣе или менѣе предоставлены сами себѣ, имѣя помощь лишь въ сосѣдствѣ, а не на усадьбахъ. При всемъ томъ и воинская охрана не всегда могла бороться со стачечнымъ движеніемъ; въ хорошо организованныхъ селеніяхъ крестьяне держали себя во время забастовокъ особенно скромно, не къ чему, такъ сказать, и придраться было.

А хлѣбъ гнилъ на корню. И вотъ читаемъ о странныхъ «вольныхъ

работахъ»: по ночамъ, при свѣтѣ луны или лѣтней зари солдаты отрядовъ, днемъ сторожившіе, убираютъ помѣщичій хлѣбъ или молотятъ его! Легко видѣть, какую жестокую путаницу во взаимоотношенія арміи, народа и привилегированнаго сословія вводили порядки, царившіе во всемъ пространствѣ земледѣльческой Россіи въ 905—906 гг., и какъ долго не распутается узелъ, затянутый здѣсь частію по неумѣлости, частію по неизбѣжности! Шансы будущаго, къ тому же, распредѣлялись отнюдь не равномѣрно. Помѣщики наиболѣе подвергались дѣйствію всей совокупности условій государственной жизни, ослаблялись матеріально, а духовно никогда не были сильны; солдаты карательныхъ и охранныхъ отрядовъ возвращались въ деревни и на фабрики, гдѣ налетъ легкой и развращающей жизни по дворянскимъ гнѣздамъ быстро сходилъ подъ вліяніемъ пропаганды и созерцанія безправія, нищеты и вырожденія того самаго народа, отъ котораго они такъ усердно охраняли дворянъ; крестьяне же выходили изъ борьбы не только матеріально не ослабленными, ибо ихъ existenz-minimum давно дошелъ до своего низшаго предѣла, но и поправившимися даже за счетъ возросшихъ заработныхъ цѣнъ; самое же главное—они вынесли значительный стачечный опытъ, сознаніе силы коллективныхъ дѣйствій, противъ чего немедленно и были предприняты правительствомъ совершенно правильныя, съ его позиціи, мѣры—разрушеніе общины, насажденіе хуторовъ и т. д.—все, что могло разъединить организацію, опасную для благосостоянія тѣхъ «130,000» человѣкъ, о которыхъ такъ вѣрно и грустно было замѣчено, что и они станутъ скоро рѣдки, какъ «зубры».

Такъ все болѣе и болѣе запутывалось дѣло. И въ то время, какъ оппозиціонныя партіи и все крестьянство были солидарны въ убѣжденіи, что распутать его можно только радикальной перестановкой интересовъ 130,000 и 130 милліоновъ, — возможной, конечно, лишь при демократизаціи госуд. строя и парламентаризмѣ, представители правительства и его оффиціозные защитники не уставали говорить о незыблемости отношеній къ землѣ, якобы въ Россіи столь же самобытныхъ, какъ и другія черты строя.

И обѣ стороны продолжали итти своимъ путемъ разрушенія, мало загадывая о будущемъ. Одни громили усадьбы, захватывали поля и лѣса, кидали камнями и стрѣляли въ стражниковъ и казаковъ, другіе искореняли сельскую крамолу. Что намѣренія были просты и рѣшительны, заключаемъ по слѣдующему циркуляру м. в. д. П. Н. Дурново, оглашенному кіевскимъ ген.-губ. Сухомлиновымъ: «Сегодня въ мѣстности Кагарлыкѣ, кіевск. губ., въ имѣніи Черепкова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настойчиво предлагаю,

какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ, приказать немедленно истребить силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли: судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаніями. П. Дурново». Оставляя въ сторонѣ вопросъ квалификаціи сожженія жилищъ въ случаѣ сопротивленія, представляется невполнѣ понятнымъ мнѣніе министра о томъ, что бунтовщики могутъ позволить истреблять себя «безъ сопротивленія»; и не все ли равно убиваемому, останется цѣлымъ послѣ него жилише, или нѣтъ? Такимъ образомъ сопротивленіе было неизбѣжно, а слѣдовательно и карательные поджоги. Еще ранѣе кременчугскій ген.-губернаторъ объявилъ, что будетъ сжигать усадьбы и хозяйство (?) виновныхъ не только въ насиліяхъ, но и въ простыхъ захватахъ чужихъ земель; а нѣсколько позднѣе черниговская губ. зем. управа уже выдавала страховыя преміи погорѣльцамъ, представившимъ правильно составленныя вѣдомости, въ которыхъ въ графахъ «причина пожара» значилось: «поджогъ по приказанію ген. Рудова». Это былъ жандармскій генералъ, находившійся въ то время въ карательной командировкѣ. О его дѣйствіяхъ былъ сдѣланъ первой Думой запросъ министру вн. дѣлъ, но за роспускомъ Думы отвѣта не послѣдовало. Несомнѣнно, что поджоги такого типа не были постояннымъ явленіемъ; и пожалуй чаще жгли крестьянъ (черезъ подкупленныхъ лицъ) обозленные и обездоленные помѣщики, отчаявшіеся въ своемъ спасеніи; и во всякомъ случаѣ зарево отъ ихъ собствннныхъ усадебъ было ярче и шире, чѣмъ отъ палимыхъ генералами и корнетами деревень; это зарево заставляло передвигать по Россіи цѣлые отряды войскъ, чтобы во-время поспѣвать повсюду; предусмотрительные администраторы улавливали иногда признаки приближающагося аграрнаго взрыва, и правительство спѣшило направить на помощь имъ достаточныя силы; такъ, 25 мая проходилъ изъ гор. *Гродно* въ *Саратовъ* воинскій поѣздъ съ солдатами и пушками «на усмиреніе предполагаемыхъ безпорядковъ». Что передвиженіе войскъ было необычайно, видно по просьбѣ военнаго министра не задолго до созыва 1-й Думы, объ ассигнованіи на этотъ предметъ сверхсмѣтно 7 милліоновъ руб. Гос. Сов. сократилъ эту ассигновку до 4 мил., но, вѣроятно, ихъ не хватило. Графики товарнаго движенія должны были значительно терпѣть отъ экстренныхъ дополненій, которыхъ нельзя было предвидѣть, какъ во время войны. Подъ конецъ, начали вооружаться и крестьяне; кіевскій губернаторъ отмѣчаетъ это особымъ циркуляромъ, приказывая вскрывать подозрительныя почтовыя посылки,

но, конечно, это не помогаетъ и оружіе въ деревнѣ дѣлается заурядной находкой при повальныхъ обыскахъ. Наконецъ, и бомбы появляются на деревенскихъ улицахъ, какъ признакъ полнаго слiянія ихъ съ городскими, гдѣ терроръ въ эти мѣсяцы переходилъ въ сплошныя убійства кого ни попало, лишь бы убиваемый принадлежалъ къ бюрократическому, военному или полицейскому міру. Кидали бомбы въ помѣщичьи дома, у открытыхъ оконъ которыхъ сидѣть было опасно (аткарскій у.), были и другіе случаи бомбометанія; жизнь въ усадьбахъ становилась все мрачнѣй, столкновеніе съ войсками чаще, кровопролитнѣй и упорство крестьянъ возростало по мѣрѣ выясненія безсилія первой Думы внести въ деревню успокоеніе путемъ широкой аграрной реформы. За короткое время существованія Думы можно насчитать до трехъ десятковъ однѣхъ крупныхъ стычекъ въ родѣ Ноготинской (до 100 пострадавшихъ), Алексѣевской (гдѣ село было обложено цѣлымъ войскомъ подъ командой генерала), Каменской (кіев. губ.), Кочетовской (тамбов. г.), и мн. др. Сложность положенія увеличивалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ деревнѣ перекрещивалась пропаганда всѣхъ направленій.

Начиная съ раздаваемыхъ по приказамъ губернаторовъ (Петерб. губ.) листковъ (изданіе «друзей порядка и свободы») подъ заглавіями въ родѣ «открытаго письма храброму воинству земли русской», «о выборахъ членовъ Гос. Думы изъ крестьянскаго населенія» и т. под. и до свободныхъ разъѣздовъ агитаторовъ-землевладѣльцевъ въ родѣ г. Дяткова (тульск. губ.), составлявшаго приговоры въ духѣ партіи «за Царя и порядокъ», которая и оплачивала эти экскурсіи (Бирж. Вѣд.),—всѣ виды т. наз. черносотенной литературы и словеснаго воздѣйствія переплетались съ проповѣдью крайняго революціонизма; легальная пресса, со времени войны прочно засѣвшая въ деревнѣ, еще болѣе вышибала изъ колеи привыкшихъ жить въ мертвящей тишинѣ людей, ибо каждый день несъ тогда столько событій большого значенія, что разобраться въ нихъ, систематизировать, сдѣлать сколько-нибудь опредѣленное предположеніе на ближайшее будущее было не подъ силу не только крестьянству, но и профессіональнымъ политикамъ. Страна качалась какъ маятникъ, отъ несбывшихся ожиданій до несбыточныхъ надеждъ на какія-то чудеса, которыхъ не случается въ жизни народовъ. Казалось, что все сдвинулось со своихъ мѣстъ и не можетъ осѣсть на нихъ снова; только одно росло общее для всѣхъ слоевъ, всѣхъ партій убѣжденіе, что *такъ* долго продолжаться не можетъ и что споръ между народомъ и чиновничествомъ не замретъ уже на новыя десятилѣтія, какъ замиралъ послѣ вспышекъ прежнихъ лѣтъ. Что касается до упованій на первую Думу, то они держались вплоть до ея роспуска; но постепенно граница ихъ ухо-

дила отъ Таврическаго дворца вглубь страны и потому можно было предвидѣть, что часть населенія, вѣрившая въ Думу, не сможетъ реагировать на ея роспускъ, а слѣдовательно и на выборгское воззваніе уже по одной своей темнотѣ и забитости; тамъ могли снаряжать новыхъ «ходоковъ», удостовѣряться, правда ли, нѣтъ, что «депутатовъ перевѣшали» или «разсадили по тюрьмамъ», но и все. *Эта* деревня постепенно погружалась «на дно», съ котораго подняла ее волна движенія, унося съ собой обломки старозавѣтныхъ кумировъ, возстать которымъ уже никогда не суждено. Зато *другая* деревня, деревня с.-х. забастовокъ, аграрныхъ безпорядковъ, митинговъ и шествій съ флагами и пѣснями, могла затихнуть только съ поверхности; довѣряться покою было бы пагубно, но довѣрія со стороны правительства къ ней и нѣтъ; оно спѣшно дробитъ все, что сколько-нибудь отзывается организаціей, коллективизмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ выполнять по-своему и часть крестьянскихъ пожеланій въ области землеустройства и землепользованія. Мѣры эти цѣликомъ относятся къ послѣдумскому періоду и мы перечислимъ ихъ ниже, во второй части этой работы. Теперь же, отмѣтивъ послѣдовавшую еще до созыва Думы (февр. 1906 г.) отмѣну всѣхъ циркуляровъ быв. мин. земледѣлія Кутлера, касавшихся дѣятельности крестьянскаго банка и облегчавшихъ крестьянамъ пріобрѣтеніе земель, мы перейдемъ къ аграрнымъ проектамъ первой Думы. Въ основѣ ихъ лежало увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, а вопросъ о принудительномъ отчужденіи послужилъ поводомъ къ роспуску Думы. Менѣе извѣстно, что довести крестьянское землевладѣніе даже до предѣловъ нормъ положеній 19 февр. 1861 г. физически невозможно; достаточно ознакомиться съ трудомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса и спеціалиста по русскому землевладѣнію, А. А. Кауфмана, чтобы отбросить въ сторону всякую надежду на уничтоженіе малоземелья какъ въ настоящемъ, такъ тѣмъ болѣе въ будущемъ времени. Единственнымъ выходомъ (ибо переселеніе является лишь ничтожнымъ палліативомъ за полнымъ истощеніемъ земельнаго переселенческаго фонда) будетъ, вѣроятно, то направленіе с.-хоз. политики, о которомъ говорилъ проф. Тимирязевъ; она потребуетъ не менѣе коренной реформы гос. строя, чѣмъ программа большинства первой Думы, принадлежавшаго къ партіи народной свободы (к.-д.); аграрный проектъ этой партіи (т. наз. записка 42-хъ) перечислялъ рядъ мѣръ, основанныхъ на принципѣ принудительнаго отчужденія и послужилъ базой для пространныхъ преній (другіе проекты, съ рѣзко выраженной с.-д. окраской, имѣли лишь декларативное значеніе). Крайнюю правую представлялъ, въ сущности, одинъ кабинетъ Горемыкина, въ лицѣ гг. Стишинскаго и Гурко, не разъ выступавшій

на защиту діаметрально противоположныхъ взглядовъ. Въ первой Думѣ это было напраснымъ трудомъ. Аграрная комиссія, состоявшая изъ 99 ч., и въ которую входило не мало крестьянъ, огромнымъ большинствомъ стояла за отчужденіе части помѣщичьихъ земель за вознагражденіе. Болѣе сотни ораторовъ, говорившихъ по вопросу, дали въ рѣчахъ своихъ богатый матеріалъ для работъ комиссіи, которой со стороны правительства не было передано никакихъ данныхъ для составленія законопроекта по земельному вопросу. Было очевидно только, послѣ деклараціи кабинета 13 мая, что принципъ отчужденія все равно не пройдетъ; но въ началѣ работы немногіе думали, что тутъ и кроется поводъ къ будущему и недалекому уже роспуску. Комиссія работала напряженно, начавъ въ то время, когда еще и самое конституированіе палаты невполнѣ было закончено. Съ самаго начала было ясно, однако, что вопросъ расширяется до размѣровъ, которыхъ ранѣе нельзя было предвидѣть, и что главный, въ глазахъ правительства, факторъ—экспропріація частныхъ владѣній, составляетъ лишь ничтожнѣйшее изъ затрудненій въ разрѣшеніи земельной проблемы; предстояла упорная работа *годами* и только немедленное привлеченіе самой страны къ этой работѣ въ лицѣ предполагавшихся мѣстныхъ землеустроительныхъ комитетовъ и реформированнаго земства могло внести въ труды Думы должную планомѣрность и направленіе; послѣднее, вѣроятно, отошло бы далеко отъ к.-д. программы, построенной на централистическомъ началѣ; но уже въ первые дни Думы выяснилась такая разница во взглядахъ на рѣшеніе задачи о землѣ въ группахъ депутатовъ, соотвѣтствовавшихъ отдѣльнымъ областямъ Россіи, что объ общегосударственномъ земельномъ фондѣ, напр., и думать не приходилось. Какъ бы то ни было, и самое мѣсто, отведенное первой Думой аграрному вопросу, въ ущербъ задачамъ разрѣшенія началъ манифеста 17 окт., и отзывчивость депутатовъ, не устававшихъ говорить о землѣ, и негодованіе министерства, и судьба самой Думы, распущенной по поводу аграрнаго сообщенія,—все это было глубоко знаменательно: важность дѣла говорила, такъ сказать, сама за себя. Тамъ, въ деревнѣ, пока только кормившей старое государство, лежало будущее и самого новаго строя, его фундаментъ, пока въ сыромъ видѣ; кладкой его хотѣли заняться первые народные представители; по своему складываетъ его теперь и правительство при безмолвіи парламента.

Кто и что будетъ строить на разрушенной общинѣ, крестьянскомъ банкѣ и бюрократическихъ землеустроительныхъ учрежденіяхъ, покажетъ ближайшее будущее, въ ожиданіи котораго затихла пока деревня.

VIII.

Волненія въ арміи и флотѣ.

Здѣсь придется намъ коснуться области, являющейся для большинства въ ореолѣ неприкосновенности. Армія—этотъ лучшій сынъ народа, какъ бы хранится въ замкнутомъ со всѣхъ сторонъ сосудѣ, вскрытіе котораго и доселѣ признается иными чѣмъ-то въ родѣ святотатства. Нужно проще относиться къ простымъ вещамъ. Вооруженная сила современныхъ государствъ, созданная самымъ процессомъ мобилизаціи земель и націй въ чудовищные по величинѣ и функціямъ организмы, столько же есть собственность народа, сколько правительство, о которомъ давно сложилась поговорка, что «всякій народъ своего заслуживаетъ»; и если критика составныхъ его частей есть не только естественное право націй, но и прямая ихъ обязанность, то тѣмъ болѣе относится это къ арміи, замкнувшейся въ особый классъ, по величинѣ и стройности организаціи играющей въ жизни страны, и особенно въ смыслѣ защиты ея, огромную роль.

Отъ здороваго состоянія этого органа зависитъ благополучіе, иногда самая жизнь всего государственнаго тѣла; всякое привитіе къ нему болѣзней, съ какой бы стороны ни исходило, является настоящимъ государственнымъ преступленіемъ и грозитъ жестокими потрясеніями. Мы не имѣемъ возможности посвятить много мѣста изслѣдованію причинъ, возникшихъ въ 905—06 гг. волненій въ частяхъ арміи и флота, да важнѣйшія изъ нихъ и общеизвѣстны. Въ сущности говоря, начало лежитъ далеко позади нашего времени, а именно въ эпохѣ введенія института всеобщей воинской повинности. Въ 1874 г. Россія окончательно разсталась съ арміей профессіональныхъ солдатъ, при томъ вовсе не потому, что принципъ обязанности каждаго за-

щищать свое отечество восторжествовалъ надъ старыми взглядами, а просто изъ необходимости всегда имѣть такое число солдатъ для войны, какое могутъ выставить другія державы. Ибо, если безспорна обязанность защищать свою родину, то всегда подвергалась сомнѣніямъ обязанность всякаго гражданина нападать на другія страны; вотъ почему, напр., законодательство Германіи запрещаетъ правительству брать для колоніальныхъ войнъ любыя части, указывая единственный способъ—вызовъ добровольцевъ и особыя ассигнованія парламента. Но при современной сложности международныхъ отношеній, когда изъ всякой авантюры колоніальнаго характера могутъ выйти и міровая война, и безкровное, позорное пораженіе въ родѣ того, что Россія только что перенесла на Балканахъ, роли всѣхъ армій равны; всѣ правительства стремятся поэтому, къ увеличенію ихъ, словно сами сознавая необходимость наступленія того момента, когда эти силы сами придутъ въ движеніе для взаимоуничтоженія и очищенія мѣста новымъ, истинно культурнымъ генераціямъ гражданъ и правительствъ. Но въ какомъ бы положеніи ни находился споръ о необходимости постоянныхъ армій, все равно армія не должна служить ни предметомъ оскорбительныхъ нападокъ, ни пропаганды. Съ той поры, что войско рѣзко раздѣлилось на профессіоналовъ (офицерскій корпусъ, съ его подготовкой съ дѣтскаго возраста и опредѣленной карьерой до старости) и временно призываемыхъ подъ ружье солдатъ (3—5 л. службу подъ знаменами, 10—12 л. запаса и 4—5 л. ополченія), началось и естественное ихъ разобщеніе; носителями боевыхъ традицій остались одни офицеры (ничтожный процентъ сверхсрочныхъ нижнихъ чиновъ не идетъ въ счетъ), ими же создавался извѣстный духъ части, становившійся также традиціоннымъ. Невольно замыкались они въ нѣчто подобное старымъ кастамъ, съ ихъ особыми интересами, отчужденіемъ отъ общегражданской жизни, съ непониманіемъ этой жизни и въ спокойное-то время, а тѣмъ болѣе—въ тревожное.

Съ другой стороны, солдаты не теряли во время службы связи съ землей и ея интересами, какъ было раньше, и шумъ жизни не находилъ ихъ слухъ атрофированнымъ. Вотъ почему и пропаганда легко проникла въ солдатскія массы, гдѣ всегда насчитывался контингентъ лицъ, изъ бывшихъ рабочихъ или просто хорошо грамотныхъ крестьянъ, которые оказывались драгоцѣнными помощниками агитаторовъ въ казармахъ и даже на поляхъ сраженій, какъ случилось въ послѣднюю войну.

Слѣдуетъ признать, что рѣдко когда такъ благопріятствовали обстоятельстаа политической пропагандѣ, какъ со времени объявленія войны Японіи. Четверть вѣка, протекшая послѣ турецкой войны, ослабила воспоминанія о подвигахъ русскихъ войскъ на Дунаѣ, Бал-

канахъ и въ центральной Турціи; недостатки, выясненные войной, по большей части не были исправлены, а нѣкоторые изъ нихъ (интендантство, полевая тактика войскъ, техническія части) прогрессировали, подъ вліяніемъ мирнаго времени, безотвѣтственности и отсутствія контроля печати и общества, еще сильнѣй.

Теперь всякому извѣстны несчастныя обстоятельства этой войны, явившейся, какъ и всѣ войны, экзаменомъ самаго государства. Въ общей бѣдѣ всѣмъ надлежитъ работать надъ пересозданіемъ условій русской жизни, потерпѣвшей крахъ, и 17 октября 905 г. Монархъ и призвалъ всѣхъ къ такой работѣ; однихъ—какъ лучшихъ людей,—въ законодательствѣ, другихъ—давъ свободу слова. Скрывать свои язвы, значитъ стыдиться ихъ и не лечить; открывать—значитъ признавать ихъ преходящими и излечимыми. И свѣтовой способъ здѣсь показуется политической медициной, какъ единственно надежный. Съ этой точки зрѣнія всѣ три Гос. Думы солидарны въ своихъ сужденіяхъ и рѣчи по военному бюджету лидера октябристской партіи, подвергаемой обычно нападкамъ, заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія и вниманія.

Когда безпорядки въ арміи и флотѣ приняли чрезвычайные размѣры (послѣ роспуска первой Думы), извѣстія о нихъ какъ-то сразу прекратились. Это обстоятельство, неестественность котораго очевидна, не могло успокоить общественнаго мнѣнія, взволнованнаго признаками разложенія арміи. Но достаточно и тѣхъ данныхъ, что проникли въ печать между октябремъ 905 и концомъ 906 г., чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о размѣрахъ національнаго бѣдствія, каковымъ, безъ сомнѣнія, является революціонизированіе арміи. Еще во время войны доходили свѣдѣнія о пропагандѣ въ маньчжурскихъ войскахъ, а вскорѣ начались и случаи безпорядковъ, сначала единичныхъ, потомъ и массовыхъ.

Ликвидація войны сопровождалась, такимъ образомъ, не только военнымъ позоромъ, потерей части государствен. территоріи и уплатой большой суммы денегъ за содержаніе плѣнныхъ, но и волненіями въ воинскихъ частяхъ; волненія перешли, съ безобразничавшими эшелонами запасныхъ, и по сю сторону Урала, и описываемое нами время застаетъ армію настолько затянутой въ революцію, что правительству не казалось уже иного выхода, какъ допустить въ частяхъ и пропаганду крайнихъ правыхъ партій. Каковы должны были быть послѣдствія этой политики, показали Бѣлостокскій и Сѣдлецкій погромы и возстанія во многихъ гарнизонахъ. Казармы сразу наводнились «литературой», одинаково опасной: съ одной стороны—призывы къ вооруж. возстанію, съ другой—брошюры въ родѣ той, что разсылалась батальонамъ Нижегородскаго гарнизона, подъ заглавіемъ: «Товарищи—молодые солдаты! Не щадите оружіемъ лицъ освободитель-

наго движенія!» Положеніе строевыхъ офицеровъ было чрезвычайно тяжелымъ. Весьма мало повинные въ проигрышѣ войны, они чувствовали себя еще менѣе отвѣтственными за «вольный духъ», обнаруженный солдатами послѣ нея, и естественно раздражались при столкновеніяхъ съ послѣднимъ; отсюда произошло покровительство части офицерства такъ наз. «черносотенной» литературѣ, бывшей, конечно, не менѣе недопустимой въ казармахъ.

Что касается до оффиціальныхъ изданій, въ родѣ брошюры «что далъ Имп. Николай II русскому народу», гдѣ толковались манифесты 6 авг., 17 окт. и 3 нояб. 905 г., то, въ связи съ разумными разъясненіями просвѣщенныхъ офицеровъ, они могли бы служить успокоенію арміи; но страстный тонъ большинства такихъ брошюръ, а главное—неподготовленность офицерскаго состава къ политическимъ рѣчамъ, требующимъ не только знаній, но и вдохновенія, значительно уменьшили полезный эффектъ мѣры в. м. Редигера; можно было ожидать въ рѣчахъ и въ приказахъ той же страстности, ни къ чему доброму обычно не приводящей. Такъ и случилось. Образованію солдатскаго военнаго союза, печать котораго была найдена въ штабѣ 3 арм. корпуса (Вильно), помѣшать эти мѣры не могли, а вся послѣдующая полоса волненій въ арміи была въ сущности результатомъ его вліянія. Дисциплина расшатывалась одной стороной сознательно, другой—по недоразумѣнію. Общее вниманіе возбудилъ особенно случай отличія денщика одного изъ офицеровъ Гроховскаго п., убившаго безъ свидѣтелей сосѣдскаго лакея. Извѣстно было, что, для совершенія убійства, денщикъ долженъ былъ пойти въ кабинетъ отсутствовавшаго офицера за револьверомъ. Убійца объяснилъ, что убилъ лакея за оскорбленіе Величества. И вотъ вмѣсто обычныхъ каторжныхъ работъ (ибо запальчивость исключалась отлучкой за оружіемъ), денщикъ производится въ ефрейторы, награждается деньгами, и полковой командиръ, Бончъ-Богдановскій, велитъ полку прокричать убійцѣ «ура». Случай этотъ выдавался даже и въ то время сенсацій; опасались, что всякое убійство одинъ на одинъ можно будетъ награждать, разъ убійца сошлется на оскорбленіе Величества,—преступленіе тяжкое, но грозившее убитому лакею отнюдь не смертною казнью. Справедливость требуетъ указаній, что повтореній подобныхъ прискорбныхъ случаевъ не было.

Въ то время, когда въ европ. Россіи броженіе не принимало еще общаго характера, дальневосточная армія обнаруживала уже свою революціонность самымъ рѣзкимъ образомъ. Особенно отличались возвращавшіеся изъ Японіи военно-плѣнные, которые во время плѣна были основательно подготовлены для всякихъ революціонныхъ актовъ. Ими какъ разъ и былъ произведенъ разгромъ владивостокскаго офи-

церскаго собранія, гдѣ были убиты и тяжко ранены нѣсколько офицеровъ. Броженіе шло по всей линіи отъ Владивостока къ Харбину, аресты среди солдатъ и офицеровъ помогали слабо. Запасные требовали отправки по ж. д., а не моремъ, а потомъ безчинствовали на станціяхъ, пока не разбредались по своимъ деревнямъ, готовые примкнуть къ любымъ безпорядкамъ и здѣсь. Говорили о затрудненіяхъ ген. Линевича и, очевидно, что заключеніе мира было своевременнымъ, несмотря на протесты неосвѣдомленныхъ, но патріотически настроенныхъ круговъ. Безпорядки шли crescendo; конецъ 905 г. ознаменовался рядомъ крупныхъ безчинствъ и мятежей въ гарнизонахъ Гродно, Воронежа, Кіева, Москвы, Курска, Екатеринодара, Варшавы, Риги, Проскурова и многихъ др. городовъ, при чемъ наблюдались всѣ формы нарушенія дисциплины и воинскаго долга. Гдѣ собирались на митинги и предъявляли разныя требованія, гдѣ смѣщали начальство и выбирали свое (въ Екатеринодарѣ это ознаменовалось оригинальными послѣдствіями—исчезновеніемъ изъ города хулигановъ и воровъ; разгуливали съ марсельезой по городскимъ улицамъ (Барановичи), освобождали приговоренныхъ къ смерти и укрывали виновныхъ въ этомъ (Тифлисъ), наконецъ, устраивали настоящіе бои, при чемъ часть ходила на часть (Курскъ, Батумъ и др.). Трудно сказать, что здѣсь было хуже — отдѣльные ли случаи убійствъ начальниковъ или забастовки цѣлыхъ частей? Разгромъ ли собранія, въ родѣ Владикавказа, гдѣ артиллеристы бомбардировали зданіе, разогнали офицеровъ и дамъ, нанесли оскорбленіе нач. области? Отказъ стрѣлять по приговореннымъ или при усмиреніи аграрныхъ волненій?

Весьма возможно, что дальше придется больше считаться съ вліяніемъ тѣхъ выступленій, которыя имѣли сколько-нибудь идейную подкладку, нежели передъ вспышками дикой злобы, обычно несшими скорое раскаяніе.

Мы не можемъ подробно останавливаться на отдѣльныхъ случаяхъ,—это потребовало бы много времени и мѣста. Выдавались безпорядки въ Тамбовѣ (кавалерійскаго кадра, атакованнаго другими кав. частями гарнизона), въ Батумской крѣпостной артиллеріи, въ Бобруйской крѣпости, въ Любуцкомъ лагерѣ, неоднократныя волненія Курскаго гарнизона, въ Одессѣ (посылка наказа Гос. Думѣ); наконецъ, настоящіе бунты произошли въ сибирскомъ полку, севастопольской артиллеріи, въ тульскомъ гарнизонѣ, Красноярскѣ, въ болховскомъ полку. Достаточно сказать, что за одни лѣтніе мѣсяцы 906 г. печатно были отмѣчены безпорядки и волненія болѣе, чѣмъ въ ста двадцати частяхъ русской арміи, чтобы очертить размѣръ движенія въ ней.

Затронутъ былъ и гвардейскій корпусъ. Многія изъ причинъ успѣха пропаганды въ арміи отсутствовали здѣсь; гвардія содержа-

лась, въ смыслѣ довольствія пищей, одеждой, обувью и казармами— безукоризненно и даже роскошно. Зато въ этихъ условіяхъ коренилось баловство, къ которому привыкаютъ тѣмъ легче, чѣмъ меньше оно заслужено. Не бывшія на войнѣ части гвардіи привыкли къ легкой службѣ по дворцовымъ карауламъ, къ проведенію свободнаго времени въ солдатскихъ клубахъ, къ милостямъ и знакамъ отличія, къ красивымъ формамъ. На этой почвѣ возникали совершенно нелѣпыя требованія объ «улучшеніи пищи», отпусковъ съ выдачей денегъ на проѣздъ, отлучки изъ казармъ въ ночное время и т. под. Невольное сближеніе съ рабочими кругами во время непрестанныхъ охранъ и усмиреній по заводамъ и фабрикамъ повело къ проникновенію и въ гв. казармы нелегальной литературы, а то и агитаторовъ, особенно въ лагерное время, когда трудно услѣдить за каждой палаткой. Лѣтомъ 906 г. тамъ собирались огромные митинги, при чемъ ораторами выступали и посторонніе и свои солдаты. Отбивались отъ руки даже наиболѣе наблюдаемыя части; исторія въ Преображенскомъ полку была предостереженіемъ, и суровая кара, постигшая начальство полка и первый его батальонъ, была вполнѣ заслужена, хотя и не имѣла, при нынѣшнихъ условіяхъ службы, того значенія, что во времена 25 лѣтней повинности. Безпорядокъ, произведенный въ резиденціи Государя Императора первой и древнѣйшей частью русской гвардіи, былъ отмѣченъ многими, какъ признакъ окончательнаго разложенія войска, но не слѣдовало преувеличивать значенія его: эпидемическій характеръ многихъ явленій того времени сказался здѣсь, въ этихъ большей частью ненужныхъ и даже иногда безтолковыхъ требованіяхъ, очевидно, инспирированныхъ со стороны, съ особенной силой; исцѣленіе наступило такъ же быстро, какъ и болѣзнь. Правда, при ежегодной смѣнѣ третьей части всего состава полка, ни одна изъ частей не застрахована отъ возникновенія внутри ея смуты, но послѣдняя будетъ совсѣмъ иного характера; бороться съ нею будетъ нѣсколько труднѣе, чѣмъ съ мятежами, но слѣдуетъ думать, что коренныя преобразованія всего государственнаго строя на основѣ манифеста 17 окт. внесутъ такое глубокое удовлетвореніе въ большинство населенія, что всякая крайняя агитація не будетъ уже терпима самими солдатами. Что касается до случаевъ грабежей, совершенныхъ отдѣльными нижними чинами гвардіи, то они были тогда даже ниже обычнаго въ войскахъ процента уголовныхъ преступленій и не имѣли никакого отношенія къ революціонному движенію, которымъ увлечены были даже и такіе, въ общемъ, косные, элементы арміи, какъ казаки. Сообразно съ условіями быта мѣнялись и поводы къ волненіямъ, чѣмъ искусно пользовался военный союзъ, повсюду имѣвшій своихъ членовъ; поэтому, напр., въ запросахъ и требова-

ніяхъ казачьихъ частей доминируетъ неудовольствіе повторными мобилизаціями. Какъ мы уже отмѣтили, мобилизаціи льготныхъ казачьихъ полковъ производятся, по закону, только въ военное время, и исключеній ни разу за все время существованія казачьихъ частей не было. Когда писался законъ, не предвидѣли ни революціи, ни ея размѣровъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, для карательныхъ и охранныхъ дѣйствій внутри страны пригодны исключительно конные отряды, какъ наиболѣе подвижной родъ войска; вся кавалерія, вернувшаяся съ войны, и была разбита по ненадежнымъ мѣстамъ, въ томъ числѣ и казаки. Когда явилась надобность въ новыхъ отрядахъ, ихъ неоткуда было взять, кромѣ какъ изъ льготныхъ казачьихъ очередей, и мобилизаціи ихъ производились по необходимости. Къ сожалѣнію, необходимость эту въ войсковыхъ земляхъ сознавали весьма мало, и снятіе съ пахоты огромнаго числа работниковъ и кормильцевъ семей не могло не раздражать женской половины населенія и стариковъ; письма ихъ—сыновьямъ и мужьямъ поддерживали извѣстное недовольство въ строевыхъ казакахъ, а на немъ уже вышивали узоры свои—пропаганда и наблюденіе жизни внутренней Россіи, сравненіе земельнаго положенія и достатка своего и крестьянъ черноземныхъ губерній. Въ заводскихъ центрахъ оказывало вліяніе и общеніе съ организованными рабочими (Юзовка, Москва, Петербургъ и др.). Въ заявленіяхъ и резолюціяхъ своихъ, казаки, какъ и другія части арміи, часто смѣшиваютъ политическія пожеланія съ чисто хозяйственными, мѣстными; видно, какъ къ заученнымъ неселеніемъ Россіи извѣстнымъ, общимъ всѣмъ прогрессивнымъ программамъ, пунктамъ о Думѣ, учред. собраніи, избирательномъ правѣ и свободахъ, присоединялись нужды повседневности, такія болѣзненныя въ быту простыхъ, бѣдныхъ людей. Требованія экономическаго характера по возможности удовлетворялись, но земли оставались дома все же безъ нужнаго числа работниковъ. Въ наказахъ Думѣ, запросахъ начальству, всюду говорится о демобилизаціи казачьихъ полковъ, возвращеніи на родину. Традиціонный страхъ передъ этими войсками и ихъ нагайками начинаетъ проходить подъ вліяніемъ частыхъ случаевъ отказа отъ репрессивныхъ дѣйствій, даже отъ стрѣльбы по демонстрантамъ. Случались и болѣе рѣзкія проявленія чисто-революціоннаго броженія въ казачьей средѣ. Особенно печально прославились урупцы (2 урупскій п.). И воззваніе ихъ, и баррикады сдѣлались извѣстными далеко за предѣлами родного ихъ Майкопа. Воззваніе, съ оригинальной подписью: «По вынужденію Урупцевъ и въ огражденіе спокойствія города разрѣшилъ къ печатанію и. д. пол. Ромащукъ», говорило о томъ, что урупцы слѣпо повиновались начальству при внутреннихъ усмиреніяхъ до манифеста 17 окт., но послѣ него, не видя перемѣны въ своихъ обя-

занностяхъ и собственномъ положеніи, рѣшили требовать возвращенія домой. А какъ въ этомъ естественно было отказано, то ушли они самовольно. Въ заключеніе въ 5 пунктахъ перечисляются требованія; тутъ и Дума, и демобилизація, и приварочныя деньги, и безнаказанность за самовольство. Неоднократно также выражаются вѣрноподданическія чувства. Кончилось дѣло тѣмъ, что урупцы возвели чуть не долговременныя укрѣпленія въ своей станицѣ (Гіагинской, Кубанской области), подкрѣпились недовольными изъ сосѣднихъ станицъ, были осаждены по всѣмъ правиламъ искусства и сдались, наконецъ, благоразумно избѣжавъ кровопролитія.

Изъ приказовъ по кубанскому войску ген. Одинцова, нак. атамана, видно, что не одни урупцы волновались и нарушали дисциплину; атаманъ перечисляетъ и части, и ихъ преступленія: шесть пластунскихъ батальоновъ (№№ 13—18) также отказались отъ службы во внутреннихъ губерніяхъ и частію были возвращены по домамъ, какъ дезорганизованные и негодные къ усмиреніямъ люди. На донесеніи объ этомъ Государь Императоръ положилъ слѣдующую резолюцію: «Вотъ не ожидалъ, чтобы пластуновъ могла коснуться пропаганда. Объявить пластунамъ 14, 15 и 17 батальоновъ, что они опозорили себя въ моихъ глазахъ». Въ другомъ приказѣ, по случаю предстоящей осады урупцевъ въ ихъ окопахъ наказной атаманъ приглашаетъ все кубанское войско выразить свое отвращеніе къ мятежникамъ путемъ сбора станичныхъ сходовъ и соотвѣтствующихъ постановленій. Результаты этого обращенія неизвѣстны.

Приходилось напоминать казакамъ ихъ обязанности и нельзя не указать, что не всегда напоминанія эти могли способствовать водворенію порядка. Одинъ изъ характерныхъ приказовъ (въ г. Николаевѣ, по 7 дон. полку) гласитъ буквально слѣдующее: «1) Завтра, 20 января, въ городѣ ожидаются безпорядки. 2) Гг. офицерамъ къ 9 ч. утра собраться на полковой дворъ и быть со своими частями въ готовности на случай вызова въ помощь гражданскимъ властямъ. 3) Внушить всѣмъ казакамъ, что въ случаѣ появленія красныхъ флаговъ или демонстраціи—рубить шашками или же еще лучше—сейчасъ же спѣшить нѣсколько человѣкъ и обстрѣлять». Отсюда видно происхожденіе обычныхъ въ то время нареканій, что «казаки врѣзались безъ предупрежденія», «стрѣляли по мирно шедшей толпѣ» и т. под. Казаки только исполняли соотвѣтствующіе приказы.

Казачьи депутаты первой Думы, среди коихъ были представители всѣхъ политическихъ партій, впервые ознакомили въ рѣчахъ своихъ широкіе общественные круги съ положеніемъ своихъ избирателей; какъ видно, недовольство вызывалось, главнымъ образомъ, нарушеніемъ обычной жизни казаковъ въ мирное время, а затѣмъ уже различными неурядицами полкового хозяйства и станичными дѣлами,

шедшими по указкѣ атамановъ по назначенію или зависимыхъ отъ начальства. Во всякомъ случаѣ, казачьи войска сослужили правительству за годы волненій дѣйствительно огромную службу и въ этомъ отношеніи были полной противоположностью русскому флоту, покрывшему себя одинаково безславными подвигами и на войнѣ и дома. Но прежде, чѣмъ перейти къ флоту, остановимся еще на минуту на тѣхъ объясненіяхъ волненій, которыя исходили отъ самихъ бунтовщиковъ, поскольку, конечно, объясненія эти не подсказаны агитаторами во время составленія резолюцій и требованій. Мы уже видѣли, что урупцы пытались связать свой поступокъ съ неисполненіемъ манифеста 17 октября, которое они приписывали исключительно злой волѣ начальства, выражая и впредь готовность проливать кровь свою за Монарха. Слогъ ихъ письма указываетъ на нѣкоторую самостоятельность, чего нельзя сказать о письмѣ подсудимыхъ саперной роты севастоп. крѣпости, гдѣ въ пространныхъ выраженіяхъ, цѣликомъ выхваченныхъ изъ брошюръ того времени, оправдываются чисто-революціонныя дѣйствія, въ ожиданіи, что «вотъ, вотъ восторжествуетъ то великое дѣло, за которое смѣлые потемкинцы взялись»; затѣмъ перечисляются домашнія причины, тараканы въ хлѣбѣ и черви во щахъ, и въ общемъ не трудно видѣть, что броженіе во многихъ частяхъ носило поверхностный характеръ, поскольку дѣло касалось политико-соціальной стороны движенія. Въ этомъ отношеніи характерно дѣло роты пет. электротехнической школы, состоящей сплошь изъ довольно развитыхъ людей и во время забастовокъ работавшей въ разныхъ городскихъ предпріятіяхъ, гдѣ она и соприкасалась съ другими рабочими. Бунта не было, рота самовольно построилась и подала списокъ пожеланій изъ 31 пункта, при чемъ «политическимъ» можетъ быть развѣ названъ одинъ 27 п. («освобожденіе рядового Бѣлоусова»); рота была арестована и водворена въ Петропавловскую крѣпость, не оказавъ сопротивленія и не оскорбляя начальства. На судѣ выяснилось, что рота (147 ч.) помѣщалась въ крѣпости въ сыромъ, мало топившемся сараѣ (въ ноябрѣ), спали на сырой, почти не мѣнявшейся соломѣ. Въ результатѣ оказался большой % заболѣвшихъ, отправленныхъ въ больницу, и на судѣ нѣкоторымъ по болѣзни разрѣшено было сидѣть во время отвѣтовъ. Приговоръ былъ суровъ. Выяснилось только полное разобщеніе съ офицерами, то же затаенное недовѣріе къ нимъ, что питали крестьяне къ окружающимъ ихъ властямъ, словомъ, тѣ чувства, на которыхъ не созидается прочнаго государственнаго строя и которыя должны исчезнуть вмѣстѣ съ усмотрѣніемъ и безотвѣтственностью, съ водвореніемъ закона на подлежащее ему высокое мѣсто. Но пока продолжаются прежнія отношенія, трудно ждать дѣйствительнаго обновленія арміи.

Морское вѣдомство раньше выработало тотъ кастовый духъ, который наряду съ хорошими, преимущественно боевыми традиціями, несетъ въ себѣ и черты, совершенно несовмѣстимыя съ условіями современнаго государственнаго строя и съ усложнившейся техникой самого морского дѣла. Безконтрольное почти распоряженіе огромными суммами, защита спиной высокопоставленныхъ главныхъ начальниковъ, родство и непотизмъ, все слиплось здѣсь въ непроницаемыя переборки, сквозь которыя съ трудомъ проникаютъ даже и снаряды послушной и робкой третьей Думы. Учебное заведеніе, дающее всѣхъ офицеровъ флота, еще сильнѣй сплачивало эту группу въ семью, гдѣ соръ изъ избы рѣдко выносился; немудрено, что ко времени первой серьезной пробы и самый флотъ оказался лишь кучей сора, затонувшей у Цусимы и Артура. Перепроизводство въ офицерахъ (было время, что одинъ офицерскій и классный чинъ проходился на 3 нижнихъ!) сдѣлало то, что плавать приходилось весьма немногимъ, а цензовая система пришила къ берегу еще больше высшихъ чиновъ, получавшихъ значительное содержаніе. Возлѣ постройки судовъ выросла цѣлая система хищеній, бороться съ которыми пока не подъ силу никому, почему палаты и стараются сокращать морскіе кредиты, какъ это ни опасно въ военно-морскомъ отношеніи. Что совершенно необычно, такъ это содержаніе (или внесеніе въ смѣту) состава чиновъ не по дѣйствительному флоту, а по затонувшему и плѣненному! При такихъ условіяхъ матросскій составъ проходилъ мимо устойчиваго, связаннаго общностью интересовъ и грѣховъ, офицерскаго, какъ вешній снѣгъ, не останавливая на себѣ особеннаго вниманія и давно утративши воспоминаніе о морякахъ стараго закала, временъ паруснаго флота; съ ними связывали его развѣ только грубости и побои, пережившіе всѣ эпохи и чувствовавшіе себя, какъ дома и на современныхъ левіаѳанахъ моря, среди новѣйшихъ машинъ и орудій. Въ смыслѣ общаго развитія, грамотности и культурности, матросы оставались позади даже армейскихъ солдатъ, а служба ихъ была не только длительнѣй на 2—3 года, но и гораздо тяжелѣй. Суровая дисциплина въ морѣ попрежнему смѣнялась свободой и разгуломъ на берегу и здѣсь-то сводились теперь широкія знакомства въ рабочихъ кругахъ; здѣсь ждали вчерашнюю «матрозню» и завтрашнихъ революціонеровъ агитаторы и книжки. Начальство продолжало не обращать вниманія на это движеніе, довольное и тѣмъ, что порядокъ на судахъ не нарушался. Тамъ, гдѣ матросы значительную часть времени проводили на берегу, какъ въ Кронштадтѣ и Севастополѣ, они больше подвергались дѣйствію пропаганды, а постоянное участіе въ митингахъ несло съ политическимъ развитіемъ, и распущенность въ дисциплинѣ. Безпорядки начинались постепенно, съ единичныхъ слу-

чаевъ, и кончались такими грандіозными мятежами, какъ на «Потемкинѣ». Насколько сложна психологія простого человѣка и какъ неосторожно было въ теченіе чуть не вѣковъ третировать его, какъ дикаря, можно судить по судьбѣ Матюшенко; незамѣтный матросъ, но хорошій организаторъ, увлекающій другихъ, настоящій звѣрь по поступкамъ въ началѣ возстанія, смирный рабочій въ Бухарестѣ и цинично повѣствующій въ Парижѣ о своихъ убійствахъ анархистъ,— онъ возвращается въ Россію, которую не переставалъ любить, какъ птица, летящая отъ жаркихъ пирамидъ въ Вологодскую тундру, на вѣрную смерть въ висѣличной петлѣ. И сколько кроется во всякой ротѣ, стоящей недвижно передъ офицеромъ, этихъ сложныхъ людей, требующихъ бережнаго, любовнаго къ себѣ отношенія, такъ легко при томъ соединимаго со всей строгостью воинской дисциплины! Кто знаетъ, возможно, что старые арміи и флоты стояли выше въ этомъ отношеніи со своими шпицрутенами и кабальными сроками службы...

Адм. Бирилевъ, морской министръ, издавая свой приказъ (19 дек. 1905 г. № 273) объ исключеніи изъ службы чиновъ морского вѣдомства, «противодѣйствующихъ начинаніямъ правительства», могъ быть покоенъ; за исключеніекъ отставного лейтенанта Шмидта, корпусъ морскихъ офицеровъ почти никого не далъ въ ряды оппозиціи, какъ боевой, такъ и мирной; но далъ зато рядъ неслыханныхъ мятежей, всей тяжестью возлагаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ на его вину. Бѣгство офицеровъ съ «Памяти Азова» въ іюлѣ 1906 г. было только характерной иллюстраціей къ взаимо-отношеніямъ образованныхъ и крѣпкихъ традиціями потомковъ севастопольскихъ героевъ и русскихъ матросовъ; послѣдніе же ничего кромѣ ненависти къ начальству и не обнаруживали, т. к. политически были попрежнему слѣпы.

Манифестъ 17 октября былъ той дверью, въ которую вырвалась давно накипѣвшая ненависть къ своей судьбѣ, подневольной и тяжелой; и безпорядки вспыхивали, какъ частые артиллерійскіе выстрѣлы, здѣсь и тамъ, не давая опомниться и внушая серьезныя опасенія за участь всѣхъ морскихъ силъ Россіи. Въ началѣ октября разгорается огромный пожаръ въ Севастополѣ; матросы и солдаты гарнизона дѣйствуютъ совмѣстно, берутъ съ боя казармы, наводятъ пушки на городъ, подымаютъ красные флаги и, видимо, пьянѣютъ отъ временной удачи. Лейтенантъ Шмидтъ принимаетъ команду надъ эскадрой, большая часть которой все же остается въ нерѣшительности, но попытка сдѣлать что-нибудь безъ руководства офицеровъ терпитъ естественное крушеніе, и разобщеніе начальниковъ съ подчиненными, быть можетъ, впервые оказывается полезнымъ для государства. Мятежъ затихаетъ съ плѣненіемъ популярнаго лейтенанта, но судъ надъ нимъ и разстрѣлъ закладываютъ новый горючій матеріалъ

подъ неуспѣвшій остыть костеръ. Адмиралъ Чухнинъ справедливо пишетъ въ своей депешѣ отъ 17 ноября: «Военная буря затихла, революціонная—нѣтъ. Русскихъ людей, невидимо для нихъ, ведутъ къ междоусобной войнѣ, къ самоуничтоженію. Всѣ это понимаютъ, нѣтъ величія духа для противодѣйствія». Послѣднія слова особенно вѣрны: конечно, противодѣйствіе революціи требуетъ прежде всего *величія духа* и не оттого ли длится доселѣ то безысходное положеніе, въ которомъ глохнуть, атрофируются въ ожиданіи радикальныхъ реформъ лучшія силы страны, какъ растенія, отъ солнечнаго свѣта накрытыя непроницаемымъ щитомъ.

Офицеры черноморской эскадры отозвались на событія въ ноябрѣ двумя постановленіями: «Экстр. собранія» соединенныхъ каютъ-кампаній судовъ практич. эскадры (14 ноября) и частнаго соединеннаго совѣщанія на броненосцѣ «Ростиславъ» 16 ноября. Въ обоихъ указываются пожеланія улучшить бытъ матросовъ, просьбы о судѣ *не* по законамъ военнаго времени и разрѣшеніи офицерамъ помѣстить въ печати описаніе событій. Хода этимъ документамъ дано, конечно, не было, но частичныя мѣры къ улучшенію матросскаго быта начали приниматься довольно поспѣшно. Въ судьбѣ Шмидта принимали живѣйшее участіе всѣ оппозиціонные круги, но вырвать этого «гражданина, лейтенанта и соціалиста внѣ партій», какъ онъ подписывался въ письмахъ изъ тюрьмы, обращенныхъ къ обществу, изъ рукъ смерти было невозможно. Равнымъ образомъ не облегчена была участь матросовъ, осужденныхъ за мятежи до 17 октября, и часть ихъ горько сѣтуетъ въ письмѣ изъ московск. тюрьмы на «несбывшіяся глубокія думы о свободѣ» потому, что ихъ «не только забыло правительство, но забыли даже тѣ, кто были вожаками въ революціонномъ возстаніи». Какъ уже упоминалось, кронштадтскіе безпорядки, по дѣлу о которыхъ были осуждены эти матросы, носили характеръ простого буйства и если жертвы его были относительно велики (убито и умерло съ обѣихъ сторонъ отъ ранъ 26 ч., ранено 107, пропало безъ вѣсти 34), то лишь вслѣдствіе паники и нераспорядительности, охватившихъ администрацію города и начальство. Матросы гонялись за адмиралами съ камнями и громили лавчонки, кричали о свободѣ и пѣли пьяныя пѣсни, словомъ — дѣйствовали, какъ только во всѣхъ отношеніяхъ дезорганизованная масса можетъ дѣйствовать. Подъ судъ попало 207 человѣкъ, изъ которыхъ 84 были оправданы. Во владивостокскихъ безпорядкахъ въ январѣ 1906 г., когда погибла и извѣстная шлиссельбургская узница, Л. Волкенштейнъ, а комендантъ крѣпости и нѣсколько офицеровъ были ранены, матросы принимали лишь незначительное участіе. Кровопролитіе произошло здѣсь на почвѣ недовольства, остававшагося еще отъ войны; пропаганда плѣнныхъ,

вернувшихся изъ Японіи, и неумѣнье властей согласовать манифестъ 17 октября со сложившимися въ военномъ мірѣ отношеніями и порядками, докончили развалъ дисциплины. Офицерскій составъ въ громадномъ большинствѣ оставался такъ же чуждъ освободительному движенію, какъ и тому общенію съ солдатами, безъ котораго нѣтъ сильной арміи. Но въ немъ какъ бы намѣчались отдѣльныя теченія, склонныя слиться съ общенароднымъ, при томъ теченія всѣхъ оттѣнковъ, отъ умѣренно-октябристскаго до соц.-революціоннаго. Начать съ того, что находились лица, считавшія непріемлемымъ для себя подчиненіе гражданской власти, при вызовахъ во время волненій, которые и уходили въ отставку (Минскъ); другіе проявляли независимость мнѣній и выходили изъ конфликта съ начальствомъ, конечно, побѣжденными; такъ много говорили въ свое время о случаѣ въ инженерномъ уч., профессоръ котораго, Марковъ, послѣ 17 октября препроводилъ при письмѣ въ редакцію газеты «Наша Жизнь» нѣкоторую сумму на памятникъ «въ честь великихъ мучениковъ за свободу, возвѣщенную царскимъ манифестомъ», какъ писалъ онъ въ открытомъ письмѣ начальнику училища и академіи ген. Саранчову. Въ этомъ же письмѣ Марковъ излагаетъ исторію его преслѣдованій вплоть до отставки и указываетъ на ярко политическую дѣятельность высшихъ чиновъ инженераго вѣдомства, какъ членовъ «Русскаго Собранія»; далѣе онъ ссылается на документальныя доказательства полнаго сочувствія къ его поступку юнкеровъ и профессоровъ и приглашаетъ своего бывш. начальника къ третейскому суду по поводу дѣйствій послѣдняго, имѣвшихъ послѣдствіемъ вынужденную отставку подполковн. Маркова. Гораздо болѣе значенія имѣло письмо 104 офицеровъ читинскаго гарнизона о солидарности ихъ съ пожеланіями, высказанными на солдатскихъ митингахъ объ учред. собраніи и объ учрежденіи ими «союза военнослуж. читинскаго гарнизона». Но здѣсь чувствовалась та политическая страстность, которая едва ли была къ лицу представителямъ регулярной арміи, а обѣщаніе оружіемъ «помогать борцамъ за народную свободу» отзывало той легкостью отношеній къ серьезнѣйшимъ революціоннымъ проблемамъ, которой такъ отличались всѣ вообще тогдашнія организаціи. Обѣщанія давались безъ малѣйшей мысли объ ихъ исполненіи. Поэтому надлежитъ искать болѣе спокойнаго сужденія о задачахъ арміи послѣ 17 октября, и мы находимъ въ высшей степени опредѣленное изложеніе взглядовъ на этотъ вопросъ офицеровъ 2 п. Сибирско-Читинскаго полка, подписанное командиромъ, ген. Румшевичемъ, офицерами, нач. штаба 1 сиб. дивизіи и классными чинами полка. Документъ этотъ заслуживаетъ дословной передачи (цит. по «Праву», 906, стр. 525).

«Прибывъ въ Читу, мы были возмущены крайне нелѣпыми слу-

хами о принадлежности Читинскаго полка къ какой-то партіи, стремящейся причинять насиліе гражданамъ г. Читы, а посему мы, офицеры Читинскаго полка, заявляемъ:

1) Мы вполнѣ сочувствуемъ происходящему въ настоящее время въ Россіи освободительному движенію и передачѣ законодательной власти представителямъ народа.

2) Армія, по нашему мнѣнію, есть достояніе всего государства, а т. к. государство составляетъ весь народъ, то она не должна принадлежать ни къ одной изъ существующихъ партій или союзовъ. Въ противномъ случаѣ, одна изъ партій, къ которой присоединилась (бы?) армія, имѣла бы соблазнъ употребить силу арміи на подавленіе другихъ партій, что противно свободѣ, признанной въ Россіи.

3) Армія имѣетъ своей задачей исключительное обезпеченіе родины отъ внѣшнихъ враговъ, нападающихъ на наше отечество открытою силою, и исполняетъ приказанія того правительства, которое въ каждый моментъ признается въ Россіи законнымъ.

4) Армія, или часть ея, въ виду объявленной въ Россіи неприкосновенности личности, не можетъ производить ни убійства, ни другого какаго-либо насилія надъ мирными жителями Россіи, къ какой бы партіи граждане ни принадлежали, и кто бы къ арміи ни предъявлялъ требованія такія—насилія совершить.

5) Мы считаемъ позоромъ подавленіе какой бы то ни было политической партіи силою оружія и употребленіе послѣдняго противъ манифестацій и демонстрацій, протекающихъ мирнымъ порядкомъ.

6) Въ борьбѣ различныхъ политич. партій Читинскій полкъ не принимаетъ на себя полицейскихъ обязанностей, но въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, угрожающихъ окончиться кровопролитіемъ, мы, читинцы, впредь до сформированія полиціи достаточной силы, будемъ считать долгомъ по требованію гражданскихъ властей принимать участіе въ предупрежденіи и прекращеніи братоубійственной войны-рѣзни.

7) Мы давно сознаемъ необходимость самыхъ коренныхъ реформъ въ арміи и будемъ привѣтствовать проведеніе ихъ законодательнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространеніе среди нижнихъ чиновъ идей, направленныхъ на униженіе въ войскахъ дисциплины и возбужденіе антагонизма между офицерами и солдатами, мы признаемъ вреднымъ для арміи и будемъ стараться воспитывать нижнихъ чиновъ въ духѣ честнаго исполненія долга передъ родиной».

Именно этимъ задачамъ былъ посвященъ прогрессивный военный журналъ, основанный вскорѣ по открытіи Гос. Думы и закрытый по распоряженію военнаго министра. Въ немъ принимала участіе группа офицеровъ ген.-штаба и распространеніе журнала указывало на значительную популярность въ арміи его программы. Репрессіи по отно-

шенію къ офицерамъ такого направленія были суровы; даже офицеры-слушатели Владивостокскаго Восточнаго Института, присоединившіеся къ январской резолюціи офицеровъ владивост. гарнизона, извѣстной подъ именемъ резолюціи «101», были отчислены отъ института; строевыхъ ожидали отставки, переводы и аресты; принимавшихъ активное участіе въ партійной дѣятельности приходилось отдавать подъ судъ.

Обращали на себя вниманіе злоключенія от. поручика Перлашкевича, литератора, и кап. Гжатскаго полка, Шаманскаго, просившаго не посылать его для усмиренія предполагавшихся безпорядковъ на фабрику и осужденнаго за свой рапортъ на 1 г. 4 мѣс. въ крѣпость съ исключеніемъ со службы. Впослѣдствіи судъ относится ко всякаго рода уклоненіямъ офицеровъ отъ правительственныхъ предначертаній еще строже и, напр., группа офицеровъ, обратившаяся съ письмомъ по поводу вызова на дуэль деп. Якобсона пор. Смирнскимъ, была судима военнымъ судомъ и строжайше наказана. Аресты среди офицеровъ были довольно часты и во всѣхъ крупныхъ гарнизонахъ находилось нѣкоторое число привлекаемыхъ за политич. дѣятельность; но дѣйствительную сенсацію произвелъ арестъ ген.-лейт. Холщевникова въ г. Читѣ, 21 марта 906 г. Ему вмѣнялись въ вину всѣ событія въ читинскомъ гарнизонѣ, и хотя на судѣ обнаружилось, что всякое иное поведеніе этого выдающагося администратора повлекло бы за собой неисчислимыя бѣдствія для того же гарнизона и могло бы роковымъ образомъ отозваться на самомъ ходѣ волненій сибирской арміи, генералъ былъ приговоренъ къ отставленію отъ службы. Мало того, воен. министру Редигеру, женившемуся на дочери опальнаго генерала, было поставлено въ счетъ крайними правыми партіями это чисто семейное дѣло. Словомъ сказать, безпристрастіе, въ отношеніи къ чинамъ и связямъ казавшихся неблагонадежными военныхъ, было полное и ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ не было произведено такой коренной чистки. Свѣдѣнія о ней, правда, не достигаютъ большой публики, не читающей военнаго оффиціоза, «Инвалида», а о волненіяхъ сообщать было запрещено, при чемъ губернаторы получали эти распоряженія черезъ мин. вн. дѣлъ. кіевск. губернатору разрѣшено было конфисковать газеты немедленно и не стѣсняясь непринятіемъ такихъ мѣръ судомъ. Военное министерство всячески ограждало солдатъ и офицеровъ отъ движенія, но мѣры не достигали цѣли будь то высокіе заборы у казармъ и желѣзныя сѣтки въ ихъ окнахъ запрещеніе читать прогрессивныя газеты или перлюстрація и шпіонство. Выведеніе арміи изъ политической борьбы дѣло не легкое и, конечно, не однѣми репрессіями оно достигается.

IX.
Терроръ. Экспропріаціи.

Если волненія въ арміи и флотѣ являются самымъ опаснымъ и безотраднымъ симптомомъ при расчетахъ на будущее, то онѣ, по крайней мѣрѣ, не оставляютъ по себѣ въ моментъ ликвидаціи судомъ того гнетущаго впечатлѣнія, что бываетъ послѣдствіемъ ежедневнаго, такъ сказать, мятежа гражданъ, выражающагося въ террористическихъ актахъ. Безъ конца говорено и писано о причинахъ террора и невозможности его искорененія иначе, какъ уничтоженіемъ причинъ; правительство къ этому, однако, не склонялось; за то оно чуть не входило въ былыя времена въ переговоры о перемиріяхъ, словно это были двѣ воюющія стороны, а не одно государство, гдѣ отсутствовалъ только покой, растущій изъ свободы, какъ волшебное дерево факира — у всѣхъ на виду. Мы должны взять явленіе, каково оно есть, и отмѣтить только его теченіе; что касается до попытокъ остановить убійства авторитетнымъ голосомъ Гос. Думы, то гдѣ онъ, этотъ предполагаемый авторитетъ молодого русскаго парламента? Жизнь протекаетъ мимо Таврическаго дворца, теперь еще дальше, чѣмъ въ 906 г.; но и тогда къ нему склонялся слухъ, развѣ только крестьянъ, ждавшихъ земли, да русскихъ жирондистовъ, думавшихъ, что «отъ слова станется» и что 17 октября вырыло пропасть между старымъ и новымъ строемъ. Этого не случилось и терроръ, развившійся еще задолго до революціоннаго взрыва, нашелъ въ немъ только новое подкрѣпленіе. Но что касается до основного взгляда самихъ террористовъ на свое печальное ремесло самоуправцевъ, то нѣтъ лучше того освѣщенія, что бросаетъ на него протестъ Исполнит. Комитета русскихъ соц.-революціонеровъ противъ убійства президента Гарфильда. Они пишутъ (Кеннанъ «Сибирь и ссылка», т. I, стр. 352): «Выражая американскому народу глубокое соболѣзнованіе по случаю смерти президента Д. А. Гарфильда, Исполн. Комитетъ считаетъ долгомъ заявить отъ имени русскихъ революціонеровъ свой протестъ противъ насильственныхъ дѣйствій, подобныхъ покушенію Гито. Въ странѣ, гдѣ сво-

бода личности даетъ возможность честной идейной борьбы... въ такой странѣ политич. убійства, какъ средство борьбы—есть проявленіе того же духа деспотизма, уничтоженіе котораго въ Россіи мы ставимъ своей задачей. Деспотизмъ личности и деспотизмъ партіи одинаково предосудительны» и т. д. Очевидно, что еслибъ современные соц.-революціонеры были таковы, какъ ихъ предшественники эпохи 80-хъ гг. прошлаго вѣка, и 17-го октября «возможность честной идейной борьбы» дѣйствительно была бы осуществлена, то терроръ прекратился бы самъ собой. Но ни того, ни другого не было. Страшное развитіе террора и, соотвѣтственно съ нимъ, охраны чиновъ правительства и высокопоставленныхъ лицъ окончательно смѣшали эти нѣкогда раздѣльныя группы, и дѣла Азефа, Жученко и др. показали, что никто уже не отличитъ теперь, гдѣ кончается террористъ и гдѣ начинается провокаторъ. На идейныя убійства, если только кровопролитіе можетъ быть идейно, насѣлъ толстый слой грязи, отмыть которую будетъ нелегко. Послѣ разгрома с.-р. боевой организаціи, въ которой Азефы далеко не переведены, систематическій терроръ, нужно надѣяться, не скоро возстановится; въ этомъ отношеніи разоблаченіе провокатора принесло несомнѣнную пользу странѣ и правительству, которому придется бороться только съ одиночными и небольшими групповыми покушеніями, при нынѣшней охранѣ почти невозможныхъ. Но самая идея будетъ жить, и политическія убійства будутъ долго еще волновать государство и подвергать судьбы его всяческому риску. Нельзя покойно работать теперь ни на одномъ сколько-нибудь отвѣтственномъ правительственномъ посту и немыслимо требовать хладнокровія и доброжелательности отъ людей, у которыхъ разлетаются дома и калѣчатся дѣти. Злоба родитъ злобу. И опять же только правительство можетъ сказать: «баста!» и прекратить казни. Остается ждать, когда общія условія создадутъ моментъ, который далъ бы толчокъ къ реформамъ глубокимъ, какъ сама жизнь, къ прощенію полному и отъ души, къ примиренію однихъ съ тѣмъ, что безотвѣтственности не выноситъ воздухъ XX вѣка, а другихъ съ тѣмъ, что исторія не знаетъ бѣшеныхъ скачковъ отъ абсолютизма къ демократ. республикамъ.

Что терроръ не есть какое-либо самодовладѣющее явленіе,—чертополохъ, самосѣвомъ испортившій ниву, — а строго закономѣрное послѣдствіе опредѣленной системы, всего лучше выясняется наблюденіями надъ отдѣльными періодами. Такъ, послѣ 17 окт. и вплоть до января 906 г., т.-е. въ періодъ относительной свободы и пока не опредѣлились окончательные виды правительства, терроръ значительно ослабъ. За октябрь и ноябрь онъ рѣзко палъ; съ половины декабря, вмѣстѣ съ репрессіями, вызванными вооруженными возстаніями

и безпорядками въ войскахъ, число убійствъ и покушеній замѣтно повысилось. Убиты ген. Сахаровъ, разслѣдовавшій причины аграрныхъ волненій, комиссаръ Борнъ, ранены въ Уфѣ вице-губернаторъ Келеповскій, Климовичъ въ Вильнѣ (впослѣдствіи помощникъ ген. Рейнбота), да наблюдались еще случаи самосуда надъ попавшимися въ руки революціонеровъ сыщиками. Но вотъ наступаетъ 906 г. Толки о томъ, что созывъ Гос. Думы якобы отсрочивается, осязательность репрессій, преувеличенные слухи объ и безъ того страшныхъ дѣйствіяхъ карат. экспедицій Мина, Ренненкампфа и др.,—все создавало атмосферу, насыщенную недовѣріемъ, злобой и отчаяніемъ. И терроръ оказался на днѣ этой революціонной реторты, какъ продуктъ новаго ея подогрѣванія. Невозможно въ короткомъ обзорѣ перечислить всѣхъ пострадавшихъ за первую половину 906 г. (до роспуска Думы), но опять же можно найти большой пробѣлъ въ мрачной лентѣ террора, это—конецъ апрѣля и начало мая, пока была надежда на амнистію. Два акта, почти совпавшіе съ открытіемъ Гос. Думы, были очень поставлены въ счетъ оппозиціи,—покушеніе на адм. Дубасова и убійство на судостроительномъ заводѣ ген. Кузьмича; но ближайшее изслѣдованіе обоихъ актовъ указало, что покушеніе на Дубасова было дѣломъ рукъ правительственнаго агента, Азефа, а Кузьмичъ, пользовавшій всеобщей любовью рабочихъ, не могъ быть жертвой Исполн. Ком. с.-рев. партіи и погибъ, очевидно, по другимъ причинамъ. Дѣло это такъ и осталось темнымъ. Остальное время сплошь отмѣчено убійствами должностныхъ лицъ и покушеніями. Не останавливаясь на каждомъ хронологически, отмѣтимъ крупнѣйшіе акты: покушенія на черниговск. губернатора Хвостова, иркутскаго в.-губернатора (полиціймейстеръ убитъ при этомъ), на минскаго губернатора Курлова, первое покушеніе на адм. Чухнина (дама,—была разстрѣляна тутъ же на дворѣ, безъ суда), два покушенія на гр. Келлера, командира драгунск. полка (не смѣшивать съ гр. Ѳ. Э. Келлеромъ, геройски погибшимъ на войнѣ), на ген. Неплюева (анархистскій актъ, пострадали дѣти и публика на церковномъ парадѣ), на ген. Алиханова (первое покушеніе) и ген. Тимофеева (Тифлисъ). Затѣмъ убійства: пензенскаго полиціймейстера, нач. смоленскаго жандармск. управленія Гладышева, полковника Савельева, ком. Котельническаго батальона; екатеринославскаго ген.-губ-ра Жолтановскаго, ген. Лисовскаго, убитаго въ Пензѣ по ошибкѣ вмѣсто нач. жанд. отд-нія ген. Прозоровскаго, получившаго письмо о предстоящемъ «исправленіи ошибки»; тверского губ. Слѣпцова (бомба; разорванъ на части вмѣстѣ съ экипажемъ), обвинявшагося молвой въ попустительствѣ погрому въ октябрѣ 905 г., Гапона (найденъ на дачѣ полусгнившимъ, въ петлѣ; узнать лицо было нелегко,—отсюда

легенда о томъ, что Гапонъ живъ); Филонова—сов. полтавск. губ. правленія (упомянутъ выше); ген. Грязнова, основателя тифлисскаго военнаго союза (полит. партія съ программой болѣе радикальной, чѣмъ «союза рус. народа»), ген. Козлова, ошибочно принятаго за Трепова въ петергофскомъ паркѣ; Луженовскаго, извѣстнаго тамбовскаго чиновника, дѣйствовавшаго подобно Филонову при разслѣдованіяхъ аграрныхъ волненій, и, наконецъ, двойное убійство обоихъ истязателей убійцы Луженовскаго, М. Спиридоновой, Аврамова и Жданова, относительно которыхъ не было принято предохранительной мѣры— отдачи подъ судъ за насиліе надъ связанной арестанткой. Особенно много толковъ было именно по дѣлу Спиридоновой. Благодаря откровенному разсказу ея о поведеніи Аврамова и Жданова, она сдѣлалась предметомъ вниманія и сочувствія не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Можетъ быть поэтому Спиридонова не поплатилась за убійство страшной казнью. Возлѣ этого акта вообще было много возбуждающаго; суд. слѣдователь вынужденъ былъ обратиться къ печати съ сенсаціонными разоблаченіями того, какъ открыто замазывались слѣды преступленія и какъ ему самому мѣстныя власти угрожали за настойчивое желаніе снять допросъ съ подсудимой, искалѣченной еще до водворенія въ тюрьму. За другими событіями говоръ смолкъ и мѣсто Луженовскаго въ общественномъ вниманіи занялъ Филоновъ, благодаря извѣстному письму В. Г. Короленки. Затѣмъ поднялся шумъ уже съ другой стороны, по поводу покушенія на Дубасова. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день въ Петербургѣ засѣдалъ 4 имперскій съѣздъ партіи народной свободы (к.-д.) и говорили, будто пришедшее на засѣданіе извѣстіе о московскомъ покушеніи вызвало единодушные аплодисменты аудиторіи. Долго спустя, предс. Гос. Совѣта Акимовъ повторилъ этотъ слухъ уже съ трибуны Гос. Совѣта, по поводу убійства португальскаго короля. Въ виду совершенной вздорности слуха, партія н. с., насколько припоминается пишущему эти строки, не дала никакихъ шаговъ къ его опроверженію; но въ виду высокаго мѣста, съ котораго онъ былъ повторенъ во всеуслышаніе, намъ кажется нелишнимъ возстановить это событіе по личнымъ воспоминаніямъ, въ надеждѣ, что читатель этой книги проститъ нѣкоторое отступленіе отъ плана ея.

Засѣданіе съѣзда происходило въ залѣ Тенишевскаго училища, расположенной высокимъ амфитеатромъ; въ низу его за длиннымъ столомъ сидѣли десятки корреспондентовъ, а между ними и первымъ рядомъ стульевъ, отданныхъ въ распоряженіе плохо слышащихъ делегатовъ, густой толпой стояли непомѣстившіяся въ амфитеатрѣ лица изъ публики, тѣснившейся въ проходахъ и сосѣднихъ комнатахъ. Здѣсь мѣшалъ слушать ораторовъ даже и легкій шумъ; поэтому,

когда въ сосѣднихъ залахъ узнали о покушеніи на адм. Дубасова, то громкій шопотъ обратился уже въ говоръ и очередного оратора окончательно не стало слышно; тогда я обратился къ предс. собранія съ просьбой сдѣлать перерывъ въ виду того, что все равно извѣстіе пойдетъ по амфитеатру и вниманіе собранія будетъ отвлечено. Объявленіе перерыва сопровождалось аплодисментами, характеръ коихъ можно объяснять какъ угодно, только не ликованіемъ. Для партіи, составляющей въ Думѣ большинство и считавшей себя отвѣтственной за все дальнѣйшее направленіе внутренней политики, вопросъ объ амнистіи, объявленной въ день открытія Думы, былъ *безконечно важенъ;* амнистія вносила примиреніе между двумя сторонами, дѣлала еще возможной ту совмѣстную съ правительствомъ работу, въ которую послѣ уже никто не вѣрилъ. *Покушеніе на московск. ген.-губернатора лишало партію этой надежды;* со стороны правительства былъ совершенно естественъ шагъ къ репрессіи, а не миру. Азефъ, или его вдохновители расчитали вѣрно впечатлѣніе этого акта наканунѣ открытія перваго парламента, и только они могли радоваться удачѣ. Но на съѣздѣ этихъ лицъ не было, хотя потомъ Азефъ и дежурилъ въ думскихъ кулуарахъ. Къ тому же, въ амфитеатрѣ помѣщалось не менѣе 2000 человѣкъ, членовъ же партіи к.-д. (делегатовъ и депутатовъ Думы, входившихъ на правахъ членовъ) было не болѣе 450—600 человѣкъ, остальное была обычная публика, не связанная никакими политическими заботами и среди которой могли быть свидѣтели московскихъ декабрьскихъ дней, родственники пострадавшихъ, даже сами пострадавшіе. Такимъ образомъ, аплодисменты не относились къ террористическому акту, не только безвыгодному, но роковому для партіи, par exellence *мирной.* Что касается вообще до психологіи общества въ эпохи, подобныя той, что мы переживаемъ, то она существенно отличается отъ психологіи обществъ, живущихъ въ нормальной обстановкѣ гражданской и политической свободы; не будемъ много говорить объ отмѣченномъ всѣми историками фактѣ объятій и поздравленій на петербургскихъ улицахъ въ день убійства императора Павла I, хотя тогдашніе представители петербургскаго населенія были еще больше запуганы; но пусть всякій, наблюдавшій нашу сухую, чопорную, чиновничью и военную столицу въ дни убійствъ Боголѣпова, Сипягина и Плеве отвѣтитъ себѣ, добросовѣстно и чистосердечно, развѣ не замѣчалъ онъ нѣкотораго *радостнаго* оживленія ея? Мы глубоко скорбимъ объ этомъ; въ этихъ несвойственныхъ культурнымъ людямъ признакахъ мы усматриваемъ безмѣрно бóльшую угрозу дѣлу умиротворенія страны, нежели въ самыхъ жестокихъ репрессіяхъ, въ самыхъ мрачныхъ преступленіяхъ противъ жизни, чести и собственности гражданъ; возстановленіе

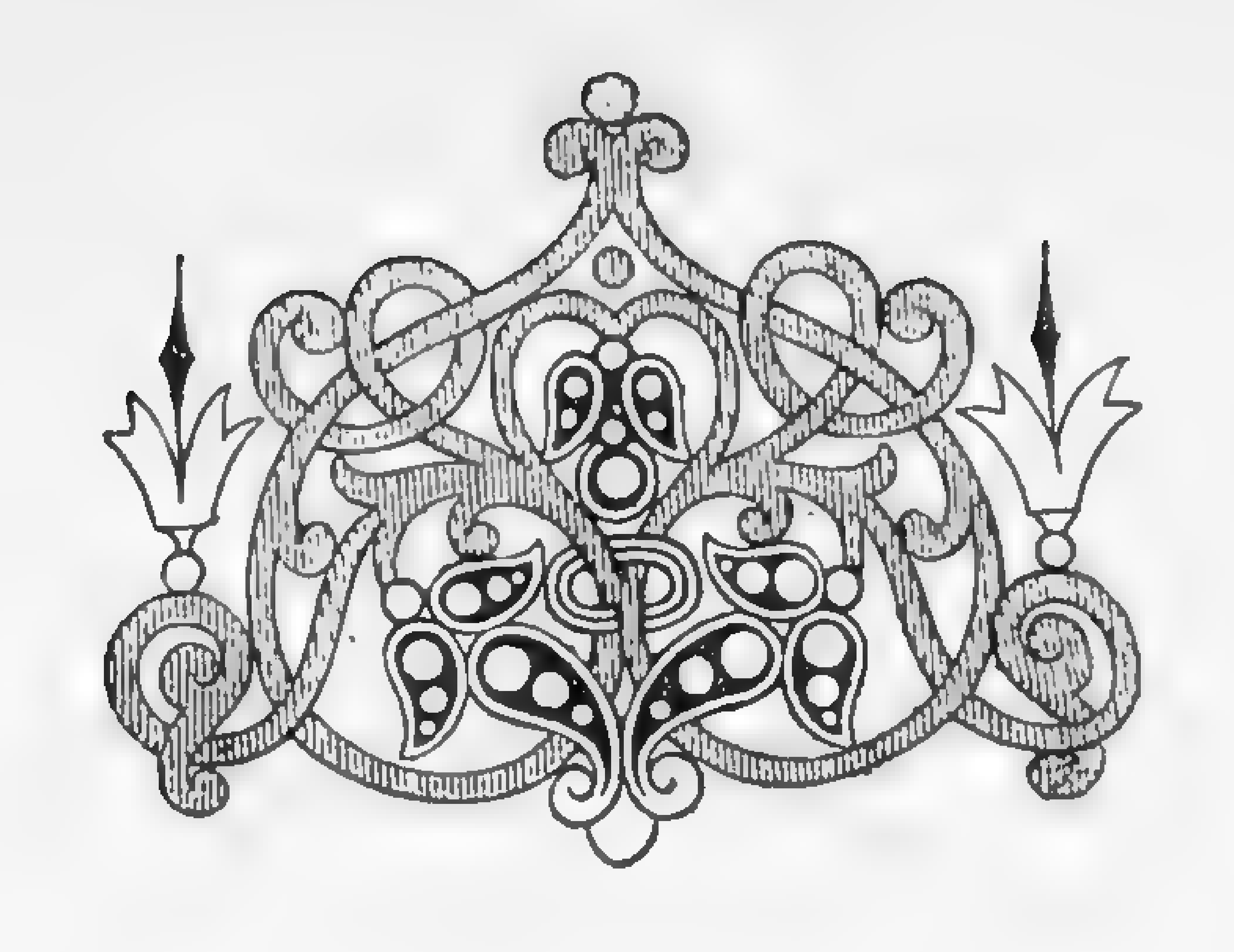
общественной психики, поколебленной режимомъ послѣднихъ десятилѣтій, не можетъ быть скорымъ дѣломъ; и Богъ вѣсть, увидитъ ли наше поколѣніе родину свою покойно залѣчивающей язвы послѣпетровскаго періода, даже и въ случаѣ скораго осуществленія политическихъ идеаловъ прогрессивной Россіи. Вотъ почему нѣтъ ничего радостнаго въ террорѣ; онъ убиваетъ однихъ, раздражаетъ и вызываетъ на новыя убійства другихъ и развращаетъ всѣхъ остальныхъ; нѣтъ ни одного слоя въ населеніи, ни одного человѣка, на которомъ бы печально не отражались тѣ кровопролитія, къ коимъ мы привыкли; *привычка*-то эта и есть признакъ разложенія нравовъ, приводившаго въ исторіи къ гибели не только цѣлыя государства, но и цѣлыя культуры. Вотъ почему ненужными и курьезными кажутся палліативы въ родѣ выраженія порицанія террору съ трибунъ законодательныхъ палатъ, на собраніяхъ, въ печати. Одно, одно средство только и есть отъ этой страшной болѣзни,—созданіе тѣхъ условій возможности честной идейной борьбы, о которыхъ мечтали и сами террористы того отдаленнаго прошлаго, когда разлагающее вліяніе террора еще не было сильно, и когда цареубійство 1 марта вызвало такой единодушный взрывъ негодованія; къ сожалѣнію, взрывъ этотъ принятъ былъ за стремленіе общества къ реакціи, и послѣдующая эпоха показала, къ чему систематическая реакція вообще приводитъ.

Бывали дни, когда нѣсколько крупныхъ случаевъ террора сопровождались положительно десятками мелкихъ покушеній и убійствъ среди низшихъ чиновъ администраціи, не считая угрозъ, путемъ писемъ, получавшихся чуть не всякимъ полицейскимъ чиновникомъ; угрожали даже банкиру Мендельсону за данныя передъ Думой Россіи деньги. Среди террористовъ начали попадаться малолѣтніе такъ же, какъ и среди казнимыхъ,—кровь разлагала и вширь и вглубь. Фабрикація бомбъ приняла гомерическіе размѣры и техника ихъ сдѣлала успѣхи такіе, что теперь положительно каждый ребенокъ можетъ изъ коробки изъ-подъ сардинокъ и купленныхъ въ аптекѣ припасовъ смастерить снарядъ, годный для взрыва его няньки. Мастерскія бомбъ открываются во всѣхъ городахъ, бомбы рвутъ самихъ мастеровъ при неосторожности, бомбы швыряютъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, бомбы встрѣчаются въ корзинахъ съ земляникой, почтовыхъ посылкахъ, въ карманахъ пальто на вѣшалкахъ общественныхъ собраній, въ церковныхъ алтаряхъ.

Несмотря на совершенно, съ юридической точки зрѣнія, исключительныя мѣры (секвестръ дома, въ коемъ найдено оружіе, военный судъ — хозяину, быть можетъ, живущему за границей и т. п.), мастерскія и склады продолжали процвѣтать, а въ Ростовѣ на Д. была открыта чуть не фабрика, съ прейсъ-курантами, отзывами кліен-

товъ о качествѣ «товара», рекламами и описаніями способовъ употребленія. Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная съ винныхъ лавокъ и магазиновъ, продолжая жандармскими управленіями (Казань) и памятниками русскимъ генераламъ (Ефимовича, въ Варшавѣ), и кончая церквами (въ Чудовѣ монастырѣ, въ Москвѣ). Анархисты открыто совѣщались иногда по трактирамъ, гдѣ ихъ осаждали отряды войскъ и полиціи, упорно оборонялись, мужественно гибли тутъ же отъ пуль или потомъ отъ петли. Подчасъ они были неуловимы и до крайности раздражали власти; такъ, когда не удалось обнаружить убійцу одного инженера, родственника П. Дурново, и мѣстная власть донесла департаменту полиціи, что «даже не предвидится отыскать слѣдовъ убійцы», то министръ на этомъ донесеніи написалъ: «Весь городъ переверните, а преступника найдите!», чѣмъ, вѣроятно, доставилъ и полиціи и обывателямъ много горькихъ минутъ. Въ Варшавѣ платятъ за убитаго террориста 50 р., за взятаго живьемъ 100 р., но именно въ этомъ городѣ и совершаются самыя смѣлыя нападенія.

За четыре мѣсяца, отмѣченные существованіемъ первой Думы, погибло отъ террористическихъ актовъ съ обѣихъ сторонъ болѣе 1500 человѣкъ; если присоединить къ нимъ число казненныхъ и убитыхъ при карательныхъ дѣйствіяхъ на окраинахъ, получимъ грандіозную гекатомбу на русскомъ просторѣ, не поражающую народъ такъ, какъ слѣдовало бы ожидать. И только наступившее обезцѣненіе человѣческой жизни, когда люди идутъ на ограбленіе 2—3 рублей или поджогъ стога сѣна изъ мелкой мести, зная, что ихъ ожидаетъ за это висѣлица, когда за покушеніе на улицѣ обстрѣливаются цѣлые кварталы (Варшава, Тифлисъ), кидаются бомбы на церковныхъ парадахъ, разрушаются министерскіе дома и казнятся малолѣтніе,—только это обезцѣненіе указало на предѣлъ огрубѣнія нравовъ, угрожающее опасностью всей будущности нашей родины. Есть надъ чѣмъ подумать и правителямъ, и управляемымъ.

X.

Первая Государственная Дума.

Почти пять лѣтъ прошло съ того знаменательнаго дня (27 апрѣля 906 г.), когда первые представители русскаго народа переступили порогъ Таврическаго дворца для законодательной работы; двѣ Думы смѣнились съ той поры, двѣ деспотіи успѣли сдѣлаться конституціонными государствами, новое пораженіе выпало на долю Россіи на Балканахъ, реакція охвачена стремленіемъ вернуть ее по ту сторону 17-го октября,—словомъ сказать, за короткое сравнительно время пережита цѣлая эпоха, по богатству содержанія, силѣ народныхъ эмоцій и кровопролитности превосходящая предыдущіе періоды сна, дремоты и медленнаго пробужденія; кажется, могло бы все это заслонить короткіе 72 дня жизни перваго парламента, могло бы внести и безстрастіе въ ихъ исторію. Но этого нѣтъ; первая Дума была какъ бы экстрактомъ того въ высшей степени сложнаго политико-соціальнаго процесса, начало котораго затеряно въ отдаленнѣйшихъ временахъ исторіи созданія московскаго царства, а конецъ отмѣченъ манифестомъ 17-го октября. Ей предстояло ликвидировать этотъ процессъ, а это было возможно только при той живой органической связи съ народомъ, въ какой и вправду находились депутаты въ моментъ своего избранія. Но позднѣе между Думой и народомъ замкнулась та стѣна бюрократизма, о которой сѣтовали еще славянофилы и которая вовсе не рушилась съ переходомъ къ конституціонному строю. Постепенно терялась изъ виду эта «Дума народныхъ надеждъ» и только голосъ ея доходилъ еще до народа, предоставленнаго снова самому себѣ и своему опекуну—все той же неосвѣженной администраціи. Непосредственное вліяніе на жизнь при этихъ условіяхъ было ничтожно, и когда 8 іюля голосъ Думы пресѣкся, то рефлекса со стороны населенія, на который надѣялись иные неосвѣдомленные люди, послѣдовать уже не могло. О первой Думѣ потому нельзя еще говорить безъ волненія, что не умерли надежды, диктовавшія ей отвѣтный адресъ, что она была отраженіемъ всѣхъ сторонъ освободительнаго движе-

нія, начиная съ демонстрацій (отвѣтъ на декларацію, аграрное сообщеніе) и митинговъ (рѣчи нѣкоторыхъ представителей крайней лѣвой) и кончая тюрьмой (выборгскій процессъ) и терроромъ—жертвами котораго стали два, быть можетъ, самые мирные депутата, Герценштейнъ и Іоллосъ. Страхъ за осуществленіе этихъ народныхъ надеждъ, стыдъ за убійства депутатовъ, сознаніе ошибки, сдѣланной лишеніемъ избирательныхъ правъ группы лицъ, ничѣмъ позорнымъ незапятнанныхъ,—все это не позволяетъ быть безстрастнымъ и тѣмъ, кто явился нравственными виновниками происшедшаго, и кто, благодаря перемѣнѣ избирательнаго закона, сталъ на время какъ бы руководителемъ внутренней политики; на время потому, что къ трехлѣтнему юбилею кадетскаго торжества и сами октябристы, въ лицѣ перваго министра, Столыпина, и своего лидера, А. Гучкова, терпятъ ужасное крушеніе подъ вліяніемъ господъ со слишкомъ опредѣленной политической репутаціей, чтобы нужно было что-нибудь добавлять для характеристики этого вліянія. Вотъ почему не пришло еще время для исторіи перваго русскаго парламента и почему всякое изложеніе событій, въ центрѣ которыхъ онъ стоялъ, неминуемо становится сухимъ, если хочетъ быть безпристрастнымъ. Не чувствуя въ себѣ, какъ бывшій депутатъ и лишенный избират. правъ за выборгское воззваніе, достаточно силы для холоднаго анализа жизни, въ горячемъ ключѣ которой прошли и его лучшіе дни жизни, авторъ этой книги и въ этой главѣ ограничится простымъ пересказомъ наиболѣе выдающихся моментовъ времени между 27 апрѣля и 8 іюля 1906 года.

Намъ надлежитъ, однако, вернуться нѣсколько назадъ и припомнить нѣсколько о выборахъ въ первую Думу и ихъ результатахъ. Избирательный законъ 6-го августа, дополненный послѣдующими Высочайшими указами, былъ достаточно широкъ для того, чтобы пропустить въ Думу представителей демократическаго направленія. Опредѣленное закономъ число крестьянскихъ депутатовъ заранѣе придавало будущему парламенту своеобразный характеръ, но въ моментъ выборовъ трудно было сказать, каково будетъ политическое направленіе этой группы. Отношеніе крестьянъ къ выборамъ было проникнуто большой серьезностью въ первыхъ стадіяхъ, но на губернскихъ собраніяхъ желаніе каждаго попасть въ Думу внесло въ результаты долю случайности; парализовалась она только той рѣзкой оппозиціонностью, которой издавна проникнуто русское крестьянство, стѣсняемое на каждомъ шагу своей жизни ограничительными законами и такой же практикой. За то отношеніе къ выборамъ со стороны партій, стоявшихъ лѣвѣе кон.-демократовъ, служило источникомъ нескончаемыхъ споровъ и недоумѣній въ прессѣ и на собраніяхъ. Казалось, что уроки, данные сорвавшимися за-

бастовками (2 и 3-й) и воор. возстаніемъ, должны были бы привести лѣвыхъ, если не къ союзу съ к.-д., о чемъ могли говорить только политическіе мечтатели, то къ участію въ выборахъ, при чемъ осуществлялась возможность широкой пропаганды своихъ идей съ парламентской трибуны. Но раздраженіе ли, психологически вполнѣ объяснимое, собственными промахами, желаніе ли дискредитировать начинавшую дѣлаться популярной к.-д. партію, надежда ли на то, что представится скоро случай наверстать проигранное—но бойкотъ выборовъ (Думы) былъ лозунгомъ соц.-демократіи, по общему мнѣнію сдѣлавшей этимъ новую ошибку; снятіе бойкота со второй Думы какъ бы подтвердило правильность этого мнѣнія. Что касается до давленія на выборы, то въ сравненіи и съ нѣкоторыми европейскими государствами, и съ тѣмъ, что было предпринято при слѣдующихъ выборахъ, слѣдуетъ безпристрастно сказать, что оно не было столь велико, какъ можно было ожидать. Въ этомъ отношеніи гр. Витте оказался достаточно на высотѣ положенія, требуя, чтобы правительство не участвовало въ выборной кампаніи; это было ему поставлено на видъ послѣ выборовъ, когда ошеломляющіе результаты ихъ вызвали понятное раздраженіе. Давленіе, конечно, было, хотя скорѣй наивное, чѣмъ планомѣрное, и большихъ результатовъ не давшее. Интересна была инструкція земскимъ начальникамъ, предлагавшая имъ удерживаться «отъ явнаго активнаго вмѣшательства» въ выборы, но слѣдить, чтобы не было насилія (?) со стороны противоправит. партій, въ томъ числѣ и к-д-въ (п. 1-й); 2 п. обязывалъ земскихъ начальниковъ вести политическія бесѣды («выяснять неосновательность программъ» указ. въ 1 п. инстр.). Всего поучительнѣй оказался 3-й п. инструкціи: «3. Во время же производства самыхъ выборовъ земск. нач-ники черезъ довѣренныхъ лицъ обязаны слѣдить за тѣми изъ ораторовъ, которые, ставя себѣ цѣлью проникновеніе въ Гос. Думу, обольщали бы крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими земельными участками. Таковыхъ ораторовъ, еслибъ они проникли въ выборныя собранія, необходимо, для правильнаго теченія выборовъ, удалять, какъ безпокойный элементъ. Самое же удаленіе таковыхъ лицъ изъ помѣщенія выборщиковъ должно производиться отнюдь не оффиціальными представителями власти, а черезъ довѣренныхъ людей». Наконецъ 8 п. дѣлалъ положеніе земскихъ начальниковъ окончательно плачевнымъ: «8. Все сіе подлежитъ строгому выполненію, не вызывая нареканія со стороны населенія». Были случаи «приказовъ» чиновникамъ мѣстныхъ учрежденій подавать голоса за правыхъ, но уже самый фактъ приказа указывалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на неудачу, ибо подача голосовъ была тайной, а маленькіе чиновники, въ большинствѣ недовольные своей судьбой и увѣренные, что никакая государственная

ломка не коснется ихъ, сплошь почти принадлежали къ такъ наз. «тайнымъ кадетамъ» и голосовали за «явныхъ». Съ другой стороны, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ партійныя отношенія были какъ-то особенно обострены, уничтожались выборныя производства, похищались или срывались списки выборщиковъ, избирателей и кандидатовъ въ Думу и т. д.—Это было давленіемъ наиболѣе грубымъ. Всякаго рода собранія, бывшія въ октябрѣ и ноябрѣ почти свободными, стали потомъ стѣсняться, но и это не отразилось на общей картинѣ выборовъ, равно какъ и нѣкоторыя дѣйствія кассаціонныхъ комиссій и отдѣльныхъ губернаторовъ (невыпуски на изб. собранія заключенныхъ въ тюрьмы выборщиковъ и т. под.).

Но вотъ выборы закончены, страсти, ими возбужденныя, улеглись. Результаты были уничтожающи для тогдашняго кабинета, большаго разгрома надежды на безличную и послушную Думу трудно было представить себѣ. Несмотря на коренные дефекты избирательнаго закона, на несомнѣнныя попытки оказать давленіе, ибо «требованіе» гр. Витте не шло дальше его личнаго отношенія къ выборамъ и у министра вн. дѣлъ руки были вполнѣ свободны,—Гос. Дума сразу оказалась «кадетской», и это еще при склонности считать всѣхъ безпартійныхъ депутатовъ умѣренными и правыми.

Однако, ходовыя среди реакціонной печати характеристики первой Думы какъ «польскоеврейской», «невѣжественной» и т. под. основаны на недобросовѣстности, а упреки въ «неработоспособности»— на недоразумѣніи; исторія всѣхъ первыхъ парламентовъ указываетъ, что ни одинъ изъ нихъ за первые 72 дня своего существованія не сдѣлалъ больше первой Думы, которой помогло то обстоятельство, что ея большинство свыклось уже съ механизмомъ работы въ многолюдныхъ засѣданіяхъ и спеціальныхъ комиссіяхъ. Что касается до умѣнья слушать и уваженія къ чужому мнѣнію, то не только для того исключительнаго времени, но и по сравненію съ любымъ европ. парламентомъ первая Дума представляла образецъ терпимости. Демонстративныя замѣчанія и даже крики (ген. Павловъ, Гурко) относились лишь къ представителямъ правительства и только тѣмъ, кто вызывалъ на нихъ собраніе тономъ или отдѣльными фразами своимъ рѣчей. Все это, впрочемъ, опредѣлилось послѣ 27 апрѣля. Большинство депутатовъ съѣхалось раньше; одни на имперскій съѣздъ к.-д-овъ, другіе изъ желанія не пропустить ни одной детали открытія Думы, освященія зданія и т. под.

Весьма возможно, что нѣкоторые изъ будущихъ депутатовъ были случайными свидѣтелями странныхъ маневровъ артиллеріи (съ одними зарядн. ящиками, по упряжи и длинѣ равными орудійной запряжкѣ) передъ зданіемъ Госуд. Думы. По всей вѣроятности, явленіе было слу-

чайнымъ, но вызвало оживленные и юмористическіе комментаріи въ обществѣ. Какъ извѣстно, пушкамъ не пришлось присутствовать при роспускѣ Думы; по случаю воскреснаго дня и увѣренности большинства депутатовъ въ томъ, что роспуска при такой обстановкѣ не воспослѣдуетъ, пустой Таврическій дворецъ былъ занятъ безъ сопротивленія нарядомъ полиціи. Но въ апрѣлѣ никто объ іюлѣ не загадывалъ; настроеніе быстро повышалось подъ вліяніемъ результатовъ выборовъ и нѣкоторой растерянности кабинета, собиравшагося уже въ отставку. Ничто, впрочемъ, не предвѣщало пока того боевого отношенія Думы къ правительству, которое ясно обнаружилось послѣ обнародованія за нѣсколько дней до открытія Думы основныхъ законовъ, составленныхъ настолько поспѣшно, что теперь, при третьей Думѣ, гр. Витте пришлось признать, что многое въ этомъ первостепенной важности актѣ было неясно и самимъ составителямъ, торопившимся забронировать законъ отъ учредительскихъ посягательствъ Думы. Заключеніе займа на явно ростовщическихъ условіяхъ, также за нѣсколько дней до 27-го апрѣля, вовсе не способствовало накопленію мирнаго настроенія депутатовъ и ихъ избирателей, и прощальныя демонстраціи, предметомъ коихъ сдѣлались многіе изъ членовъ парламента, носили характеръ открытой враждебности кабинету, вліянію котораго на ходъ всѣхъ этихъ дѣлъ приписывалось, быть можетъ, и преувеличенное значеніе. Какъ бы то ни было, въ концѣ апрѣля среди депутатовъ царило свѣтлое, бодрое настроеніе; людямъ хочется вѣрить въ то, чего они сильно желаютъ, и они невольно нанизываютъ даже и мельчайшіе признаки благопріятности, отбрасывая крупные, но не сулящіе удачи. Въ эти дни ожиданіе амнистіи, можно сказать, доминировало надъ другими, но уже къ вечеру 26-го радостные слухи смѣнились печалью, ибо текстъ тронной рѣчи сталъ извѣстенъ партійнымъ бюро, уже приступившимъ къ проекту отвѣтнаго адреса Думы.

Пріемъ въ Зимнемъ дворцѣ отличался особой пышностью и торжественностью. Дворецъ былъ переполненъ военной и гражданской знатью и интересно было наблюдать двоякое отношеніе ея къ черной, скромной по внѣшнему виду, но столько неизвѣстнаго несущей въ себѣ, депутатской массѣ. Особенно оригиналенъ былъ видъ тронной залы, гдѣ Дума и Совѣтъ долгое время стояли другъ противъ друга до начала церемоніи; безмолвно вглядывались старческія, изможденныя, по большей части умныя лица членовъ Гос. Совѣта по назначенію въ молодыя, открытыя—депутатовъ. Министерство, подавшее въ отставку, имѣло видъ невеселый. По прибытіи въ залъ Ихъ Величествъ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго Государь Императоръ вошелъ на тронъ и, взявъ изъ рукъ министра Двора тронную рѣчь, прочелъ ее при напряженномъ вниманіи всего зала.

Привѣтственное слово Государя Императора Государственной Думѣ и Государственному Совѣту.

«Всевышнимъ промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердою увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода,—необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ».

Гос. Дума стала живымъ организмомъ. Демонстраціи на улицахъ были для чинной столицы нѣсколько необычны; когда же пароходы съ депутатами шли мимо «Крестовъ» (тюрьма), то оттуда изо всѣхъ оконъ махали платками, но члены Думы не могли крикнуть имъ объ амнистіи. Въ Таврическій дворецъ принесли они съ собой и радостное оживленіе, и печаль, и тревогу, но все же первое преобладало. И только гробовое молчаніе на рѣчь предс. Гос. Совѣта, престарѣлаго Фриша, указало, что палата таитъ въ себѣ нѣчто могущее кончиться непріятно для присутствующаго здѣсь новаго кабинета, сейчасъ, съ минуты на минуту. Послѣ подписи обѣщанія, по поводу котораго думскимъ большинствомъ было своевременно оглашено установленное имъ толкованіе слова «самодержавный», приступили къ выборамъ предсѣдателя. Мы не припомнимъ случая единогласнаго избранія президента

ни въ одномъ изъ первыхъ парламентовъ и въ этомъ отношеніи русскій оказывался исключительно сплоченнымъ съ перваго же дня жизни. Здѣсь произошелъ случай тоже небывалый въ лѣтописяхъ парламентаризма. Не успѣлъ предсѣдатель Думы подняться на трибуну и размѣняться привѣтствіями со сходившимъ съ нея ст.-секр. Фришемъ, какъ членъ Думы И. И. Петрункевичъ, попросилъ слова, котораго не могъ бы получить послѣ (по формальнымъ причинамъ), и сказалъ:

«Долгъ чести, долгъ нашей совѣсти повелѣваетъ, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тѣмъ, кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой намъ всѣмъ родины. Всѣ тюрьмы въ странѣ переполнены, тысячи рукъ протягивались къ намъ съ надеждой и мольбой, и я полагаю, что долгъ нашей совѣсти заставляетъ насъ употребить всѣ усилія, которыя даетъ намъ наше положеніе, чтобы свобода, которую покупаетъ себѣ Россія, не стоила больше никакихъ жертвъ. Мы просимъ мира и согласія. Я думаю, господа, что если въ настоящую минуту мы и не приступимъ къ обсужденію этого вопроса, а коснемся его тогда, когда будемъ отвѣчать на тронную рѣчь Гос. Императора, то сейчасъ мы не можемъ удержаться, чтобы не выразить всѣхъ накопленныхъ чувствъ, крика сердца, и не сказать, что свободная Россія требуетъ освобожденія всѣхъ пострадавшихъ...» (ст. отч. 1 Г. Д., ст. 3). Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, и долго звучало въ залѣ слово «Амнистіи!» Министры въ парадныхъ мундирахъ не безъ удивленія созерцали эту картину.

Три дня потомъ ушли на конституированіе Думы, распредѣленіе по повѣрочнымъ комиссіямъ, докладъ предсѣдателя Государю Императору и т. под., обязательные акты. Въ это же время комиссія изъ 33 депутатовъ занялась составленіемъ адреса, проектъ котораго заготовленъ былъ раньше въ виду коренного значенія первыхъ словъ Гос. Думы. Пренія по адресу показали еще разъ единодушіе палаты, сказавшееся въ особенности по такому тонкому вопросу, какъ выраженіе порицанія террору. Деп. Стаховичъ произнесъ прекрасную, мѣстами трогательную, рѣчь въ защиту своего предложенія (выразить порицаніе), и палата апплодировала его искренности; но согласна она была съ деп. Родичевымъ, доказавшимъ безцѣльность и неумѣстность введенія въ адресъ резолюціи митинговаго характера. Къ мнѣнію Стаховича присоединилось изъ 448 член. всего 34 ч. Въ рѣчахъ по поводу адреса было высказано много горькихъ истинъ, много пожеланій, задѣты были всѣ области русской жизни, впервые освѣщенной съ трибуны Думы. Адресъ, принятый въ 5-мъ засѣданіи, являлся большимъ событіемъ, онъ заключалъ въ себѣ minimum тѣхъ пожеланій въ сферѣ реформъ, который могъ бы быть положенъ въ основу будущихъ мирныхъ взаимоотношеній народа и правительства, и упорядоченія самой жизни.

Не выходя изъ сферы указанныхъ въ манифестѣ 17-го октября основъ новаго государственнаго строя, адресъ являлся и политической программой новой Россіи, несомнѣнно одобренной избирателями; и доселѣ документъ этотъ, остающійся пока въ области политическихъ грезъ, по продуманности, осуществимости и умѣренности остается образцомъ, выдерживающимъ всякую критику. Адресъ, принятый единогласно (воздержавшіеся отъ голосованія 11 человѣкъ вышли изъ залы, «не желая,—какъ выразился гр. Гейденъ,—нарушать единодушіе»), гласитъ слѣдующее.

«Ваше Императорское Величество.

Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществить законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данному народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго-конституціоннымъ началамъ. Государственная Дума, съ своей стороны, приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

Но Государственная Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа. И, охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самого народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ манифестѣ 17-го октября 1905 г. возвѣстить съ высоты престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія

судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако, уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго манифеста 17-го октября, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній.

И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь именемъ Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

Государь, только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ,—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія, — подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между Верховною властью и народомъ должны быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено

волѣ народнаго представительства и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства. Государственная Дума считаетъ также несовмѣстнымъ съ жизненными интересами народа, чтобы какой-либо законопроектъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думой, подлежалъ измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собою массъ плательщиковъ налоговъ.

Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ,— убѣжденная въ томъ, что безъ точнаго установленія и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ манифестѣ 17 октября, никакая реформа общественныхъ отношеній неосуществима. Дума считаетъ также необходимымъ обезпечить за гражданами право обращаться съ петиціями къ народному представительству.

Государственная Дума исходитъ далѣе изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанный на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общаго начала равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ передъ закономъ. И поэтому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ, съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіею или поломъ. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона, страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны— трудовое крестьянство—съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія

на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явиться обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботится выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

Рядомъ съ этими мѣрами Дума обратитъ особое вниманіе на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно лежащей нынѣ на болѣе бѣдныхъ классахъ населенія, и на цѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ.

Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ является коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ привлеченіемъ къ равному участію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Памятуя о тяжкомъ бремени, которое народъ несетъ въ арміи и флотѣ Вашего Величества, Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права.

Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и рѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово—амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія,

вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія.

Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь! Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ».

Министерство готовилось къ отвѣту на адресъ, въ видѣ деклараціи своихъ намѣреній и отношенія къ новымъ органамъ правительства. Сейчасъ же стало извѣстнымъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное адресомъ, и что кабинетъ отразитъ въ своей деклараціи взгляды высшихъ сферъ. Та совмѣстная работа, о которой иные думали, какъ о совершившемся фактѣ, видимо, не могла наладиться вслѣдствіе радикальнаго разномыслія по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ управленія. Не за долго до 13 мая текстъ деклараціи сталъ извѣстенъ въ думскихъ кругахъ, и когда министерство явилось въ Думу, она уже знала, что услышитъ.

Нечего было и думать, чтобы Дума отнеслась къ этому заявленію хладнокровно. Въ рядѣ горячихъ отповѣдей на него преобладала тенденція подчиненія исполнительной власти — власти законодательной, и недовѣріе, высказанное министерству, было естественнымъ результатомъ этого засѣданія, которому пресса и часть депутатовъ приписывали рѣшающее значеніе. Рѣчи Набокова, Кокошкина, гр. Гейдена и др. цитировались повсюду и, повидимому, отвѣчали общему настроенію страны. Тѣмъ не менѣе, крушеніе надежды на совмѣстную работу усложняло положеніе вещей настолько, что всякая законодательная дѣятельность должна была стать безъ движенія до той поры, пока рѣшился бы основной споръ между бюрократическимъ и конституціоннымъ взглядами на роль исполнительной власти. Вотъ, намъ кажется, почему правительство не торопилось уже съ представленіемъ законопроектовъ, которыхъ, говорили, у него и не было, и ограничилось передачей вопросовъ о прачечной и оранжереѣ въ провинціальномъ университетѣ, что сочтено было за шутку, объ умѣстности которой мнѣнія прессы не расходились; съ другой стороны и сама Дума, вообще не обязанная, да и не могшая физически заготовить что-либо для своей работы заранѣе, сознавала, что покойная дѣятельность невозможна, и должна была ограничиться неотложнымъ закономъ объ отмѣнѣ смертной казни и внесеніемъ законодательнаго аграрнаго предложенія, которое поступало въ комиссію, оставляя засѣданія Думы почти свободными отъ текущей работы. Въ партійныхъ комиссіяхъ вырабатывались законы о печати и земскомъ самоуправленіи, въ союзѣ автономистовъ — законъ о языкахъ; въ думскихъ комиссіяхъ наказъ Думѣ и законопроекты о неприкосновенности личности, гражданскомъ равноправіи

и т. под. Словомъ, работа буквально кипѣла, депутаты до поздней ночи не выходили изъ зданія Думы, многіе занимались въ 2—4 комиссіяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что 100 ч. крестьянъ, весьма полезныхъ въ аграрной комиссіи и при обсужденіи вопросовъ о мѣстномъ управленіи, мелкой земской единицѣ и т. д., были балластомъ при организаціи другихъ комиссій и составъ Думы смѣло можно было считать, въ смыслѣ пригодности къ парламентской дѣятельности, въ 300—350 человѣкъ. Такимъ образомъ первые мѣсяцы засѣданія заранѣе обрекались на заполненіе злободневными, такъ сказать, темами и только рѣчи по аграрному вопросу придали имъ нѣкоторую устойчивость, фиксируя на этомъ вопросѣ и общественное вниманіе. Затѣмъ оставалось еще много времени, которое и заняли запросы депутатовъ. Первую Думу и доселѣ еще упрекаютъ въ большомъ количествѣ сдѣланныхъ ею разнымъ министрамъ запросовъ (336). Намъ кажется, что это было явленіемъ совершенно неизбѣжнымъ. Нужно припомнить, что происходило тогда повсюду; несбывшіяся мечты объ амнистіи подняли нервность тюремъ до того, что столкновенія сдѣлались ежедневными явленіями; крайнія партіи, которымъ, между прочимъ, какъ бы молча разрѣшалось честить Думу и кадетовъ на митингахъ самой революціонной окраски, торопились использовать время неустойчивости правительства и умѣренной палаты, чтобы вызвать рядъ волненій и новыхъ столкновеній; въ деревнѣ, вспышекъ которой боялись особенно, репрессіи были усилены, а карательныя дѣйствія на окраинахъ еще не закончены; администрація на мѣстахъ, не зная, кого еще слушаться, дѣйствовала впотьмахъ и часто нарушала этимъ чьи-нибудь интересы и т. д., и т. д. Очевидно, что число всякаго обиженнаго люда (взять хоть положеніе ссыльныхъ) увеличивалось не по днямъ, а по часамъ, и все это писало, телеграфировало, посылало Думѣ делегатовъ и ходоковъ, все шло къ ней, какъ къ послѣднему пристанищу, все молило о защитѣ и измѣненіи своего положенія, возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ. Смѣшно думать, что палата, въ составѣ которой находился цвѣтъ русской профессуры, адвокатуры и дѣятелей самоуправленія, могла сознательно избрать между двумя путями—разсмотрѣнія законопроектовъ и нескончаемыхъ запросовъ—послѣдній; но, вѣдь, перваго-то и не было вовсе, какъ мы указали выше. Какой же законъ, кромѣ отмѣны казней, можно выработать въ мѣсяцъ, два работы *первой* сессіи *перваго* парламента, гдѣ вопросы одного конституированія отнимали много умственнаго труда и времени. Повторяемъ, работоспособность первой Думы можно уже оцѣнить и теперь, послѣ опыта съ третьей, но заполнить засѣданія въ маѣ и іюнѣ 906 года чѣмъ-нибудь болѣе неотложнымъ, нежели запросы, возможности не представлялось. Разсмотримъ, однако, не было ли и среди запросовъ такихъ,

которые по важности своей не стоили бы той «законодательной вермишели», которую изготовляетъ третья Дума, по образному выраженію ея предсѣдателя? Не было ли затронуто запросами нѣсколько деталей стараго строя болѣе радикально, нежели то могли бы сдѣлать пренія при обсужденіи соотвѣтствующихъ законопроектовъ? И не выяснили ли нѣкоторые запросы позиціи Думы и правительства съ той отчетливостью, которая такъ необходима была для трезваго сужденія о всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ?

Мы остановимся лишь на важнѣйшихъ запросахъ: по поводу типографіи въ департаментѣ полиціи, телеграммъ въ «Правит. Вѣстникѣ», Бѣлостокскомъ погромѣ, избіеніи депутата и, наконецъ, по поводу аграрнаго правительственнаго сообщенія. Изъ нихъ только одинъ первый относится къ событіямъ, случившимся до 27 апрѣля. Мин. вн. д. Столыпинъ высказалъ въ своей рѣчи по этому запросу мысль, что правительство обязано отвѣчать только по запросамъ относительно незакономѣрныхъ актовъ, совершенныхъ *послѣ* 27 апрѣля; но основана мысль эта была на очевидномъ недоразумѣніи: съ одной стороны—законъ нигдѣ не указалъ срока для запросовъ, а съ другой принятіе толкованія министра равнялось бы своеобразной амнистіи Думой всѣхъ погромовъ, разстрѣловъ и безсудныхъ казней, которыми такъ богато было время, ей предшествовавшее. Поэтому Думой дѣлались и впослѣдствіи запросы о старыхъ бюрократическихъ грѣхахъ и министерство иногда отвѣчало. Запросъ о погромной дѣятельности департ. полиціи былъ и по счету, да пожалуй и по важности, первымъ среди трехсотъ съ лишкомъ запросовъ. Изобличеніе контръ-революціонной дѣятельности чиновъ полиціи и администраціи проливало яркій свѣтъ на всю систему, при которой были возможны такія дѣйствія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Запросъ былъ вызванъ оглашеніемъ оффиціальнаго документа (въ I главѣ мы уже говорили объ этомъ) и потому въ особомъ обоснованіи не нуждался. Среди членовъ Думы находился, къ тому же, человѣкъ, освѣдомленность котораго могла оказать весьма цѣнное содѣйствіе Думѣ въ окончательномъ сужденіи ея объ этомъ выдающемся нарушеніи закона,—это бывшій тов. мин. вн. дѣлъ, кн. Урусовъ, членъ партіи демокр. реформъ. Онъ не располагалъ, впрочемъ, документальными данными, относящимися къ печатанію прокламацій, и могъ говорить лишь о томъ, что, въ сущности, было уже всѣмъ извѣстно; но авторитетное подтвержденіе бывшаго члена кабинета придавало дѣлу ту несмываемую окраску, съ какой оно и осталось теперь во мнѣніи всего міра, отнесшагося къ этому запросу Думы съ исключительнымъ вниманіемъ. Положеніе министра вн. дѣлъ было тѣмъ болѣе тяжело, что онъ не могъ быть увѣренъ въ точности сообщенныхъ ему чиновни-

ками данныхъ, и кн. Урусовъ обратилъ на это его вниманіе и въ рѣчи своей, и въ частномъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день, 8 іюня, когда министръ отвѣчалъ на запросъ. Рѣчи кн. Урусова ожидали всѣ съ большимъ интересомъ и волненіемъ, и она не обманула надеждъ Думы; въ безукоризненной формѣ, съ тѣмъ мудрымъ спокойствіемъ, которое бываетъ удѣломъ лишь немногихъ людей въ отвѣтственные моменты жизни (а своей рѣчью кн. Урусовъ порывалъ навсегда съ тѣмъ міромъ, который столько на него возлагалъ упованій), ораторъ развилъ передъ собраніемъ рядъ мыслей, возражать противъ которыхъ никто не рѣшился бы; онъ указывалъ на невозможность для министра вн. дѣлъ ручаться за дѣйствія учрежденія, давно занявшаго въ гос. строѣ исключительное мѣсто (изъ дѣла А. Лопухина стало видно, что не только кн. Святополкъ-Мірскій, но и Сипягинъ не могли справиться съ царившими тамъ порядками, а Плеве самъ сталъ ихъ жертвой); онъ говорилъ, между прочимъ:

«Я могу утверждать... что никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Гос. Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди, или темныя силы, стоящіе за недосягаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ живыми людьми»...

Наибольшее впечатлѣніе произвелъ, однако, конецъ рѣчи, въ которомъ ораторъ сдѣлалъ краткій, но мастерской анализъ положенія, занимавшагося первой Думой среди этой сложной игры вліяній, интригъ, преступленій, довѣрчивости и самоувѣренности.

По поводу запроса о печатаніи телеграммъ, порочившихъ Думу, возникла оффиціальная переписка между С. А. Муромцевымъ и Л. Л. Горемыкинымъ, который въ достаточно неудачныхъ выраженіяхъ отказался отвѣчать Думѣ на запросъ, не считая ее въ правѣ дѣлать его по поводу обращеній къ Е. И. Величеству. На Думу отказъ этотъ произвелъ весьма тягостное впечатлѣніе. Слова, сказанныя кн. Урусовымъ, снова оказывались вѣрными и къ Думѣ не возникало того довѣрія, безъ котораго она заранѣе обрекалась на смерть, а страна на рядъ новыхъ вспышекъ. Что касается до самыхъ телеграммъ, то ни для кого не было секретомъ, что онѣ посылались по указаніямъ и текстамъ, даннымъ изъ гл. совѣта союза русск. народа; нынѣ, повидимому, установлено участіе этой партіи въ политическихъ убійствахъ, а въ то время знали только о ея готовности къ такому способу борьбы. Поэтому неосвѣдомленность лицъ, предававшихъ гласности телеграммы сомнительнаго происхожденія и укрывавшихся за короной отъ объясненій, которыя могли быть только полезны для кабинета, грозила большими осложненіями. Кабинетъ какъ бы расписывался въ согласіи съ мнѣніями о Думѣ, самое выраженіе коихъ по закону долж-

но было караться весьма сурово. Во время третьей Думы и былъ случай привлеченія къ суду за оскорбленіе Гос. Думы,—очевидно, что взглядъ измѣнился, какъ измѣнился онъ и по отношенію къ личной неприкосновенности депутатовъ; членъ третьей Думы октябристъ былъ задержанъ городовымъ, который понесъ за это наказаніе; членъ же первой Думы былъ избитъ полиціей при разгонѣ публики около одного изъ петербургскихъ скверовъ, и газеты того времени сообщали, что виновные остались безъ взысканія. На обыски же у депутатовъ и вниманія не обращали, т. к. наблюденіе полиціи вообще велось совершенно открыто. Начиная съ кулуаровъ Думы, гдѣ бродили Азефъ и его товарищи, вестибюля, гдѣ среди прислуги добрая часть состояла изъ агентовъ охраны, и до извозчиковъ-агентовъ, стоявшихъ у подъѣздовъ нѣкоторыхъ депутатскихъ квартиръ, повсюду члены парламента были подъ зоркимъ, но наивнымъ по своей откровенности и искусству наблюденіемъ. Депутатской неприкосновенности, въ европейскомъ смыслѣ слова, и сейчасъ нѣтъ у насъ; еще въ 906 г. была сдѣлана первая попытка къ извлеченію изъ парламента его членовъ путемъ привлеченія къ уголовн. отвѣтственности (дѣло Ульянова, редактора газеты), но тогда Дума не только не дала согласія на временное устраненіе депутата, но и внесла проектъ закона, закрѣпляющаго за Думой право отказывать въ возбужденіи уголовн. преслѣдованія во время сессій. Потомъ дѣло обходилось проще и третья Дума исключила двухъ депутатовъ, при чемъ одного (Колюбакина) по дѣлу, представлявшемуся и для октябристовъ сомнительнымъ. Этими прецедентами устанавливалась возможность самаго широкаго вліянія на измѣненіе личнаго состава Думы и нечего говорить о томъ, какъ мало отвѣчало такое положеніе достоинству и прочности высшаго законодательнаго органа; конечно, никто и мысли не допускалъ, чтобы правительство стало пользоваться создавшимися условіями, но самая возможность изъятія, касавшаяся конечно только наиболѣе активныхъ депутатовъ (издателей и редакторовъ журналовъ партійныхъ дѣятелей, лекторовъ и т. под.) сковывала свободу учрежденія, такъ въ ней нуждающагося.

При такихъ, напримѣръ, отношеніяхъ къ депутатской неприкосновенности невозможно было бы повторить опыта первой Гос. Думы съ посылкой депутатовъ для разслѣдованія какого-нибудь явленія общественной жизни, какъ это было сдѣлано при полученіи извѣстія о погромѣ въ Бѣлостокѣ. Мы должны замѣтить, что шагъ этотъ, съ формальной стороны, былъ, конечно, незаконенъ и правительство могло бы остановить его въ самомъ началѣ, при чемъ Дума подчинилась бы безъ протеста. Но очевидно, что обстоятельства были настолько исключительныя, намѣренія же Думы такъ скромны, что ка-

бинетъ не протестовалъ, чѣмъ и ликвидировалась незакономѣрность думскаго распоряженія. Поэтому едва ли можно было впослѣдствіи ставить ей въ вину бѣлостокскую анкету. Какъ бы то ни было, бѣлостокскій погромъ былъ освѣщенъ съ друхъ сторонъ: властями, — гражданскими и военными, и парламентомъ; губернаторъ Кистеръ опровергъ оффиціальную телеграмму о причинѣ погрома и ушелъ въ отставку; судебное слѣдствіе привело на скамью подсудимыхъ — «стрѣлочниковъ»; военные поблагодарили ген. Бадера за дѣйствія войскъ во время погрома; парламентская комиссія собрала грандіозный матеріалъ, которымъ только отчасти воспользовалась Гос. Дума (позднѣе, къ сожалѣнію, все дѣло изъ канцеляріи Думы пропало). Пренія по бѣлостокскому запросу затянулись вслѣдствіе громоздкихъ докладовъ и кончились резолюціей, въ формѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающаго извѣстное убѣжденіе прогрессивной части общества въ происхожденіи погромовъ; рѣчи кн. Урусова, барона Штейнгеля, епископа, барона Роопа и др. депутатовъ обосновали его теперь навсегда. Резолюція эта почти совпала по времени съ обсужденіемъ запроса объ аграрномъ сообщеніи правительства. Гос. Дума доживала свои послѣдніе дни, и немного можно было насчитать въ ней оптимистовъ, расчитывавшихъ на благополучное окончаніе первой сессіи. 70 дней, такъ богатые всякими событіями, прошли, унеся съ собой огромную работу, колоссальную затрату человѣческаго воодушевленія, энергіи, проникновенія вглубь неотложныхъ задачъ русской жизни. Такого рода растраты національнаго культурнаго капитала, въ которыхъ повинны передъ исторіей всѣ европейскія государства, надолго подрываютъ жизнеспособность и самую психику народовъ, и эпоха утомленія и реакціи, наступившая послѣ роспуска второй Думы, показала, какой жестокій кризисъ уготованъ былъ Россіи ея несчастной судьбой. Обращаясь нѣсколько назадъ, мы еще находимъ признаки связи первой Думы съ населеніемъ, по крайней мѣрѣ съ крестьянствомъ и либеральной интеллигенціей. Въ то самое время, когда представители крайнихъ лѣвыхъ партій громили «кадетскую» Думу на митингахъ и въ печати, обвиняя ее чуть не въ измѣнѣ и продажности, другая болѣе умѣренная часть населенія возлагала на нее послѣднія свои надежды. Сотни ходоковъ тянулись къ Таврическому дворцу изъ русской глуши, изъ сибирскихъ нѣдрръ, съ южныхъ степей; тысячи адресовъ, наказовъ, наивныхъ и трогательныхъ прошеній заваливали почтовое отдѣленіе въ Думѣ, и атмосфера единенія съ народомъ создавала бодрое настроеніе, которое разбивалось только, какъ прибой о прибрежные рифы, — о все болѣе крѣпшее раздраженіе правительственныхъ сферъ. Поэтому и ходоки, и наказы, и адреса, все это на мѣстахъ подвергалось искорененію и мѣстныя власти

продолжали дѣйствовать такъ, какъ если бъ на мѣстѣ Думы стоялъ уже тюремный корпусъ съ пятьюстами заключенными въ немъ крамольниками. Рядомъ съ этимъ въ центральныхъ кругахъ чувствовалось нѣкоторое колебаніе. Ген. Треповъ, принявшій конституцію извѣстнымъ своимъ распоряженіемъ: «Патроновъ не жалѣть», рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ ней послѣ того, что вѣрное чутье подсказало ему несбыточность возвращенія къ прежнему бюрократическому строю; поэтому дворцовый комендантъ, продолжая съ одной стороны брать къ себѣ и направлять дѣла департамента полиціи, съ другой—нащупывалъ почву для сближенія и, по крайней мѣрѣ, для переговоровъ съ выдающимися партійными дѣятелями и членами думскихъ фракцій. Изъ переговоровъ этихъ ничего не вышло такъ же, какъ и послѣ роспуска Думы—съ гр. Гейденомъ и др., но извѣстное симптоматическое значеніе они въ то время имѣли, и не мало было людей, питавшихъ надежду на установленіе какого-нибудь modus vivendi на мѣсто явно враждебныхъ отношеній съ кабинетомъ Горемыкина. Работать съ людьми, которые встрѣчали рѣчи нѣкоторыхъ представителей власти криками «въ отставку!», «погромщики!», «палачи!» и даже «вонъ! долой!» было, разумѣется, невозможно; независимо отъ причины этихъ непарламентскихъ способовъ выражать негодованіе. Объ отставкѣ же кабинета въ высшихъ сферахъ серьезно не думали, и значитъ отставка Думы напрашивалась, такъ сказать, сама собой, какъ необходимый постулатъ. Находились, разумѣется, среди депутатовъ и такіе, что съ самаго начала не вѣрили ни шагамъ ген. Трепова, ни свѣдѣніямъ о настроеніи придворныхъ круговъ, якобы благожелательномъ составленію «кадетскаго» министерства, а вѣрили только въ неизбѣжный роспускъ Гос. Думы. По мѣрѣ удаленія отъ 27 апрѣля число такихъ депутатовъ все росло и они-то вносили въ думскія работы тотъ элементъ нервности, который, при общемъ утомленіи отъ безпрерывныхъ занятій, подымалъ думскій пульсъ до высшаго напряженія часто по ничтожнымъ поводамъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежали, вѣроятно, рабочіе депутаты, въ числѣ 11 человѣкъ, составлявшіе почти всю наличность соц.-дем. фракціи въ Думѣ, которые выпустили обращеніе къ своимъ товарищамъ-рабочимъ; документъ этотъ, конечно, не могъ способствовать упроченію положенія Думы, а самый фактъ его составленія и оглашенія былъ отнесенъ за счетъ общаго думскаго тона, который дескать способствовалъ накипанію революціонныхъ чувствъ въ отдѣльныхъ группахъ. На самомъ дѣлѣ, все поведеніе въ Думѣ крайней лѣвой рѣзко осуждалось центромъ и частью трудовой группы; но отсутствіе лучшихъ соц.-демократическихъ силъ дѣлало изъ фракціи с.-д. подголосокъ внѣдумскихъ вліяній и направленій, а насколько вліянія эти отвѣчали истинному положенію вещей

въ странѣ и ея отношенію къ Думѣ, видно теперь, по оглашеніи работы провокатора Азефа. Вслѣдствіе подобныхъ выступленій лѣвыхъ, въ самой Думѣ создавалось нѣкоторое внутреннее треніе, всегда мѣшающее работѣ и которое, въ данномъ случаѣ, нисколько не походило на ту, обычную во всѣхъ парламентахъ, партійную борьбу, результатомъ которой и бываетъ законодательство, отвѣчающее программѣ большинства. Первая Дума могла быть сильна только вліяніемъ своимъ, а оно подрывалось въ ея же собственныхъ нѣдрахъ. Нельзя также сказать, чтобы всѣ дѣйствія центра были одинаково цѣнны въ смыслѣ тактики, и случалось иногда, что по отдѣльнымъ поводамъ бывали разногласія внутри фракціи большинства, разногласія чисто тактическаго характера, ибо программа, такъ долго и тщательно разрабатывавшаяся, могла только крѣпнуть при провѣркѣ ея на практической работѣ. Словомъ сказать, депутаты были нервны, впечатлительны, утомлены до безсонницы и мы полагаемъ, что если и были кое какіе дефекты въ ходѣ занятій, то они исчезли бы сами собой, отъ одного утомленія, если бъ Дума осталась жить.

Какъ намъ неоднократно приходилось уже отмѣчать, жизнь того времени протекала въ условіяхъ какой-то универсальной эпидемичности; заразѣ подвергались обѣ стороны; и т. к. то была пора всяческихъ заявленій, резолюцій, обращеній, петицій и т. под. актовъ оповѣщенія населенія, то и кабинеты Витте и Горемыкина не могли миновать этой стремнины и то и дѣло издавали такъ наз. «правительственныя сообщенія», въ которыхъ объясняли населенію или свои намѣренія (о созывѣ Думы, изданій закона и т. под.) или намѣренія другихъ (сов. раб. депутатовъ, Гос. Думы и т. д.). Документы эти, обычно никѣмъ не подписанные, но носившіе строго оффиціальный характеръ и обязательные для расклейки по селамъ и городамъ, служатъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ правительствъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, и не вызываютъ къ себѣ особаго вниманія въ обратномъ случаѣ. Это обстоятельство учитывалось Гос. Думой, которая не реагировала на сообщенія, полагая вліяніе ихъ для себя неопаснымъ и вообще ничтожнымъ, въ виду нерѣдкихъ ошибокъ и противорѣчій. Вскорѣ по окончаніи преній по аграрному вопросу, когда въ народѣ могла уже достаточно окрѣпнуть надежда на то, что заявленныя Думой въ отвѣтномъ адресѣ положенія о принудительномъ отчужденіи и переходѣ къ трудящимся на землѣ извѣстныхъ ея разрядовъ осуществятся, правительство сочло необходимымъ парализовать эти надежды изложеніемъ своихъ взглядовъ на принципы, настойчиво проводимые въ работѣ думской аграрной комиссіи.

Къ сожалѣнію, форма сообщенія, весьма пространная, заключала въ себѣ столько полемическихъ выпадовъ, уже сдѣланныхъ въ Думѣ

г. Гурко, и ставило Гос. Думу на такое мѣсто въ ряду правительственныхъ органовъ, что оставить его безъ вниманія представлялось бы опаснымъ прецедентомъ. Поэтому внесенный запросъ, подписанный 116 депутатами, въ засѣданіи 27 іюня былъ принятъ единогласно послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ въ немъ въ виду затронутаго понятія «правительство», равно какъ и предложеніе деп. В. Д. Кузьмина-Караваева о «сообщеніи» населенію. Эти два вотума имѣли, какъ кажется, двоякое значеніе: во-первыхъ, вся Дума считала яснымъ, что кабинетъ дѣйствовалъ незакономѣрно, а во-вторыхъ, вся Дума признавала, что въ мѣсячный срокъ, установленный закономъ для отвѣта на запросъ, слишкомъ долго, и что опасные для Думы взгляды населенія успѣютъ укорениться раньше, чѣмъ рефлексъ Думы дойдетъ до него. Наконецъ, Дума не придавала своему сообщенію манифестаціоннаго характера, поручивъ составленіе его той же аграрной комиссіи, по инціативѣ которой былъ сдѣланъ и запросъ. Комиссія, въ свою очередь, поручила составленіе проекта сообщенія тѣмъ же лицамъ, которыя составляли и запросъ. Было не легко согласовать въ этомъ документѣ всѣ теченія по аграрному вопросу, представленныя въ комиссіи изъ *ста* человѣкъ; когда проектъ былъ предоставленъ комиссіи, каждое слово его подверглось детальному обсужденію и здѣсь, быть можетъ безсознательно, сказалось предчувствіе того значенія, которое имѣло для Думы это сообщеніе.

Дума приступила къ обсужденію проекта, прошедшаго уже черезъ многократную критику аграрной комиссіи, при чемъ необходимая нейтральность выраженій, обезцвѣчивающая стиль, была результатомъ согласованія *всѣхъ* взглядовъ на аграрную проблему. Однако надеждамъ на благополучное прохожденіе въ Думѣ проекта не суждено было сбыться. Не успѣлъ докладчикъ комиссіи, деп. Обнинскій, войти на трибуну, какъ отовсюду потянулись депутаты, съ записками о желаніи говорить. Записалось 64 человѣка и это опять же указывало на важность вопроса. Попытки отложить дѣла, равно какъ и противоположныя—придать сообщенію характеръ манифеста, были парализованы огромнымъ большинствомъ, желавшихъ окончанія дѣла въ томъ же направленіи, которое дано было ему съ самаго начала. Но прошло еще нѣсколько дней, пока можно было приступить къ обсужденію проекта по частямъ. За это время общее положеніе и соотношеніе силъ въ странѣ и въ самой Думѣ измѣнились. Это сказалось на желаніи центральнаго комитета партіи нар. свободы пересмотрѣть самый вопросъ о своевременности выступленія Думы въ тотъ моментъ, когда, какъ казалось, дѣло съ перемѣной министерства налаживалось. Но фракціонное большинство настояло на выпускѣ сообщенія; тогда, по причинамъ, анализъ коихъ вывелъ бы

насъ слишкомъ далеко за предѣлы работы, высказано было центр. бюро желаніе переставить абзацы текста и сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Совершенно ясно, что этимъ нарушалась и работа аграрной комиссіи, обсуждавшей каждое слово и знакъ препинанія и, главное,—соглашеніе трехъ главнѣйшихъ группъ Думы.

Въ газеты попалъ первоначальный текстъ (безъ нашего вѣдома. В. О.) и сдѣлался такимъ образомъ извѣстнымъ въ деревнѣ; правительство было раздражено и никакихъ иныхъ комбинацій, кромѣ роспуска Думы, не могло существовать въ эти дни; наконецъ, Дума раскололась на сообщеніи, и труды аграрной комиссіи пропали, въ этомъ отношеніи, даромъ. Впервые Дума показала себя слабой и моментъ, конечно, не былъ пропущенъ. 8-го іюля, въ субботу, комиссіи продолжали еще работать, а 9-го во дворцѣ полиція очищала столы *бывшихъ* депутатовъ.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на послѣднихъ дняхъ перваго парламента въ виду того, что нигдѣ еще не нашли вполнѣ точнаго изложенія хода вопроса о сообщеніи; сужденіе о тактическихъ ошибкахъ остается нашимъ личнымъ мнѣніемъ.

Что касается до неконституціонности шага Думы, то она подверглась тщательному анализу знатоковъ нашего госуд. права и въ Думѣ, и въ спеціальной прессѣ, не нашедшихъ слѣдовъ нарушенія границы права всякаго дѣлать сообщенія о своей дѣятельности; революціонизировать же населеніе документомъ, приглашающимъ *мирно* и терпѣливо ждать окончанія думскихъ работъ, едва ли было возможно. Какъ и раньше, сообщеніе подверглось слѣва еще болѣе жестокой критикѣ, чѣмъ справа и лучшія силы русской интеллигенціи снова остались одиноко между правительственнымъ молотомъ и с.-д. наковальней.

Высочайшій манифестъ гласилъ:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

о роспускѣ Государственной Думы и о времени созыва таковой въ новомъ составѣ.

«БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ: волею Нашей призваны были къ строительству законодательному люди избранные отъ населенія.

Твердо уповая на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и велико будущее Нашего народа, мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельнаго труда. Ожиданіямъ Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенства Законовъ Основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ Отечествѣ.

Да возстановится же спокойствіе въ землѣ Русской и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ Царственныхъ трудовъ Нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложатъ, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принаддежать будущему составу Думы.

Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ, указомъ Нашимъ Правительствующему Сенату 8 сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20 февраля 1907 года.

Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной

Думы осуществленія ожиданій Нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

Вѣрные сыны Россіи!

Царь вашъ призываетъ васъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой Родины.

Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли Русской.

Данъ въ Петергофѣ, въ 9-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же Нашего въ двѣнадцатое».

На 20 февраля 1907 года созывалась вторая Дума. Правительство не надѣялось на мирный исходъ акта 8 іюля, и въ этомъ отношеніи впало въ ту же ошибку, что и авторы выборгскаго воззванія, переоцѣнивъ связь первой Думы съ населеніемъ; связь эта была крѣпка съ крестьянствомъ, вполнѣ неорганизованнымъ для дружнаго выступленія по какому бы то ни было поводу, кромѣ земли, а здѣсь Дума приглашала къ миру; крѣпка была и съ либеральной интеллигенціей, но эти круги состояли изъ такихъ же мирныхъ людей, какъ большинство Думы. Поэтому циркуляръ м. в. д. Столыпина (телеграмма отъ 7 іюня, т.-е. *за день* до роспуска) былъ вызванъ болѣе предположеніемъ, чѣмъ освѣдомленностью. Въ немъ говорилось, между прочимъ:

> «Въ виду ожидающагося съ ближайшихъ же дней возникновенія общихъ безпорядковъ, прошу немедленно распорядиться обысками и арестами-руководителей революціонныхъ, желѣзнодорожныхъ, а также боевыхъ организацій и агитаторовъ среди войскъ, хранителей оружія и бомбъ съ передачей дѣла формальному дознанію, а если невозможно, то со скорымъ примѣненіемъ административной высылки или представленіемъ о семъ особому совѣщанію и т. д.»

Въ другомъ циркулярѣ предлагалось «въ виду крайне революціонной дѣятельности бывшихъ членовъ Гос. Думы, разъѣзжающихъ въ настоящее время для агитаціи по селеніямъ», арестовывать такихъ лицъ, несмотря на ихъ общественное положеніе. Можно было подумать, что число ихъ необычайно велико, но, судя по сводкѣ данныхъ о преслѣдованія бывшихъ депутатовъ, оно не превосходитъ десятка, двухъ, преимущественно крестьянъ, дома разсказывавшихъ на сходкахъ о Гос. Думѣ не тѣмъ языкомъ, которымъ говорили до своего избранія. (Дума значительно подвинула впередъ ихъ общее и политическое развитіе). И тамъ, если не было реальнаго отзыва на выборгское воззваніе, имѣвшее лишь декларативный характеръ, то въ сочувственныхъ демонстраціяхъ недостатка не было; онѣ приняли даже общеевропейскій характеръ вслѣдствіе того, что засѣдавшій въ Лондонѣ междупарламентскій конгрессъ услышалъ вѣсть о роспускѣ отъ самихъ своихъ

русскихъ сочленовъ и реагировалъ на него весьма внушительно. Сдѣлавшееся крылатымъ восклицаніе президента конгресса и перваго министра Англіи, Кемпбелля Баннермана: «La Douma est morte vive, la Douma!» едва не послужило поводомъ для объясненій между двумя правительствами, а отзывы міровой прессы совершенно опредѣляли позицію, занятую безстрастными свидѣтелями русской драмы. Особое вниманіе было удѣлено адресу, который хотѣли поднести С. А. Муромцеву представители англійскаго народа и подъ которымъ подписалось около 300 членовъ парламента, болѣе 60 епископовъ и духовныхъ лицъ, лордовъ, профессоровъ, литераторовъ, редакторы 26 главныхъ органовъ англійской прессы, болѣе 40 мэровъ (городскихъ головъ) разныхъ городовъ и почти всѣ вожди крупныхъ трэдъ-юніоновъ.

Около этого невиннаго событія разгорѣлись такія страсти въ «черносотенной» прессѣ, что англичане отказались отъ мысли посылать адресъ съ особой депутаціей, достаточно усвоивъ себѣ, послѣ убійства Герценштейна, русскую дѣйствительность. 9 и 10 іюня 1906 г. большая половина Гос. Думы, т.-е. «кворумъ» ея, засѣдала въ Выборгѣ; роспускъ вновь соединилъ двѣ фракціи, такъ основательно разошедшіяся въ послѣдніе дни Думы. Воззваніе, при всей скромности его практическаго значенія, было сильно однимъ: оно отражало въ себѣ все напряженіе того горькаго чувства, съ которымъ «лучшіе люди» страны принимали событіе 8 іюля. Припомнившіяся тутъ слова деп. Родичева, послѣ деклараціи 13 мая, выражали собой дѣйствительно *общее* настроеніе думскаго центра, части трудовиковъ, польскаго кола и безпартійныхъ, т. е. $^{9}/_{10}$ состава, обезпечивающаго равный, нереволюціонный ходъ занятій. Ѳ. И. Родичевъ сказалъ тогда, между прочимъ:

«Мы явились сюда, выражая готовность вѣрить въ возможность работы, направленной къ обновленію страны; мы ждали, что власть пойдетъ къ намъ навстрѣчу; мы готовы были забыть прежнюю дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть. Мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогѣ обновленія Россіи власть находилась въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились, намъ заявили, что мы подтачиваемъ жизненныя основы страны...» (Стен. отч.).

Быть можетъ, лучше было бы, еслибъ эти или имъ подобныя слова стояли въ выборгскомъ воззваніи на мѣстѣ призыва къ такимъ формамъ пассивнаго сопротивленія, какія доступны лишь высокоорганизованнымъ массамъ. Быть можетъ, было бы еще лучше, еслибъ проектъ воззванія былъ составленъ и обсужденъ въ Думѣ въ то время, когда она не была еще распущена, но ожидала роспуска съ часу на часъ. Поздно судить объ этомъ. Необычайное сходство воззваній русской Госуд. Думы 1906 г. и прусскаго національнаго собранія 1848 г. можетъ помочь въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Очевидно, что подъ

давленіемъ однородныхъ причинъ разные люди разныхъ историческихъ эпохъ склонны бываютъ къ однороднымъ актамъ. А извѣстно, что рефлексъ отвѣчаетъ шоку во всемъ—и въ силѣ, и въ направленіи, и въ осмысленности, что отмѣчено еще въ сѣдой древности: «Actio par est reactioni!»

Въ половинѣ же іюля 1906 г. начались мятежи въ крѣпостяхъ и флотѣ, совершено было членами союза русскаго народа убійство депутата Герценштейна, привлечены къ суду 108 членовъ бывшей Думы, и произошли другія событія не меньшаго значенія. Къ нимъ мы вернемся еще во второй части этой работы.

Россія, пережившая годы смуты и мѣсяцы конституціи, вступала въ новую пору—*бездумья*. Но за этимъ словомъ именно и роились тяжкія думы интеллигенціи, вставали передъ правительствомъ новыя заботы и воскресали передъ народомъ старыя.

Государственный корабль взлетѣлъ на острый гребень революціонной волны и словно закачался на мгновеніе, прежде чѣмъ ринуться въ смѣнявшую ее пропасть реакціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая. Революція.
